

А. С. ПОЛЯКОВЪ

**О СМЕРТИ
ПУШКИНА**

(ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ)

Издано
Пушкинскою Домою
при
Россійскоу Академію Наукъ

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

А. С. ПОЛЯКОВЪ

О СМЕРТИ ПУШКИНА

(ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ)

Труды
Пушкинского Дома
при
Россійской Академіи Наукъ

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.
Ноябрь 1921.

Первая Государственная Типографія. Гатчинская, 26.

О СМЕРТИ ПУШКИНА

ПАМЯТИ ДОЧЕРИ МОЕЙ

НАТАШИ

I.

Послѣ извѣстнаго труда П. Е. Щеголева о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина ¹⁾, работы, къ которой многого не прибавишь, такъ сильно насыщена она матеріаломъ, и гдѣ методы строго научнаго изслѣдованія сочетались съ глубокимъ психологическимъ анализомъ и блестящимъ, увлекательнымъ изложеніемъ, на долю другихъ остались второстепеннаго значенія факты и эпизоды, не извѣстныя изслѣдователю «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». П. Е. Щеголеву въ свое время не удалось получить всѣхъ документовъ въ архивѣ Департамента полиціи. «Дѣлъ III Отдѣленія о Пушкинѣ, какъ извѣстно, довольно много», писалъ онъ, «но о смерти его въ нихъ нѣтъ ничего ²⁾. Никакихъ подходящихъ сюда дѣлъ мы не могли подыскать и по алфавиту за 1837 годъ. Впрочемъ, такой результатъ еще не приводитъ къ выводу, что интересующихъ насъ документовъ не было или не сохранилось. Быть можетъ, розыски и увѣнчаются успѣхомъ, если будутъ производиться въ болѣе свободныхъ условіяхъ» ³⁾.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые документы, почему-либо признанные въ свое время III Отдѣленіемъ особо важными, откладывались въ картонны и папки, хранились отдѣльно въ шкапахъ и составляли секретный фондъ архива. Содержаніе этихъ бумагъ весьма разнообразно. Документы относятся къ 20 — 60 годамъ прошлаго столѣтія и дѣльны съ исторической, историко-литературной и бытовой стороны. На ряду съ докладами власть имѣющихъ лицъ и съ донесеніями простыхъ агентовъ III Отдѣленія встрѣчаются любительскіе доносы Булгарина, Греча, различные слухи и сплетни «по поводу» — въ родѣ перехода Бенкендорфа въ католичество, — свѣдѣнія о сексуальныхъ «намѣреніяхъ» такогото, о перлюстрированныхъ письмахъ, любовныхъ исторіяхъ, о «разговорѣ молодыхъ людей» и вообще о томъ, гдѣ и что дѣлается.

Здѣсь же оказались и кое-какіе документы о Пушкинѣ. Часть ихъ напечатана Б. Л. Модзалевскимъ и А. А. Шиловымъ ⁴), а касающіеся смерти поэта или имѣющіе косвенное отношеніе къ этому событію опубликовываются въ настоящей работѣ.

П. Е. Щеголевъ безошибочно предполагалъ, что «въ будущемъ врядъ ли можно будетъ розыскать много документальнаго матеріала въ дополненіе» къ его труду ⁵). Немного его нашлось и въ III Отдѣленіи. Ничего существеннаго въ изслѣдованіи П. Е. Щеголева документы не колеблютъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ поясненія къ послѣдней дуэли Пушкина или подтверждаютъ нерѣшительно высказанныя догадки.

Секретныя матеріалы III Отдѣленія несомнѣнно случайны, они не представляютъ собой «дѣла», состоятъ изъ писемъ, записочекъ и справокъ. Помѣщены они были въ папкѣ 19 подъ № 739 и «собирателемъ» А. Н. Мордвиновымъ ⁶) разбиты на двѣ части, каждая въ особой бѣлой обложкѣ съ карандашной отмѣткой Мордвинова: «Письма по случаю смерти Пушкина 1837 года» и «О присланныхъ Пушкину безымянныхъ запискахъ».

Среди бумагъ, объединенныхъ и временемъ, и по содержанію, оказалось письмо графа В. А. Соллогуба ⁷) къ Пушкину, имѣющее свою исторію. Въ январѣ 1836 года Пушкинѣ, недовольный поведеніемъ графа, котораго онъ заподозрилъ въ черезчуръ развязномъ обращеніи съ Натальей Николаевной на одномъ изъ баловъ Петербурга, вызвалъ Соллогуба на дуэль ⁸). Къ этому времени Соллогубъ былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной комиссіи во Ржевѣ, Тверской губерніи, и письмо, посланное туда Пушкинымъ, не дошло по адресу. Соллогубъ узналъ о вызовѣ отъ Андрея Карамзина, своего товарища по Дерптскому Университету ⁹).

Списавшись съ Карамзинымъ и узнавъ въ чемъ дѣло, Соллогубъ отправилъ Пушкину письмо (на французскомъ языкѣ) съ объясненіями. Письмо въ подлинникѣ до насъ не дошло и недавно только г-жей Голубовой была опубликована его черновая въ «Отчетѣ Историческаго Музея въ Москвѣ» ¹⁰). Для полноты передачи всего эпизода и ввиду малой распространенности «Отчета», позволяемъ себѣ перепечатку письма въ переводѣ г-жи Голубовой. Въ прямыхъ скобки поставлено зачеркнутое Соллогубомъ.

«Милостивый Государь!

Я только что получилъ письмо отъ Андрея Карамзина, гдѣ онъ мнѣ говоритъ, что въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ писемъ онъ меня извѣщалъ объ объясненіи, которое Вы будто бы желали отъ меня получить. Спѣшу Васъ удостовѣрить, М. Г., что письмо это пропало, и до сегодня я не зналъ, что изъ-за моей опрометчивости я могъ быть заподозрѣнъ въ поступкѣ, недостойномъ честнаго человѣка. Очень далекій отъ отказа въ удовлетвореніи, котораго Вы отъ меня хотите, М. Г., я иду ему навстрѣчу и настоятельно прошу Васъ дать мнѣ знать чрезъ посредство Андрея, когда и какимъ образомъ мы можемъ окончить наше дѣло. Существующія обстоятельства не позволяютъ мнѣ возвратиться въ Петербургъ, развѣ только Вы того не пожелаете непременно, да и въ такомъ случаѣ это было бы только на нѣсколько часовъ. Не желая совершенно оспаривать Ваше весьма законное право вступаться въ разговоры, которые ведутся съ Вашей супругой, я Вамъ отвѣчу на Ваши два вопроса, что я ей говорилъ о г. Ленскомъ, потому что я съ нимъ только что обѣдалъ у гр. Нессельроде, [и что я не зналъ про сплетни, говоря ей...] что вообще у меня не было никакой задней мысли, [не зная и всегда презирая сплетни] такъ какъ я никогда не знаю свѣтскихъ сплетенъ и глубоко ихъ презираю [всегда свѣтскія сплетни].

[Что касается другого вопроса, я отъ него никакъ не отрекаюсь: не получивъ отъ Вашей супруги никакого отвѣта и видя, что она вмѣстѣ съ княгиней Вяземской смѣется надо мной... Что касается другихъ подробностей вечера...] Если я предлагалъ Вашей супругѣ другіе нескромные, можетъ быть, вопросы, то это было, можетъ быть, по причинамъ личнымъ, въ которыхъ я не считаю себя обязаннымъ отдавать отчетъ. Вотъ, Милостивый Государь, все, что я имѣю Вамъ отвѣтить. Я тороплюсь отправить это письмо на почту, чтобы избавить Васъ отъ оскорбительнаго сомнѣнія на мой счетъ, и прошу Васъ вѣрить, что я не только не способенъ отступать, но что я буду даже польщенъ быть Вашимъ противникомъ» ¹¹⁾.

Пушкинъ остался доволенъ письмомъ и сказалъ С. А. Соболевскому: «Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо». На объясненія графа Пушкинъ отвѣчалъ письмомъ (на французскомъ языкѣ), по словамъ Солмогуба, слѣдующаго содержанія: «М. Г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, Вами носимое, и общество, Вами посѣщаемое, вынуждаетъ меня требовать отъ Васъ сатисфакціи за непристойность Вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца настоящаго мѣсяца»¹²⁾. Солмогубъ смотрѣлъ на Пушкина, какъ на полубога, причины вызова считалъ ничтожными и дуэли не хотѣлъ. Въ его черновикахъ сохранился еще одинъ набросокъ письма по-французски, также опубликованный г-жею Голубцовой; о немъ Солмогубъ въ «Воспоминаніяхъ» ничего не говоритъ. Письмо служить отвѣтомъ Пушкину на только что приведенный вызовъ, присланный Солмогубу съ Хлюстинымъ¹³⁾.

«Милостивый Государь!

Я пользуюсь вѣрнымъ случаемъ отвѣтить на письмо, которое мнѣ передалъ отъ Васъ г. Хлюстинъ. Не отвѣчая на страшныя выраженія, которыя Вы употребляете и которыя могли быть вызваны только недоразумѣніемъ, я обращаю Ваше вниманіе, М. Г., лишь на то, что я не могу понять, какъ могла Ваша супруга обидѣться на такой банальный вопросъ: «Давно ли Вы замужемъ»? Мнѣ кажется также, что для нея Вы, несомнѣнно, послѣднее лицо, которое могло бы принять это за оскорбленіе... [Не смотрите однако...] Что касается грубостей, которыя будто бы сказалъ, я прошу Васъ знать, что я слишкомъ хорошо воспитанъ для того, чтобы ихъ говорить мужчинамъ, и еще недостаточно сумасшедшій, чтобы ихъ говорить женщинамъ, и еще меньше ими хвастаться. Теперь, М. Г., я Васъ ждалъ въ теченіе всего февраля мѣсяца, и такъ какъ моя служба не позволяетъ мнѣ остаться долѣе въ Твери, я выѣду въ различныя мѣста моего назначенія. Когда Вы заблагоразсудите снова затребовать отъ меня удовлетворенія, Вы найдете меня всегда готовымъ къ вызову. Благовоплте дать мнѣ слово отвѣта и сказать мнѣ окончательно;

продолжаете ли Вы упорствовать въ своемъ намѣреніи серьезной дуэли, такъ какъ я другой не допускаю, или можетъ быть, не захотите ли Вы лучше, забывъ сплетни, которыя ее создали, устранить для насъ обоихъ пелѣное положеніе и напрасное несчастье).

Насколько первое письмо вызвало одобреніе поэта, настолько второе, слишкомъ менторское для молодого человѣка, могло еще болѣе разсердить вспыльчиваго Пушкина. Поэтому, думается, Соллогубъ удержался отъ его врученія или переслалъ другое, въ иной редакціи ¹⁴).

Непринятое во вниманіе Пушкинымъ объясненіе Соллогуба заставило послѣдняго готовиться къ поединку. Соллогубъ купилъ пистолеты, пригласилъ секундантомъ князя І. (?) Козловскаго ¹⁵) и привелъ въ порядокъ свои бумаги. Дуэль предполагалась въ Твери: тамъ по окончаніи слѣдствія жилъ Соллогубъ, туда намѣревался прибыть и Пушкинъ.

«Весной я получилъ отъ моего министра, графа Блудова», рассказываетъ Соллогубъ, «предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ... Я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ Тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ» ¹⁶). Зная, что поэтъ можетъ быть въ городѣ проездомъ въ Москву, куда его звали литературныя хлопоты по «Современнику» и необходимость посѣтить архивы, Соллогубъ оставилъ для него письмо, которое до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ.

«Monsieur!

Des affaires urgentes m'obligent de quitter Twer pour quelques jours. Je me fais un devoir de vous en prévenir et vous prie de communiquer vos dispositions à l'égard de notre duel au porteur de ce billet et mon second P-ce I. Kozlovsky.

J'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble serviteur

C. V. Sollohub.

Twer

1 Mai 1836.

A Monsieur Monsieur de Pouchkine» ¹⁷).

(М. Г.

Неотложныя дѣла заставляютъ меня на нѣсколько дней покинуть Тверь. Считаю своимъ долгомъ предупредить Васъ и прошу сообщить Ваши условія, касающіяся нашей дуэли подателю сего письма и моему секунданту князю І. Козловскому.

Имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою графъ В. Солмогубъ.

Тверь. 1 Мая 1836.

Г. Пушкину).

Пушкинъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ, онъ очень сожалѣлъ, что не засталъ Солмогуба въ городѣ. Конецъ дня перваго мая поэтъ провелъ въ Твери, написалъ И. И. Лажечникову¹⁸⁾ письмо, переночевалъ и утромъ втораго числа отправился въ Москву, куда пріѣхалъ въ ночь на третье мая, остановившись въ квартирѣ П. В. Нащокина¹⁹⁾.

Солмогубъ вернулся въ Тверь 3 мая и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ онъ раздѣхался. «Первой моей мыслью было», вспоминалъ графъ потомъ, «что онъ [Пушкинъ] подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотъ часъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтъ»²⁰⁾... Пушкинъ принялъ Солмогуба холодно, но послѣ оживившагося разговора объ издаваемомъ «Современникѣ» ясно стало, что дуэли не будетъ. Пушкинъ настоялъ только, чтобы Солмогубъ написалъ Наталіи Николаевнѣ письмо. Солмогубъ условіе принялъ, и дѣло къ обоюдному удовольствію окончилось «мировой»²¹⁾.

Опубликованное нами письмо едва не принесло Солмогубу множества непріятностей—и непріятностей крупныхъ. Записка осталась въ бумагахъ Пушкина и послѣ его смерти попала черезъ Дубельта въ III Отдѣленіе вмѣстѣ съ другимъ письмомъ Солмогуба, посланнымъ Пушкину около 20 ноября 1836 года²²⁾. Въ немъ графъ Солмогубъ, секундантъ поэта при первомъ его вызовѣ молодого Геккерена, писалъ Пушкину о необходимости примиренія и сообщалъ, что Дантесъ намѣренъ жениться на Е. Н. Гончаровой.

Какъ участникъ двухъ, хотя и несостоявшихся дуэлей, Солмогубъ ничего добраго для себя ждать не могъ и, когда его роль стала известна III Отдѣленію и Военно-судной комиссіи²³⁾ разошелся службъ, что онъ будетъ отданъ подь судъ. Тогда забилъ тревогу В. А. Жуковскій, разбиравшій по порученію Николая I бумаги Пушкина. Въ собраніи А. О. Онѣгина сохранился черновикъ письма Жуковского по этому поводу къ Императору.

Указывая на свое «тягостное положеніе при такомъ порученіи, какъ просмотръ бумагъ покойнаго, и сообщая, что «переписка Пушкина оказалась совершенно невинной», Жуковскій продолжалъ: «Но случилось однако одно, что меня жестоко тревожитъ и что есть единственная причина, побудившая меня обезпокоить В. И. В. письмомъ моимъ. Нашлось два письма Солмогуба, одно изъ Твери, изъ коего явствуетъ, что Солмогубъ долженъ былъ самъ имѣть съ Пушкинымъ дуэль; другое, написанное послѣ, изъ коего видно, что онъ былъ выбранъ Пушкинымъ въ секунданты для того дуэля, которому надлежало произойти между имъ и Геккерномъ до свадьбы. Первый дуэль устраненъ примиреніемъ, слѣдовательно преступленіе не существуетъ. Второй дуэль не только не состоялся, но еще былъ остановленъ самими секундантами: это не преступленіе, а заслуга. Между тѣмъ по найденнымъ двумъ запискамъ, какъ я слышалъ, хотятъ предать суду Солмогуба. Государь, будьте милостивы, избавьте меня отъ незаслуженнаго нареканія передъ свѣтомъ; сохраните мнѣ мое доброе имя. Меня назовутъ доносчикомъ. Вы не для этого благоволили поручить мнѣ разсмотрѣніе бумагъ Пушкина: здѣсь же не можетъ быть и мѣста наказанію. Намѣреніе не есть преступленіе, а неисполненіе худого намѣренія есть часто и заслуга»²⁴⁾.

Безъ сомнѣнія только заступничество Жуковского спасло Солмогуба отъ суда. Дѣлу хода не дали, а записки были похоронены въ архивѣ III Отдѣленія²⁵⁾.

II.

Свѣтскіе успѣхи жены Пушкина, Наташи Николаевны, въ 1836 году достигли апогея. «Natalie... въ большой модѣ, какъ никогда, а ея мужъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе скученъ и себялюбивъ» писала А. Н. Вульфъ своей матери 9 марта 1836 года²⁶). Лѣтомъ этого же года настойчивыя ухаживанія Дантеса сдѣлались настолько явными, что о нихъ говорилъ весь Петербургскій «свѣтъ», и около имени Natalie свилась сплетня, недвусмысленно затрагивавшая честь замужней женщины. Всѣ эти разговоры и пересуды, конечно, достигали слуха Пушкина, пугали поэта, разжигали его ревнивую подозрительность и заставляли постоянно быть насторожѣ. Легко раздражаясь, отзываясь на каждую мелочь, которая ему казалась чуть ли не смертельной обидой, какъ это видно изъ столкновенія его съ гр. Соллогубомъ, Пушкинъ находился въ подавленномъ состояніи духа и много страдалъ. Тяжелыя душевныя переживанія усиливали его повышенную нервность, а къ этому еще присоединялись литературныя и матеріальныя неудачи. Нуженъ былъ незначительный поводъ, чтобы личная, трудно скрываемаемая драма выросла въ явную для всѣхъ трагедію.

Утромъ 4 ноября, по городской почтѣ, тогда только что заведенной въ столицѣ, Пушкинъ получалъ анонимное письмо, въ которомъ поэту выдавался дипломъ роконосца. Одинакаго содержанія письма получили и нѣкоторые его друзья: Карамзины, Е. М. Хитрово, князь П. А. Вяземскій, тетка графа В. А. Соллогуба— А. И. Васильчикова, К. О. Россетъ—братъ А. О. Смирновой и графъ М. Ю. Віельгорскій²⁷). Друзья думали скрыть пасквиль отъ поэта, но, какъ писалъ кн. П. А. Вяземскій вел. кн. Михаилу Павловичу, «тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получалъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы»²⁸).

Зная послѣдніе мѣсяцы жизни поэта, его душевное состояніе, большая ошибка думать — какъ предполагалъ Данзасъ, — что «если бы не эти записки, у Пушкина съ Дантесомъ не было бы

Les Grands-Croix, Commandeurs et
Chevaliers du Sérénissime Ordre des
Cesars réunis en grand chapitre sous la
présidence du vénérable grand-Maître
de l'Ordre, S. E. O. L. Narychkine ont
comme d'habitude élu Alexandre
S. E. O. L. coadjuteur du grand Maître
des Césars et de l'Ordre de la
Mort.

Le secrétaire perpétuel J. Borok

никакой исторіи»²⁹). «Дипломъ былъ толчкомъ къ катастрофѣ, которою прервалась драгоцѣнная для всей Россіи жизнь великаго поэта», говоритъ П. А. Ефремовъ³⁰); «анонимныя письма», — повторяетъ П. Е. Щеголевъ, — «были толчкомъ, вытолкнувшимъ Пушкина изъ колеи созерцанія»³¹).

Дантесъ былъ орудіемъ, виновникомъ — среда, окружавшая поэта и его жену. «Поздравьте отъ меня Петербургское общество, маменька, оно сработало славное дѣло. Пошлыми сплетнями, низкою завистью къ Гепію и красотѣ, оно довело драму, имъ сочиненную, къ развязкѣ; поздравьте его, оно стоитъ того», писалъ пріятель Пушкина и Дантеса А. Н. Карамзинъ своей матери послѣ смерти поэта³²).

Въ секретномъ архивѣ III Отдѣленія нашелся въ добавленіе къ экземпляру Лицейскаго Пушкинскаго Музея, хранящемуся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ, еще одинъ дипломъ, посланный по адресу графа М. Ю. Віельгорскаго³³). Воспроизводя его здѣсь, мы не думаемъ уже извѣстному придать всю прелесть новизны: пасквиль ранѣе печатался почти правильно, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ, хотя характерныхъ неточностей въ орфографіи и написаніи фамилии *Wosch*. Экземпляръ Віельгорскаго едва ли отличался отъ другихъ, онъ почти тождественъ съ лицейскимъ и по внѣшнему описанію совпадаетъ съ письмомъ, полученнымъ А. И. Васильчиковой.

Письмо имѣетъ два адреса. На отдѣльной обложкѣ, играющей роль конверта, печатными буквами стояло: «Графу Михайлѣ Юріевичу Віельгорскому. На Михайловской площади, домъ Графа Кутузова». На оборотной сторонѣ диплома было написано какъ лравильно выразился Соллогубъ, «кривымъ лакейскимъ почеркомъ» — «Александрѣ Сергѣичу Пушкину». Любопытна деталь: слово «Александрѣ» передѣлано изъ написанія «Александрѣ»³⁴). Дипломъ, какъ и адресъ обложки, воспроизведенъ печатными буквами. Письмо и обложка заклеены краснымъ сургучемъ. Печать, по опредѣленію Геккерена «довольно странная», имѣетъ слѣдующій видъ: въ срединѣ — стропила, въ которыхъ помѣщено прописное А, съ лѣвой стороны раскрытый циркуль, съ правой пингвинъ щиплетъ кустъ, прикрѣпленный къ рѣшеткѣ. Все это имѣетъ основаніемъ подобіе пера. Наверху изображеніе двухъ капель или пламениющихся языковъ съ «окомъ» внутри.

«Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus, réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maitre de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.

Le secrétaire pépétuel: C-te I. Borch» ³⁵).

(Великіе кавалеры, командоры и рыцари свѣтлѣйшаго Ордена Рогоносцевъ, въ полномъ собраніи своемъ, подъ предсѣдательствомъ великаго магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьюторомъ великаго магистра Ордена Рогоносцевъ и историографомъ Ордена.

Непремѣнный секретарь графъ I. Борхъ ³⁶).

Бенкендорфу Пушкинъ 21 ноября 1836 г. прозрачно намекалъ на Геккерена, какъ на автора диплома. «4 ноября поутру я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и чести моей жены. По бумагѣ, по слогу письма и по манерѣ изложенія я удостоверился въ ту же минуту, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго общества, дипломата» ³⁷).

Совершенно безъ обиняковъ Пушкинъ высказывался въ черновикахъ своего письма къ Геккерену:... «ударъ, который, какъ полагали... (безыменное письмо) было сочинено... я получилъ три экземпляра... были розданы... смастерили съ такими ничтожными предосторожностями... съ перваго взгляда я попалъ на слѣдъ»... Въ другомъ читаемъ: «онъ сказалъ вамъ... что моя жена.. безыменное письмо... (у нея отъ того голова шла кругомъ).. нанести, рѣшительный ударъ... сочиненное вами и (три экземпляра) (безыменнаго письма).. роздала... смастерили съ... на... беспокоился болѣе. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней въ розыскахъ, какъ я узналъ въ чемъ дѣло» ³⁸). Кн. П. А. Вяземскій по этому поводу въ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу замѣчаетъ: «Какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрилъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этой увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ

Александръ
Сергеевичу
Кутузову

Графу Михаилу Юрьевичу
Кутузову
на Михайло-Благовещенскій
дворъ въ Москвѣ

Факсимиле адресовъ на «дипломъ» и его обложкѣ.

было основано это предположеніе и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему въ послѣдствіи нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской»³⁹). О какомъ случаѣ, подтверждающемъ предположеніе объ авторствѣ Геккерена, говоритъ кн. Вяземскій, сказать трудно, но рѣшительность, съ которою Пушкинъ высказался въ ноябрѣ мѣсяца о пасквильянтахъ, несомнѣнно предъ смертью поколебалась. Въ январскомъ письмѣ Геккерену онъ ни слова не говоритъ объ авторахъ диплома, а только мимоходомъ вспоминаетъ объ «анонимныхъ письмахъ»⁴⁰).

Найти въ настоящее время виновника письма — задача совершенно неблагоприятная, но сдѣлать на основаніи документовъ выводъ, который вышелъ бы за предѣлы простой догадки и былъ бы въ пользу Геккереновъ, намъ кажется вполне допустимымъ.

Только болѣзненная подозрительность и гнѣвъ могли подсказать Пушкину («въ ту же минуту» по полученіи диплома виновника этого дѣла и удостовѣриться «по бумагѣ, по слогу письма и по манерѣ изложенія»), что пасквиль исходитъ «отъ иностранца, человѣка высшаго общества, дипломата».

Если тѣ экземпляры диплома, которые попали въ руки поэта, писаны на той же бумагѣ, на какой воспроизведенъ пасквиль, посланный Вельгорскому, а также, называемый нами, лицейскій экземпляръ, то такое заключеніе Пушкина было весьма поспѣшно. Бумага анонимныхъ писемъ ничего характернаго и оригинальнаго изъ себя не представляетъ, на ней нѣтъ никакихъ водяныхъ знаковъ, хотя она хорошаго качества и довольно толстая. Бумага Геккерена и Дантеса, которая дошла до насъ изъ архива III Отдѣленія, имѣетъ водяные знаки тогдашней Русской фабрики съ гербомъ императора Николая и болѣе тонкая, чѣмъ бумага анонимнаго письма. Если на основаніи ея качества ничего нельзя сказать объ авторахъ письма, то утвержденіе Пушкина, что дипломъ перусскаго происхожденія, вполне правдоподобно. Объ этомъ рассказываетъ графъ Соллогубъ. Когда онъ уѣзжалъ въ началѣ

декабря 1836 года изъ Петербурга и зашелъ проститься съ д'Аршіакомъ, тотъ показалъ ему «нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпныя званія». «Онъ разсказалъ мнѣ», пишетъ Соллогубъ, «что Вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкой подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ» ⁴¹).

Не надо было родиться иностранцемъ, чтобы написать пасквиль, можно было не принадлежать къ дипломатическому корпусу, чтобы скопировать письмо. Въ первоначальномъ и рѣшительномъ утвержденіи поэта была одна пезыблемая истина: посланный письмо принадлежалъ къ высшему обществу. Тамъ было достаточное количество и свѣтскихъ шелопаевъ, и недруговъ Пушкина, и различныхъ кумушекъ, которые слѣдили за любовными успѣхами красиваго кавалергарда и съ нетерпѣніемъ ждали, — кто изъ злорадства, кто изъ любопытства, — скандала отъ несдержаннаго Пушкина. Семейная драма поэта разыгрывалась у нихъ на глазахъ.

Въ писаніи диплома участвовало не одно лицо. Судя по почерку, ихъ было двое. Одинъ изъ пасквильянтовъ писалъ самый дипломъ и адресъ на обложкѣ, другой — имя, отчество и фамилію поэта.

Сомнительно, чтобы дипломатъ Геккеренъ захотѣлъ участвовать съ кѣмъ нибудь въ выходкѣ, которая подстать кавалерійскому корнету или гвардейскому подпоручику, чѣмъ представителю иностраннаго государства, почти старику.

Подобное поведеніе и неосторожно, и опрѣметливо; мы уже не касаемся вопроса, насколько выгодно ему было поступать такимъ образомъ.

Кромѣ того, надписи — «Михайлѣ», «Сергѣичу», (хотя «Юривичу») «Александрѣ» — не могли принадлежать иностранцу. Здѣсь перомъ водила рука, хорошо знакомая съ разговорнымъ Русскимъ языкомъ, но плохо справлявшаяся съ грамматикой.

Наше предположеніе на основаніи приведенныхъ доводовъ не идетъ дальше того, что Геккеренъ ни авторомъ пасквиля, ни

Печать на анонимномъ письмѣ («дипломѣ»), полученномъ
Пушкинымъ 4 ноября 1836 года.

писавшимъ его не былъ. Кто писалъ и разсылалъ дипломы, существуетъ рядъ предположеній. О нихъ мы здѣсь говорить не будемъ ⁴²). Непричастность Геккерена къ этому дѣлу переходить въ увѣренность, когда мы знакомимся съ неопубликованной до сихъ поръ запиской посланника къ Дантесу.

«Si c'est de la lettre anonyme dont tu veux parler, je te dirai qu'elle était cachetée avec de la cire rouge, peu de cire et mal cachetée; un cachet assez singulier, s'il m'en souvient, un a au milieu de cette forme «A» avec beaucoup d'emblèmes autour de «A»; je n'ai pas pu distinguer exactement ces emblèmes, car, je le répète, c'était mal cacheté; il me semble cependant, qu'il y avait des drapeaux, canons etc. etc., mais je n'en suis pas sûr.—Je crois me rappeler que c'est avec plusieurs côtés, mais aussi sans en être sûr.—Au nom de Dieu, sois prudent, et cite-moi hardiment pour ces détails, puisque c'est le comte Nesselrode qui m'a montré la lettre qui est écrite sur un format de papier comme celui de ce billet. M-me de N. et la comtesse Sophie B. te font dire bien des choses, elles s'intéressent toutes les deux à nous et chaudement. Puisse la vérité être mise au grand jour, c'est le voeu le plus ardent de mon coeur; à toi d'âme et de coeur.

B. de H.

«Pourquoi me demandes-tu tous ces détails? bon soir, dors tranquille».

(Если ты хочешь говорить объ анонимномъ письмѣ, я тебѣ скажу, что оно было запечатано краснымъ сургучемъ, сургуча мало и запечатано плохо. Печать довольно странная; сколько я помню, на одной печати имѣется посредниѣ слѣдующей формы «A» со многими эмблемами вокругъ «A». Я не могъ различить точно эти эмблемы, потому что, я повторяю, оно было плохо запечатано. Мнѣ кажется однако, что тамъ были знамена, пушки, но я въ этомъ не увѣренъ. Мнѣ кажется, такъ припоминаю, что это было съ нѣсколькихъ сторонъ, но я въ этомъ также не увѣренъ. Ради Бога, будь благоразуменъ и за этими подробностями отсылай смѣло ко мнѣ, потому что графъ Нессельроде показалъ мнѣ письмо, которое написано на бумагѣ такого же

формата, какъ и эта записка. Мадамъ Н. и графиня Софія Б. тебѣ расскажутъ о многомъ. Онѣ обѣ горячо интересуются нами. Да выяснится истина, это самое пламенное желаніе моего сердца.

Твой душой и сердцемъ

Б. де Г.

Почему ты спрашиваешь у меня всѣ эти подробности? До свиданія, спи спокойно.)

Записка Геккерена меньшаго формата, чѣмъ дипломъ, написана она на одномъ листѣ безъ всякаго обращенія и адреса, но содержаніе ея обнаруживаетъ, что она была послана Дантесу. Письмо доставлено, на нашъ взглядъ, Геккереномъ графу Нессельроде въ числѣ тѣхъ пяти документовъ, которые онъ отправилъ ему 28 и 30 января 1837 г., и которые должны были убѣдить Николая, во-первыхъ, что «баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ опъ это сдѣлалъ», а во-вторыхъ, чтобы получить оправданіе Императора: «Оно [оправданіе] мнѣ необходимо для того, чтобы я могъ себя чувствовать въ правѣ оставаться при императорскомъ Дворѣ; я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать» ⁴³). Но въ письмѣ, кромѣ оправдывающихъ Геккерена обстоятельствъ, находились еще упоминанія о Нессельроде, его жепѣ и пѣвкой графинѣ Софіи Б; обѣ дамы имѣли какое то касательство и были въ курсѣ дѣла Пушкина-Дантеса, поэтому письмо заблагодарасудили запрятать въ секретный архивъ, не показавъ Военно-судной комиссії и не возвративъ его и автору.

Предъ нами стоитъ вопросъ: не было-ли приготовлено письмо Геккереномъ послѣ дуэли и не выдавалось-ли имъ за написанное еще въ ноябрѣ прошлаго года, какъ доказательство невинности посланника и Дантеса въ авторствѣ диплома. Такой взглядъ говоритъ о взаимномъ уговорѣ между отцомъ и его пріемнымъ сыномъ и обѣ единствѣ дѣйствія при своей защитѣ. Какъ бы мы ни смотрѣли на роль Дантеса въ этой печальной исторіи, у насъ нѣтъ никакихъ основаній приравнивать его поведеніе къ поведенію Геккерена. Наоборотъ, мы нерѣдко видимъ, что въ своихъ

рѣшеніяхъ Дантесъ былъ самостоятеленъ, не всегда пекренень съ своимъ пріемнымъ отцомъ, не обо всемъ его освѣдомлялъ и, въ концѣ концовъ, вызвалъ даже горькій упрекъ со стороны дипломата: «Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не свороку отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе» ⁴⁴). Наше предположеніе низводитъ Геккереновъ на степень мелкихъ и неостроумныхъ фальсификаторовъ, такъ какъ редакцію письма нельзя признать удачной. Зачѣмъ Геккеренъ затронулъ имя государственнаго дѣятеля, прозрачно оговорилъ двухъ дамъ изъ высшаго общества, вѣдь онѣ были на сторонѣ Дантеса. Упомянувъ имя Нессельроде и его жены и вмѣстѣ съ тѣмъ передавая ему письмо, Геккеренъ долженъ былъ понять, насколько записка будетъ дѣйствительнымъ помощникомъ въ его оправданіи. Въ худшемъ случаѣ — онъ рисковалъ поссориться съ Нессельроде, виднѣйшимъ защитникомъ его предъ Царемъ, въ лучшемъ — письмо окажется далеко запрятаннымъ не только отъ глазъ любопытныхъ, но и отъ суда. Такъ оно и случилось. Неужели ловкій дипломатъ не могъ, употребляя выраженіе Пушкина, «смастерить» себѣ документа болѣе убѣдительнаго и никого изъ друзей не втягивающаго въ это дѣло? Конечно, письмо отправлено впопыхахъ, когда Геккеренъ, какъ утопающій, хватался за соломинку. Думать о добромъ имени друзей не приходилось, надо было спасать свою собственную репутацію. Письмо говорило въ пользу Геккереновъ — и этого было достаточно. Строить догадку, что старшій Геккеренъ все сдѣлалъ безъ вѣдома Дантеса, неосновательно, такъ какъ о письмѣ Дантесъ легко могъ узнать помимо своего пріемнаго отца, да это обстоятельство не опровергаетъ нашего соображенія о неудачной редакціи записки. Неосновательно будетъ и предположеніе, что Геккеренъ послалъ письмо арестованному Дантесу послѣ дуэли. Объ анонимныхъ письмахъ къ тому времени говорили въ городѣ всѣ, и трудно думать, что Дантесъ ничего за три мѣсяца о нихъ не узналъ и нуждался въ свѣдѣніяхъ дипломата.

На нашъ взглядъ дѣло обстоило слѣдующимъ образомъ.

4 ноября Пушкинъ получилъ анонимныя письма и на другой день послалъ свой вызовъ Дантесу ⁴⁵). «Тебѣ уже извѣстно, что

было съ первымъ твоимъ вызовомъ, какъ онъ не попалъ въ руки сыну, а пошелъ чрезъ отца, и какъ сынъ узналъ о немъ только по истеченіи 24 часовъ, т. е. послѣ вторичнаго свиданія отца съ тобой», писалъ Жуковскій Пушкину 10 ноября. «Въ день моего приѣзда, въ то время, когда я у тебя встрѣтилъ Геккерена, сынъ былъ въ караулѣ и возвратился домой на другой день въ часъ. За какую то ошибку онъ долженъ былъ дежурить три дня не въ очередь. Вчера онъ въ послѣдній разъ былъ въ караулѣ и нынче въ часъ пополудни будетъ свободенъ»⁴⁶). Вызовъ въ руки Дантеса непосредственно не попалъ, такъ какъ его дома не было. Ему 4 ноября, «за незнаніе людей своихъ взводовъ и за неосмотрительность въ своей одеждѣ, командиръ полка сдѣлалъ строжайшій выговоръ и предписалъ нарядить его дежурнымъ по дивизиону пять разъ», 5, 7, 9, 11 и 13 ноября.⁴⁷)

Дантесъ узналъ о вызовѣ отъ Геккерена 6-го числа послѣ 12 часовъ дня, когда вернулся съ дежурства, продолжавшагося сутки. Утромъ седьмого числа, до новаго дежурства, онъ посѣтилъ Вьельгорскаго, который, былъ въ курсѣ дѣла, и у котораго онъ встрѣтилъ Жуковскаго⁴⁸). Несомѣнно, разговоръ о дуэли былъ и не минулъ непосредственной причины вызова—анонимныхъ писемъ. Дантесъ, заинтересовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, послалъ Геккерену изъ казармъ записку, на которую седьмого числа вечеромъ («bon soir, dors tranquille») получилъ приведенный выше отвѣтъ. Геккеренъ точно описалъ внѣшность письма, подробно, хотя невѣрно, передалъ видъ печати и графически правильно изобразилъ развернутый ширкуль, ножки котораго соединялись дугой. Геккеренъ догадывался, что анонимныя письма явились прямымъ поводомъ къ вызову и что въ составленіи ихъ Пушкинъ обвинялъ его; въ письмѣ сквозитъ мысль, что на такое предположеніе у вспыльчиваго поэта могли быть основанія: «графъ Нессельроде показалъ мнѣ письмо, которое написано на бумагѣ такого же формата, какъ и эта записка». А главное «будь благоразуменъ». Геккеренъ опасался за поведеніе Дантеса, боялся его горячности, которая легко могла испортить уже налаживавшееся примиреніе съ поэтомъ, или, вѣрнѣе, помѣшать исполненію плана, проводимаго и друзьями, и родственниками Пушкина, и самимъ Геккереномъ. Посылая записку,

посланникъ косвеннымъ путемъ оправдывалъ себя въ глазахъ пріемнаго сына, не возбуждая вопроса о собственной виновности, и въ свою очередь убѣждаясь, что Дантесъ къ этому дѣлу тоже не имѣетъ никакого касательства. Записка Геккерена — сильный доводъ, говорящій о жизненной разобщенности между дипломатомъ и Дантесомъ. «Да выяснится истина, это самое пламенное желаніе моего сердца», пишетъ въ концѣ Геккеренъ, и этому восклицанію, сдѣланному въ интимной перепискѣ, у насъ нѣтъ основанія не довѣрять. Анонимное письмо для Геккерена и Дантеса было неожиданной новостью.

Посланникъ энергично боролся со взводимымъ на него обвиненіемъ и рѣшительно отвергалъ авторство «отвратительныхъ анонимныхъ писемъ», какъ онъ выражался въ письмѣ къ барону Верстолку отъ 11 февраля (30 янв.) 1837 года ⁴⁹). Подробнѣе онъ пишетъ Нессельроде объ этомъ фактѣ 1 (13) марта. «Есть и еще оскорбленіе, относительно котораго, вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы я снизошелъ до оправданій, а потому его никто и не нанесъ мнѣ прямо, однако примѣшали мое имя и къ другой подлости — анонимнымъ письмамъ! Въ чьихъ же интересахъ можно было бы прибѣгнуть къ этому оружію, оружію самаго низкаго изъ преступниковъ, отравителя? Въ интересахъ моего сына, или г. Пушкина, или его жены? Я краснѣю отъ сознанія одной необходимости ставить такіе вопросы. Кого же задѣли, кромѣ того, эти инсинуаціи, нелѣпыя и подлыя вмѣстѣ? Молодого человѣка, который обвиняется въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи... Мой сынъ, значить, тоже могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ? Спрошу еще разъ: съ какой цѣлью? Развѣ для того, чтобы добиться большаго успѣха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта, отвергнутой мужемъ. Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высокоправственнымъ чувствомъ, которое заставляло моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины... Я покончилъ съ этимъ чудовищнымъ собраніемъ гнусностей» ⁵⁰)...

Геккеренъ былъ правъ. Никто ему прямо въ лицо не бросалъ такого обвиненія. Первый, кто началъ подозрѣвать его въ этомъ,

былъ Пушкинъ, но догадки поэта высказывались въ раздраженіи, и въ послѣдствіи онъ созналъ всю шаткость обвиненія. Въ концѣ жизни Пушкинъ подозрѣвалъ какую то даму. Друзья и близкіе поэта распространили его мнѣніе сначала устно, а потомъ и письменно, и о Геккеренѣ стали говорить почти утвердительно, какъ объ авторѣ анонимнаго письма ³¹⁾. Приводимый документъ исправляетъ почти вѣковую неправду: Геккеренъ былъ несимпатиченъ, могъ быть безиправственнымъ, но участникомъ этой выходки не былъ.

Письмо интересно и съ другой стороны. Оно пополняетъ намъ списокъ, правда немногочисленный, и преданныхъ друзей дипломата. По словамъ Данзаса Петербургское общество того времени дѣлилось на друзей и враговъ поэта: «Партизаны враждующихъ сторонъ раздѣлялись весьма страннымъ образомъ, напримѣръ: кн. Б. былъ за Пушкина, а княгиня, жена его, противъ Пушкина за Дантеса, вѣроятно по случаю родства своего съ графомъ Б. Замѣчательно, что почти всѣ тѣ изъ великосвѣтскихъ дамъ, которыя были на сторонѣ Геккерена и Дантеса, не отличались блистательною репутаціею и не могли служить примѣромъ нравственности; въ число ихъ Данзасъ не вмѣшиваетъ однако же княгиню Б.» ³²⁾. Одну даму, по словамъ Соллогуба, подозрѣвалъ Пушкинъ и въ сочиненіи гнуснаго пасквиля ³³⁾. Ефремовъ почему то нашелъ возможнымъ къ этимъ словамъ Соллогуба сдѣлать примѣчаніе: «Вѣроятно, княгиню Б-ю, о которой мы сказали выше» ³⁴⁾. Выше, между прочимъ, онъ говоритъ: «Тайная злоба враговъ Пушкина изъ высшаго общества, подъ покровительствомъ и при дѣятельномъ участіи Б-а и кн. Б-ой достигла своей ужасной цѣли» ³⁵⁾. Дальше ³⁶⁾ Ефремовъ находитъ возможнымъ расшифровать эти буквы, называя имена Бенкендорфа и кв. Бѣлосельской полностью. О враждебномъ отношеніи Бенкендорфа къ Пушкину намъ достаточно извѣстно, почти того же мнѣнія держались и современники поэта. «Однимъ только этимъ перасположеніемъ», говоритъ Данзасъ, «можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой, около Комендантской дачи» ³⁷⁾.

О существованіи двухъ высокопоставленныхъ дамъ, близко принимавшихъ къ сердцу событія жизни Дантеса и Геккерена, говорится въ письмѣ Голлацскаго посланника къ Нессельроде. Отрицая возводимое на него обвиненіе въ сводничествѣ, онъ ссылается на Н. Н. Пушкину, а если она откажется подтвердить его слова, то предлагаетъ обратиться къ свидѣтельству «двухъ высокопоставленныхъ дамъ, бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ, которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь» ³⁸). По этому поводу П. Е. Щеголевъ строитъ догадки и одну изъ дамъ называетъ, — а именно графиню Нессельроде. Указанія на чету Нессельроде, какъ на друзей Геккерена, есть въ другомъ письмѣ дипломата. «Не называю тѣхъ лицъ, которыя оказываютъ намъ вниманіе, чтобы ихъ не компрометировать... ты знаешь, о комъ я говорю. Могу тебѣ сказать, что мужъ и жена относятся къ намъ безукоризненно, ухаживаютъ за нами, какъ родные, даже больше того, какъ друзья» ³⁹). Въ письмѣ къ барону Верстолюку отъ 11 февраля (30 янв.) 1837 года Геккеренъ папелъ нужнымъ въ заключеніе сказать, что «въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде такъ же, какъ и графъ и графиня Строгановы, оставили мой домъ только въ часъ пополуночи» ⁴⁰).

Въ письмѣ къ Дантесу осторожность дипломата не покидаетъ Геккерена. Опъ не называетъ полностью фамилій своихъ доброжелателей, которые паходятся въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и весьма интересуются любовными успѣхами Дантеса, но пишетъ только инициалы. Первая изъ нихъ М-мъ Н., т. е. М. Д. Нессельроде, урожденная Гурьева, дочь министра финансовъ, была заклятымъ врагомъ Пушкина. Одинаковымъ чувствомъ платилъ ей и великій поэтъ. Онъ буквально не переносилъ ее и говорилъ неоднократно, что не знаетъ, кто ему противнѣе — m-me Нессельроде или Булгарипъ? Причиной недоброжелательнаго отношенія къ Пушкину со стороны Нессельроде обыкновенно считаютъ эпиграмму на ея отда, министра Гурьева, будто бы написанную Пушкинымъ. Вѣришь всего, что Пушкинъ по своему положенію, воспитанію и характеру былъ чуждъ ей. Графиня была воспитана па заграничный ладъ, — ни русской культуры, ни литературы, какъ и многія тогда, она не признавала. Пушкинъ для нея былъ

только неудачникъ, малочиновный дворянинъ, оставившій службу по Министерству иностранныхъ дѣлъ и не ушедшій далѣе камеръ-юнкера. Портъ не переступалъ порога ея гостиной и всего менѣе добивался этого. Чета же Геккереновъ совѣтъ другое. Отецъ — посланникъ, сынъ — офицеръ блестящаго Кавалергардскаго полка съ видами на будущее, свѣтскій человѣкъ, у котораго важная дама была даже посаженой матерью на свадьбѣ. Не порывала m-me Нессельроде связи съ Геккеренами и тогда, когда они оказались въ опалѣ. Въ этомъ случаѣ она была послѣдовательнѣе многихъ представителей высшаго общества ⁶¹).

Относительно второй дамы, названной Геккереномъ — «*comtesse Sophie B.*», намъ извѣстно немного. Въ то время въ Петербургѣ жили двѣ графини Софьи, фамилии которыхъ начались на Б. Первая, графиня С. И. Борхъ, рожденная гр. Лаваль, жена А. М. Борха ⁶²), подчиненнаго графа Нессельроде по Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. С. И. Борхъ была дружна съ пріятельницей Пушкина, извѣстной А. О. Смирновой-Россетъ и, судя по воспоминавіямъ послѣдней, бывала запросто у Нессельроде, весьма интересовалась дѣломъ Пушкина-Дантеса и защищала чету Нессельроде за ихъ симпатіи къ Геккеренамъ. «Софи Борхъ написала мнѣ», замѣчаетъ А. О. Смирнова, «что нѣкоторые возмущены и негодуютъ на Нессельроде за то, что они продолжаютъ принимать Геккеренъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ отозванъ. Это смѣшно. Вяземскій ошибается, думая, что графиня Нессельроде и канцлеръ враждебно относились къ Пушкину. Совершенно напротивъ, такъ какъ она очень независима отъ всѣхъ кланъ и свѣтскихъ партій, а онъ человѣкъ образованный. Какъ жена министра иностранныхъ дѣлъ, она должна была принимать Геккерена до конца. Дантесъ никогда не переступилъ порога ихъ дома ⁶³); онъ не подходилъ къ этому корректному салону, это не Нессельроде распространяли сплетни, ничто не можетъ быть такъ мало на нихъ похоже. Вяземскій не любитъ графини Нессельроде, и онъ приписываетъ ей то, чего нѣтъ. Я хочу написать ему. Онъ долженъ былъ бы прочесть письмо, которыя я теперь имѣю отъ нея» ⁶⁴).

Другая графиня Софія Б., жившая въ то время, была С. А. Бобринская ⁶⁵). «Графиня Софія Александровна Бобринская,

урожденная графиня Самойлова», по словамъ кн. П. А. Вяземскаго, «была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности... Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная пріязнливость. Ясный, свѣжій, совершенно женственный умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и Русской. Жуковскій... узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ... графиня мало показывалась въ многочисленныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ жила какою то отдѣльною жизнью — домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственною дѣятельностью; она, такъ сказать, издала и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проникательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные. Сходились люди, которымъ потребно было послѣ заботъ, а иногда и пустыхъ развлеченій дня, насладиться часъ или два пріятнымъ разговоромъ, обмѣномъ мыслей и впечатлѣній. — Молодые люди могли тутъ научиться свѣтскимъ условіямъ вѣжливаго и утонченнаго общежитія. Дипломаты, просвѣщенные путешественники находили тутъ осуществленіе преданій о томъ гостепріимствѣ, о тѣхъ салонахъ, которыми нѣкогда славилась западная столица. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей любили тутъ искать и находить не тупое и праздное, а умственное отдохновеніе отъ трудовъ, а иногда и докукъ, своей дневной дѣятельности. Графъ Нессельроде занималъ тутъ едва ли не первое мѣсто... Салонъ графини Бобринской былъ любимымъ пріютомъ его. Здѣсь наслаждался онъ затишьемъ и тихой радостью прекраснаго вечера»⁶⁶).

Близкое знакомство съ графомъ Нессельроде графини не позволяетъ думать, что ш-ше Нессельроде была совершенно чужда салона Бобринской. Могъ бывать у нея и Геккеренъ. Но, если судить о ней по характеристикѣ кн. Вяземскаго, графиня Бобринская по своимъ симпатіямъ, знакомству и характеру далека была отъ всѣхъ интригъ и грязи высшаго свѣта 30-хъ годовъ. Вся исторія съ Геккереномъ-Дантесомъ должна была

итти мимо нея, сплетни ея не касались, поэтому упоминаніе о comtesse Sophie В. въ письмѣ Геккерена едва ли можетъ говорить о ней: скорѣе оно относится къ С. И. Борхъ, бывшей несомнѣнно ближе къ графинѣ Нессельроде, состоявшей вмѣстѣ съ нею повѣренной во всѣхъ дѣлахъ старшаго Геккерена и проявлявшей въслѣдствіи необычайный интересъ къ дуэли.

III

Третье Отдѣленіе, конечно, знало объ анонимныхъ письмахъ, полученныхъ потомъ, какъ зналъ о нихъ всякій, кто интересовался Пушкинымъ; жандармы болѣе десяти лѣтъ слѣдили за нимъ, были хорошо освѣдомлены о его дѣлахъ и жизненной обстановкѣ. Вплоть до смерти они имѣли за нимъ глазъ, и драма Пушкина не была для нихъ секретомъ. Вмѣшиваться въ семейныя дѣла, ихъ устраивать, оказывать на ходъ ихъ то или иное вліяніе—было обычнымъ дѣломъ для Шефа жандармовъ и его присныхъ. Примѣровъ тому мы въ архивѣ III Отдѣленія найдемъ не мало. Но въ дѣлѣ Пушкина жандармская власть «безмолвствовала», она держалась въ сторонѣ, не принимая никакого участія. Только послѣ смерти поэта, когда общественное мнѣніе высказалось очень рѣшительно и дружно и своей горячностью папугало правительство и Николая, есть намеки на слѣдствія объ анонимѣ. Но только намеки, волнующіе наше воображеніе и привлекающіе новыя имена къ этому дѣлу.

Если дозвѣрять «Запискамъ А. О. Смирновой», то лишь одинъ графъ Бенкендорфъ былъ хорошо обо всемъ освѣдомленъ; а такъ какъ Государь сказалъ ему: «Я хочу знать автора этой мерзости», онъ долженъ былъ все ему открыть.»⁶⁷). Этими словамъ есть подтвержденіе и въ бумагахъ архива III Отдѣленія. Сохранилась «Записка для памяти» Шефа жандармовъ Бенкендорфа, неразборчиво набросанная: «Le nom[m]é Tibeau ami de Rosetty servant à l'état Major n'a-t-il pas écrit les cochon[neries] de Pouch[kine]», т. - е.: «Нѣкто по имени Тибо, другъ Россети, служащій въ Главномъ Штабѣ, не онъ ли написалъ гадости о Пушкинѣ».

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ объ анонимныхъ письмахъ, по рѣшить вопросъ, почему оказалась заподозрѣннымъ пѣкій Тибо, не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ разслѣдованіе началось, и канцелярія заработала. А. Н. Мордвиновъ посылаетъ запросъ начальнику I Округа корпуса жандармовъ Д. П. Полозову⁶⁸⁾ и черезъ три дня получаетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ!

По запискѣ Вашей отъ 22 февраля я слѣлалъ выpravку, по коей оказалось, что въ Главномъ Штабѣ на службѣ не состоитъ Тибо, а служатъ два брата Тибо въ Почтамтѣ, оба титулярные совѣтники, одинъ изъ нихъ Осипъ въ Почтовомъ департаментѣ помощникомъ контролера, а другой Викторъ изъ отставки нынѣ опредѣленъ помощникомъ почтмейстера въ Умань и въ скорости туда отправляется⁶⁹⁾.

Почеркъ руки обѣихъ г. Тибо при семъ имѣю честь препроводить. Поручикъ Россетъ Клементій Осиповичъ служить здѣсь въ Главпомѣ Штабѣ Воен. Министер.⁷⁰⁾

Душевно преданный Вамъ

Д. Полозовъ».

25 фев. 837.

Къ письму приложены два образца почерковъ братьевъ Тибо, написанныхъ на оберточной бумагѣ, и тутъ же записка Осипа Тибо:

«Жительство имѣетъ Осипъ Тибо въ Торговой улицѣ въ д. Семенова.

Братъ мой опредѣленъ помощникомъ почтмейстера въ городѣ Уманѣ Киевской губерніи, куда и отправляется въ будущій Четвертокъ, т.-е. 4 марта.

Съ истиннымъ почтеніемъ

имѣю честь быть

вашимъ покорнѣйшимъ слугой

Осипъ Тибо.

24 февраля.

Его Высокоблагородію Петру Андреевичу Штеру»⁷¹⁾.

Каковы были результаты разслѣдованія, чѣмъ оно закончилось, документы III Отдѣленія намъ ничего не говорятъ. Подозрѣнія, видимо, были напрасны, такъ какъ «дѣла» о Тибо не имѣется, а Осипа Тибо и въ слѣдующемъ году мы также видимъ служащимъ въ Почтамтѣ на той же должности.

Не отъ однихъ только братьевъ Тибо добивались жандармы почерка руки, пужень былъ имъ такой же образецъ на русскомъ языкѣ и отъ Дантеса. Чтобы не дать ему прямо почувствовать, чего отъ него хотятъ, графъ Бенкендорфъ потребовалъ отъ Дантеса адреса его русскаго учителя. Жандармамъ легко можно было сыскать французскій почеркъ Дантеса, между тѣмъ какъ по-русски пужно было или принудить его писать или поставить въ такія условія, которыя исключали бы возможность писанія на иностранномъ языкѣ. Дантесъ отвѣтилъ Шефу жандармовъ все такъ по французски и приложилъ адресъ, доставленный другимъ, такъ же, какъ и Дантесъ, плохо справлявшимся съ русскою грамотою человѣкомъ. Возможно, что почеркъ принадлежитъ тому дворовому, о которомъ упоминается въ запискѣ. ⁷²⁾

Pétersbourg, le 24 Févr. 1837.

Monsieur le Comte

Je m'empresse de vous envoyer l'adresse de mon ancien maître de Russe que je me suis enfin procuré par l'entremise de l'ancien Domestique du comte Bray. C'est avec le plus profond respect, Monsieur le Comte, que j'ai l'honneur d'être votre très humble et très obéissant serviteur

Le V-on Georges de Heeckeren.

À son excellence le Comte de Benkendorf, Général aide de Camp de sa Majesté L'Empereur. Pétersbourg.

(Графъ! Спѣшу послать Вамъ адресъ моего стараго учителя Русскаго языка, который я наконецъ досталъ при посредствѣ стараго слуги графа Брей. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Графъ, имѣю честь быть Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугой

Баронъ Георгъ Геккеренъ.

Его Сіятельству Графу Бенкендорфу, Генералъ-Адъютанту Его Императорскаго Величества.)

Тутъ же приложено на клочкѣ бумаги:

«Науглу Кирпичьнога пириулка въ домѣ Шмйта Гаспадйна Вйсковскова.

Рускай учитель». 73)

Касается ли это разслѣдованіе анонимныхъ писемъ 4 ноября, или Бенкендорфъ имѣлъ ввиду и другіе пасквили на Пушкина и его жену 74), объединяя ихъ названіемъ «гадостей» («les cochonneries»), — сказать трудно, но приведенными документами исчерпывается папка «О присланныхъ Пушкину безымянныхъ письмахъ». Мы остаемся въ такомъ же невѣдѣніи относительно авторовъ диплома, какъ и прежде. Вопросъ, — безъ сомнѣнія праздный, — не разрѣшенъ, наше любопытство не удовлетворено, но теперь есть основаніе категорически утверждать, что въ писаніи анонимнаго письма участвовало не менѣе двоихъ, и что Геккерены къ этому дѣлу касательства не имѣли. Нашелъ ли виновниковъ Бенкендорфъ и дѣйствительно ли открылъ ихъ Николаю, мы не знаемъ, прямыхъ данныхъ пока не имѣется. Не подлежитъ сомнѣнію, что Николай какимъ то отвѣтомъ Шефа жандармовъ былъ удовлетворенъ, и въ этомъ отвѣтѣ Генкерену не поздоровилось 75).

IV.

Утромъ 28 января, на другой день послѣ дуэли, весь Петербургъ зналъ о тяжеломъ положеніи поэта. Быстро разнесся слухъ, что Пушкинъ умираетъ. Передняя его квартиры осаждалась толпами людей, совершенно незнакомыхъ, приходившихъ справиться о состояніи здоровья раненаго. Въ три четверти третьяго часа 29 января Пушкинъ скончался. Его трагическая смерть, неожиданная для большинства, произвела потрясающее впечатлѣніе, вызвала неподдѣльные слезы и искреннюю печаль. Ни одинъ поэтъ, ни одинъ писатель въ то время не пользовался такой извѣстностью, какъ Пушкинъ. Онъ былъ всероссійской знаменитостью, его имя читали болѣе десяти лѣтъ въ различныхъ слояхъ и столичнаго и провинціального общества 76). Къ глубокой скорби, доходившей

у нѣкоторыхъ до отчаянія, присоединилось сознаніе, что Россія потеряла не только гениальнаго поэта, но и поэта истинно національнаго. Болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебивало у гроба поэта ⁷⁷). «Смерть Пушкина», доносилъ 2 (14 февраля) Прусскій посланникъ Либерманъ своему Двору, представляется здѣсь какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе ⁷⁸). Люди, даже отрицательно относившіеся къ Пушкину, не могли пройти мимо такого событія, хотя бы по его сенсаціонности ⁷⁹).

До насъ дошли небольшія воспоминанія, составленныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ случившагося и принадлежащія перу воспитателя Училища Правовѣднія А. С. Андреева. Записки, озаглавленныя «О Пушкинѣ. 1837 года» и любопытны потому, что въ нихъ горькая правда о поэтѣ переплелась съ ходячей тогда сплетней. Приводимъ ихъ полностью, какъ еще неизвѣстныя въ печати ⁸⁰).

«28 Генваря въ четвергъ — часу около девятаго пронесся слухъ по городу (С. П — бургу) что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ бывъ на пистолетномъ дуэли съ кавалергардскимъ офицеромъ Дантесомъ раненъ въ правый бокъ ниже реберъ и что рана смертельна. —

«29 Января утро. — Слухъ сей подтвердился и что Пушкинъ ни въ всякой надежды. Въ 11 часовъ я увидѣлся съ докторомъ Иваномъ Тимофѣевичемъ Спасскимъ который какъ давній знакомый Пушкина и домашній Врачъ Его сказалъ мнѣ что надежды на жизнь Его никакой нѣтъ и что едва ли онъ проживетъ до вечера ⁸¹).

«30-го. Его Свѣтлость Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій ⁸²) прибывъ въ училищѣ правовѣднія въ 11 часовъ утра сказалъ что Пушкинъ еще живъ но что надежда плоха.

«Причина дуэли по слухамъ городскимъ слѣдующая. — Пушкинъ съ женой жилъ не въ добромъ согласіи — онъ какъ пылкой, а она какъ глупая расходилась понятіями. — Она какъ хорошая собой кокетничала — и около сего времени Пушкинъ получалъ по городской почтѣ одно безъ именованное письмо увѣдомляющее его объ невѣрности Его жены а вскорѣ за симъ и дипломъ «форменный на роконоса. — Между тѣмъ Дантесъ на коего были намекн и который усердно посещалъ Его домъ и рѣшительно

былъ влюбленъ въ жену Пушкина, при вопросѣ со стороны послѣдняго о причинѣ столь частыхъ посѣщеній желая отдалить подозрѣнiе объявилъ, что онъ ищетъ руки Ею свояченицы Екатерины (дѣвушки за 30 лѣтъ). Пушкинъ взялся его сватать равно какъ и жена его. Послѣ совершенія сватъбы Дантесъ если не съ большей свободой то не менѣе прежней началъ посѣщать домъ Пушкина и продолжать связь съ его женой. — Пушкинъ написалъ къ нему обиднѣйшее письмо — и тотъ его вызвалъ на дуэль.

«Дуэль была на Выборгской сторонѣ близъ дачи коменданта. Оба подошли къ барьеру но Дантесъ выстрѣлилъ первый. — Пушкинъ повалился и Дантесъ полагая что дѣло кончено повернулся лѣвой стороной — Пушкинъ очнувшись сказалъ: Постой— еще и моей пулѣ мѣсто должно быть выстрѣлилъ и попалъ въ кисть лѣвой руки, которая раздробившись отдалила пулю въ сторону. — Говорятъ, что у Дантеса отрѣзали руку. Дантесъ отданъ подъ Военный судъ. Говорятъ, что Дантесъ сынъ Карла X короля французскаго и что по просьбѣ Д'Артуа Голландскій посланникъ Гекернъ его усыновилъ ⁸³).

«Февраля 2-го Пушкина хоронили ⁸⁴). Стѣздъ особъ всѣхъ половъ и всѣхъ состоянiй былъ необыкновенный. Полиція насчитала 12 [тысячъ] экипажей.

«Говорятъ, что судъ надъ Дантесомъ конченъ и наказанiе быть годъ солдатомъ а потомъ оставить Россiю навсегда ⁸⁵).

«Пушкинъ писалъ къ Государю и въ отвѣтъ получилъ

Comme chretien je vous pardonne

Comme Monarche je vous aide

Comme homme je vous plains.

«Государь прислалъ на его похороны 10 тысячъ женѣ. Единственно 10 тысячъ и обѣщанiе не оставить ее и дѣтей. Дѣтей у него три сына и одна дочь. Сыновой взять въ пажы и выдавать полторы тысячи въ годъ до совершеннолѣтiя, а дочери тоже до замужества. Долги всѣ заплатить. Это воля Государя.

«Всѣ его сочиненiя напечатать лучшимъ образомъ на казенной щетъ и выгоды обратить на семейство. Такъ сказалъ Государь.

«11 февраля. Анекдотъ про Пушкина. Сидитъ онъ, жена его и Дантесъ. Пушкинъ задумался, жена подходитъ къ нему и говоритъ, объ чемъ мой поэтъ задумался. Пушкинъ отвѣчалъ.

На твоего поэта
Теперь великій постъ.
Люблю тебя моя комета
Но не люблю твой хвостъ.

«Здѣсь хвостъ пам'ѣка и на подолъ ея запачканной связью съ Дантесомъ и собственно хвостъ ея платья. NB. По неправильной кадапсовости сихъ стиховъ я не вѣрю чтобы они принадлежали Пушкину.

«Вотъ наконецъ я получилъ отъ Доктора Ивана Тимофѣевича Спасскаго домоваго доктора Пушкина описаніе послѣднихъ минутъ поэта. Списываю ихъ для памяти и душевно благодарю И. Т. Спасскаго за его одолженіе».

Далѣе идетъ уже извѣстное въ печати описаніа послѣднихъ дней поэта, составленное И. Т. Спасскимъ въ видѣ разсказа очевидца ⁸⁶).

Писать подробно о смерти Пушкина, говорить о его дуэли, оцѣнивать его значеніе, какъ поэта, газетамъ и журналамъ было строго воспрещено. Этимъ думали ослабить впечатлѣніе, которое произвела его кончина на средній и интеллигентный классъ Русскаго общества. Правительство напугалось горячаго, непосредственнаго чувства, неприкрашенной скорби къ человѣку совершенно частному, печиповному, умершему бѣднякомъ. Для николаевскаго времени такое проявленіе общественнаго горя было событіемъ удивительнымъ, а съ точки зрѣнія охранителя государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, каковымъ и былъ Шефъ жандармовъ, буквально опаснымъ. III Отдѣленіе вообще не выносило ничего, что выходило за предѣлы оффиціально разрѣшаемаго и совершающагося безъ его вѣдома, хотя бы это было открытое поклоненіе предъ талантомъ или питимная исповѣдь горячаго сердца, болѣющаго о благѣ общественномъ ⁸⁷). Для Бенкендорфа Пушкинъ былъ героемъ 14 декабря, «не признающимъ никакихъ властей» и пользующимся своей популярностью, чтобы быть главою политическаго общества ⁸⁸). По мнѣнію

охранителей государственнаго порядка поэтъ исповѣдывалъ демагогическія идеи. Не голословно сообщалъ баронъ Геккеренъ барону Верстолю, что «смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существоваше дѣлой партіи, главой которой онъ былъ... Эту партію можно назвать реформатскою; этимъ названіемъ пользуются сами ея члены», увѣряетъ посланникъ, самъ увѣренный русскими, власть имѣющими⁸⁹). Еще дальше пошелъ Франшъ-Десери въ письмѣ къ герцогу де Блака: Пушкинъ «находился во главѣ русской молодежи и возбуждалъ ее къ революціонному движенію, которое ощущается повсюду, съ одного конца земли до другого»⁹⁰). Либерализмъ Пушкина настолько напугалъ Прусскаго посланника, что онъ отклонилъ приглашеніе быть на похоронахъ поэта, хотя всѣ дипломаты in corpore присутствовали на его отпѣваніи⁹¹).

Таково было о немъ мнѣніе официальныхъ сферъ, но оплакивавшая тогда смерть великаго поэта мыслящая Россія не считалась съ эгиптъ.

Ея національное горе скоро смѣнилось негодованіемъ на иностранца, тепло принятаго на Русской землѣ, обласканнаго Императоромъ и такъ жестоко отплатившаго за добро своей новой родиной.

Неаполитанскій посланникъ князь ди Бутера, отправляя депешу къ своему Двору, пишетъ: «Эта дуэль оцѣнивается всѣми классами общества, а въ особенности среднимъ, какъ общественное несчастіе, потому что поэзія Пушкина очень популярна, и общество раздражено тѣмъ, что находящійся на Русской государственной службѣ французъ лишилъ Россію лучшаго изъ ея поэтовъ»⁹²). Пресловутый г. Либрманъ, донесеніе котораго къ Прусскому Двору мы уже цитировали, подробнѣе другихъ своихъ коллегъ-дипломатовъ говоритъ о причинахъ и послѣдствіяхъ смерти Пушкина. «Національное самолюбіе», утверждаетъ онъ 2 (14) февраля, «возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта, — иностраннаго происхожденія. Громко кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить чловека, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ... Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ пребывало

до 50000 душъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили разрѣшенія нести останки умершаго. Шелъ даже вопросъ о томъ, чтобы отпречь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу... Я знаю положительно, что подъ предлогомъ пылаго патриотизма въ послѣдніе дни въ С.-Петербургѣ произносятся самыя странныя рѣчи, утверждающія между прочимъ, что Пушкинъ былъ чуть не единственной опорой, единственнымъ представителемъ народной вольности и проч. и проч., и меня увѣрили, что офицеръ, одѣтый въ военную форму, произносилъ рѣчь въ этомъ смыслѣ, посреди толпы людей, собравшихся вокругъ тѣла покойнаго въ домѣ, гдѣ онъ скончался»⁹³).

Особенно рѣзко выразилъ свое отношеніе къ Дантесу Жуковский въ едва ли посланномъ имъ письмѣ къ Бенкендорфу. Голосъ стараго друга Пушкина былъ голосомъ многочисленныхъ поклонниковъ поэта. «Пушкинъ умираетъ, убитый на дуэли, и убійца его (иностралець) французъ (осыпанный), припятый въ нашу службу съ отличіемъ; этотъ (ипострапець) французъ преслѣдовалъ жену Пушкина и за тотъ стыдъ, который нанесъ ея чести, еще убилъ его на дуэли. Вотъ обстоятельства, поразившія вдругъ все общество и сдѣлавшіяся извѣстными во всѣхъ классахъ народа отъ Гостиннаго двора до петербургскихъ салоновъ... жертвой пноземнаго разврат(а)ника сдѣлался первый поэтъ Россіи, извѣстный по сочиненіямъ своимъ большому и малому обществу»⁹⁴).

Если Пушкинъ при жизни былъ подозрителенъ для III Отдѣленія, какъ политически неблагонадежный человекъ и находился подъ неусыпнымъ наблюденіемъ властей, хотя и «не ввидѣ арестапта», то и мертвый онъ внушалъ не меньшія опасенія. У его гроба переодѣтые шпіоны зорко слѣдили за всемъ, что творилось въ квартирѣ поэта, проникли даже въ его гостиную, и, конечно, всѣ свѣдѣнія сообщали въ III Отдѣленіе.

Каждый шагъ друзей покойнаго дѣлался извѣстнымъ Бенкендорфу. Благонамѣреннѣйшій Жуковский, стоявшій не разъ на дорогѣ у Шефа жандармовъ, какъ постоянный защитникъ Пушкина, пользовался особымъ вниманіемъ агентовъ. Его заподозрили въ утайкѣ бумагъ поэта и недопустили одного къ разборкѣ рукописей. Къ нему былъ приставленъ Дубельтъ.

Многіе друзья Пушкина были взяты подъ жандармскій надзоръ, отъ котораго не спасло ихъ ни общественное положеніе, ни даже видное придворное званіе. «Въ день, предшествовавшій ночи, въ которую былъ назначенъ выносъ тѣла», писалъ князь Вяземскій вел. кн. Михаилу Павловичу, «въ домѣ, гдѣ собралось человекъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему свой послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы всѣ находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья, а жандармы... Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, выставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодяями? Не было той нечѣстности, которая не была бы намъ приписана» ⁹⁵).

Несомнѣнно, жандармы боялись активныхъ дѣйствій со стороны раздраженной толпы, всякому слуху они придавали значеніе, не провѣряя его, а всецѣло полагаясь на донесенія своихъ агентовъ. Пугаясь самъ, Бенкендорфъ держалъ если не въ страхѣ, то въ большомъ сомнѣніи подозрительнаго Императора. Шефу жандармовъ легко было доказать Николаю, что всѣ событія есть плодъ дѣятельности революціоннаго Общества, главаремъ котораго состоялъ Пушкинъ. Шпіоны между тѣмъ приносили свѣдѣнія, что на квартиру Геккерсна готовится нападеніе, что у вдовы поэта разобьютъ окна, и ждзнь ея и посланника подвергается опасности, что во время траурнаго шествія въ Исаіевскій соборъ, гдѣ предполагалось отпѣваніе праха умершаго, отпрягутъ лошадей, а тѣло понесутъ на рукахъ и т. п. Полиція приняла мѣры: разставила пикеты по улицамъ, запретила совершать погребальный обрядъ въ соборѣ и назначила для отпѣванія церковь Конюшеннаго вѣдомства, куда и было почью на 1 февраля перенесено тѣло Пушкина подъ охраной отряда жандармовъ. «Поклоненіе таланту», замѣчаетъ князь Вяземскій, «было истолковано, какъ политическое и враждебное правительству движеніе» ⁹⁶).

Но за Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни, кромѣ его литературной дѣятельности, ничего не значилось, что бы позволяло считать поэта не только главаремъ революціонной партіи, но даже рядовымъ членомъ ея. Да и въ самомъ существованіи такого Общества можно было сомнѣваться. Необходимо было, кромѣ слуховъ, сплетенъ, голословныхъ заявленій, имѣть болѣе существенные факты. Случай для этого представился.

Еще прахъ поэта не былъ похороненъ, какъ В. А. Жуковскій и графъ А. Ѳ. Орловъ получили анонимныя письма. Писало ихъ, судя по почерку, одно и то же лицо, уже немолодыхъ лѣтъ, разбравшееся въ политическихъ событіяхъ того времени, человѣкъ не безъ образованія. Авторъ очень удачно выразилъ настроеніе читающей Россіи по случаю смерти поэта: глубокую скорбь по умершему, сознаніе, что родина потеряла національнаго гения, негодованіе противъ выскочки-француза и сожалѣніе, что тронъ Императора окружаютъ иностранцы, которымъ чуждо все русское. Смерть поэта, по мнѣнію анонима, есть убійство предумышленное. Послѣднее было прозрачнымъ намекомъ на Бенкендорфа и въ комментаріяхъ не нуждалось.

Письма извѣстны до сихъ поръ не были и нами опубликовываются впервые. Жуковскій получилъ письмо раньше графа Орлова:⁹⁷⁾

«Милостивый Государь,
Василій Андреевичъ!

Убійство А. С. Пушкина дѣлавшаго честь Россіи своимъ именемъ и поставившаго себя (здѣсь неумѣстно употреблѣть лѣсть) первымъ послѣ Васъ поэтомъ, для каждаго Россіянина есть чувствительнѣйшая потеря⁹⁸⁾. Неужели послѣ сего происшествія, можетъ быть терпимъ у насъ не только Дантестъ, но и презрѣнный⁹⁹⁾ Гекернъ? Неужели Правительство можетъ равнодушно спосить поступокъ презрѣннаго имъ чужеземца и оставить безнаказанно дерзкаго и ничтожнаго мальчика? Вы будучи другомъ покойному, конечно одинаковое со всѣми принимаете участіе, въ таковой горестной потерѣ, и, по близости своей къ царю — у дому употребите все возможное стараніе къ удаленію отсюда людей, содѣлавшихся чрезъ таковую поступокъ непамятными каждому соотечественнику Вашему, осмѣлившимся

оскорбить въ лицѣ покойнаго — духъ пародный. — Вы одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ имѣется надежда въ исполненіе сего общаго желанія. — Явное покровительство и предпочтеніе подобнымъ прошлецамъ-нахамамъ и иностранцамъ, можетъ для насъ быть гибельнымъ. — А Вы носите важную на себѣ обязанность. — Не подумайте однакоже, что письмо сіе есть средство къ какому либо противозаконному увлеченію, нѣтъ, его писалъ вѣрный подданный желающій славы и блага Госу — рю и отечеству и живущій уже четвертое царствованіе.

30 янв, а 1837 .

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Василію Андреевичу
Жуковскому

Въ Шепелевскомъ Дворцѣ.

Жуковскій получилъ письмо не поздиѣе утра 31 января; 1 февраля опъ разсказалъ о немъ Императрицѣ, а та сообщила мужу. Бенкендорфъ узналъ о немъ отъ Императора 2 февраля, когда Шефъ жандармовъ имѣлъ въ рукахъ другое анонимное письмо, присланное графу А. Ѳ. Орлову. Опираясь на приказаніе Императора, Бенкендорфъ посылаетъ Жуковскому записку, давая въ ней понять, какъ Жуковскій долженъ былъ поступить при полученіи анонимнаго письма.

«Е. В. Императоръ уполномочилъ меня спросить у васъ анонимное письмо, которое Вы вчера получили, и о которомъ Вы сочли нужнымъ сказать Е. В. Императрицѣ. Графъ Орловъ получилъ подобное же письмо и поспѣшилъ вручить его миѣ. Сравненіе двухъ писемъ можетъ дать указаніе на составителя ¹⁰⁰).

Вашъ А. Бенкендорфъ».

Жуковскій отвѣтилъ на другой день. Его записка въ черновикѣ была извѣстна раѣе ¹⁰¹). Обмѣнъ записками между Шефомъ жандармовъ и Жуковскимъ носитъ характеръ стычки, въ которой противники стараются уколоть другъ друга. Бѣловая письма мало отличается отъ черновика ¹⁰²), но въ обихъ Жуковскій не преминулъ указать на «живое чувство, которое пробуждено въ сердцѣ

каждаго русскаго». Рядомъ съ присланнымъ анонимнымъ письмомъ напоминаніе было въ дѣль.

«Милостивый Государь

Александръ Христофоровичъ.

Имѣю честь препроводить къ Вашему Сіятельству требуемое вами письмо. Повторяю ¹⁰³⁾ покорнѣйшую просьбу мою о разрѣшеніи подписки на сочиненія Пушкина и на современникъ. Единственна дѣль моего желанія поспѣшить публикаціею еста, чтобы воспользоваться тѣмъ живымъ чувствомъ, которое пробуждено въ сердцахъ каждая русскаго ко памяти Пушкина, и собрать большую подписку въ пользу его дѣтей.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю
быть Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Жуковский.

3 февраля.

Получивъ записку Жуковскаго вмѣстѣ съ анонимнымъ письмомъ, Шефъ жандармовъ приказываетъ Мордвинову:

«Envoyez moi le papier pour Жуковский; voici la lettre qu'il a reçue; il me paraît que c'est la même écriture que celle reçue par Orlov».

(Пришлите мнѣ бумагу для Жуковскаго; вотъ письмо, которое онъ получилъ; мнѣ кажется, что это тотъ же самый почеркъ, что и въ письмѣ, полученномъ Орловымъ ¹⁰⁴⁾).

Письмо къ графу Орлову, по виѣшности и почерку, какъ безошибочно отмѣтилъ наблюдательный глазъ Бенкендорфа, совпадаетъ съ анонимнымъ письмомъ къ Жуковскому ¹⁰⁵⁾. Содержаніе его нѣсколько иное, тонъ болѣе рѣзкій, категорическій и въ концѣ почти угрожающій. Событія послѣднихъ трехъ дней, протекшихъ между посылкой писемъ Жуковскому и Орлову, оказали свое вліяніе на неизвѣстнаго автора. Общественное движеніе, точнѣе проблески общественнаго мнѣнія доказали правоту высказаннаго въ предыдущемъ письмѣ и позволили заговорить не только отъ своего имени.

«Ваше Сіятельство.

Лишеніе всѣхъ званій, ссылка на вѣчные времена въ гарнизоны солдатомъ Дантеста ¹⁰⁶) — не можетъ удовлетворить Русскихъ, за умышленное, обдуманное убійство Пушкина; нѣтъ скорая высылка отсюда презрѣннаго Гекерна безъ условное воспрещеніе вступать въ Россійскую службу иностранцамъ, быть можетъ нѣсколько успокоитъ, утешитъ скорбь соотечественниковъ Вашихъ, въ таковой невознаградивой потерѣ. Открытое покровительство и предпочтеніе чужестранцамъ, день ото дня дѣлается для насъ нестерпимѣе. Времена Бироповъ миновалась. Вы видѣли вчерашнее стеченіе публики, въ ней не было любопытныхъ Русскихъ — слѣдовательно можете судить объ участіи и сожалѣніи къ убитому. Графъ! Вы единственный у Престола представитель своихъ соотечественниковъ, носите славное и историческое имя, и сами успѣли заслужить признательность и уваженіе своихъ согражданъ; а потому всѣ на Васъ смотрятъ, какъ на послѣднюю надежду. Убѣдите Его Величество поступить въ этомъ дѣлѣ съ общемою пользою. Вамъ звѣстень духъ народный, патріотизмъ, любовь его къ славѣ отечества, преданность къ престолу, благоговѣніе къ Царю; по дальнѣйшее пренебреженіе къ своимъ вѣрнымъ поданнымъ, увеличивающіяся злоупотребленія во всѣхъ отрасляхъ правленія, не ограниченная власть врученная недостойнымъ лицамъ, стая нѣмцовъ, все, все поражаетъ болѣе и болѣе ропотъ и не удовольствіе въ публикѣ и самомъ народѣ! Ваше Сіятельство, именемъ Вашего отечества, спокойствія и блага Государя, просятъ Васъ представить Его Величеству о необходимости поступить съ желаніемъ общимъ, выгоды отъ того произойдутъ неисчислимыя, иначе графъ мы горько поплатимся за оскорбленіе народное и вскорѣ.

Съ истиннымъ и совершеннымъ уваженіемъ
имѣю честь быть
К. М.

Вторникъ.
2-февраля.

Изъ сопоставленія писемъ къ Жуковскому и гр. Орлову легко заключить, что авторъ въ первомъ письмѣ ничего не говорить о политическомъ положеніи Россіи, онъ пораженъ смертью

поэта, негодуешь на пенавистныхъ, по сильныхъ властью иностранцевъ и просить Жуковского, какъ чловѣка близкаго къ Государю, открыть ему глаза на совершающееся. Въ письмѣ къ графу Орлову личность автора и его мнѣніе отходятъ на второй планъ; здѣсь онъ выступаетъ отъ лица многихъ: «открытое покровительство и предпочтеніе чужестранцамъ день ото дня дѣлается для насъ нестерпимѣе»,— поэтому русскіе люди «просятъ Васъ представить Его Величеству о необходимости поступить съ желаніемъ общимъ». Смерть Пушкина для автора поводъ, чтобы высказать затаспныя мысли русскаго общества; нѣтъ сомнѣнія, предъ глазами всѣхъ открыто совершилось «умышленное и обдуманное убійство»,— между прочимъ, эти слова въ письмѣ подчеркнуты карандашомъ,—виновники—иностранцы, отъ произвола и злоупотребленій которыхъ стонетъ Россія. Пусть графъ обратитъ на это вниманіе Государя, иначе можно поплакаться и очень скоро.

Графъ Орловъ успѣвши отослать письмо въ III Огдѣленіе. Теперь Бенкендорфъ пмѣлъ въ рукахъ документъ, который долженъ былъ подтвердить всю своевременность и правильность мѣръ, предпринятыхъ высшей полиціей, и лишній разъ доказать Царю бдительность корпуса жандармовъ.

Отношенія Бенкендорфа къ Пушкину достаточно извѣстны: поэтъ въ его глазахъ былъ опасный революціонеръ. Такое мнѣніе онъ не разъ высказывалъ и Императору. Анонимное письмо позволяло Шефу жандармовъ съ настойчивостью говорить о существованіи революціоннаго Общества. Признаки были налицо. Группа русскихъ, желающихъ выставить себя горячими патриотами и недовольныхъ правительствомъ, пенависть къ иностранцамъ, предостереженіе на будущее,— все было знакомо Царю и его приближенному по 1825 году. Бенкендорфъ несомнѣнно держался такого мнѣнія: смерть виднаго дѣятеля Общества обнаружила существованіе заговора, который пока выявился въ демонстраціи противъ власти, въ раздраженныхъ разговорахъ, грозящихъ перейти въ дѣло. Тѣни 14 декабря вставали предъ вѣрнополданнымъ Николаемъ и пугали его ужасами революціи. Надо было дѣйствовать и скорыми мѣрами прекратить все проявленія общественнаго возбужденія.

Возвращая въ тотъ же день анонимное письмо гр. Орлову, Бенкендорфъ шлетъ ему записку со своимъ безапелляціоннымъ мнѣніемъ: 107)

«Cette lettre est très importante, elle prouve l'existence et le travail de la Société. Montrez la de suite à l'Empereur et renvoyéz la moi, afin que je puisse по горячимъ слѣдамъ trouver l'auteur».

(Это письмо очень важно, оно доказываетъ существованіе и работу Общества. Покажите его тотчасъ же Императору и возвратите его мнѣ, чтобы я могъ по горячимъ слѣдамъ пайти автора).

Графъ Орловъ не медлитъ. Опъ препровождаетъ письмо Николаю I вмѣстѣ съ запиской Шефа жандармовъ и прилагаетъ свою. Опъ осторожниѣе Бенкендорфа. Въ запискѣ Орловъ ни слова не говоритъ о наличіи Общества, онъ удѣляетъ вниманіе автору письма и, пытаясь дать ему характеристику, отмѣчаетъ всю проницательность и хитрость неизвѣстнаго, съ которымъ требовалась осторожность и осторожность. 108)

Графъ Орловъ писалъ 109) Императору:

«Je viens de recevoir une lettre anonyme par la Городская Почта que j'ai tout de suite montré à Benkendorff; j'ai l'honneur d'y joindre son billet. Votre Majesté verra par le contenu qu'elle est écrite par une personne qui n'est pas du commun: elle est méchante, adroite et flatteuse pour moi; malheureusement pour l'auteur, je sais ce que je vauх et les flagonneries ne me touchent nullement».

Le 2 Février.

(Я только что получилъ анонимное письмо по городской почтѣ, которое немедленно показалъ Бенкендорфу. Имѣю честь присоединить къ этому его записку. Ваше Величество по содержанію письма убѣдитесь, что оно написано особой не изъ простыхъ: особа эта зла, ловка и льстива по отношенію ко мнѣ. Къ несчастію для автора я знаю, что я стою, и угодлиность меня нисколько не трогаетъ.

2 Февраля.)

Какое важное значеніе имѣли событія и слухи по поводу смерти Пушкина въ глазахъ Императора и Бенкендорфа, насколько опасными казались они имъ, мы видимъ по оставленной въ день 2 февраля перепискѣ, счастливо сохранившейся до нашего времени. III Отдѣленіе въ это время работаетъ, не покладая рукъ, безъ всякой волокиты, энергично исполняя приказаніе за приказаніемъ.

Еще не получивъ обратно резолюціи Николая на посланныя письма, Бенкендорфъ вторично видится съ Царемъ и передаетъ ему свѣжую новость, что неудавшаяся съ распряжкой лошадей демонстрація въ Петербургѣ готовится теперь въ Псковѣ. Получается новый приказъ, и Шефъ жандармовъ шлетъ Псковскому губернатору Пешурову немедленное распоряженіе приять мѣры, распоряженіе, эхомъ раздавшееся въ различныхъ инстанціяхъ Псковской администраціи. ¹¹⁰⁾

Кромѣ того, Николай при свиданіи высказываетъ свое подозрѣніе и на счетъ автора письма. ¹¹¹⁾

Бенкендорфъ пишетъ А. Н. Мордвинову 2-го же февраля:

«Je viens de voir l'Empereur qui me charge de vous dire, que vous écriviez au gouverneur de Pskow, qu'il deffend toute autre chose pour Pouchkine que ce qui se fait pour tout gentilhomme; que d'ailleurs la cérémonie ayant eu lieu ici, il n'y a plus à en faire.

L'Empereur soupçonne le prêtre Malow qui a officié hier à l'enterrement d'être l'auteur de la lettre; il faudrait se procurer de son écriture; à demain, tout à vous».

Александрѣ Николаевичу Мордвинову.

(Я только что видѣлъ Императора, который приказалъ сказать Вамъ, чтобы вы написали Псковскому губернатору: пусть онъ запретитъ для Пушкина все, кромѣ того, что дѣлается для всякаго дворянина; къ тому же, разъ церемонія имѣла мѣсто здѣсь, не для чего уже ее дѣлать.

Императоръ подозрѣваетъ священника Малова, который совершалъ вчера чинъ погребенія, въ авторствѣ письма; нужно бы раздобыть его почеркъ; до завтра, весь вашъ).

Отношенія императора Николая Павловича къ Пушкину до нѣкоторой степени извѣстны, но требуютъ большихъ свѣдѣній

при глубокомъ анализѣ и безпристрастномъ взглядѣ историка. До недавняго времени при поверхностномъ изслѣдованіи или за отсутствіемъ необходимаго документальнаго матеріала эти отношенія представлялись благожелательными, говорили о большомъ и милостивомъ вниманіи Царя и о рѣдкомъ, почти дружелюбномъ обращеніи съ поэтомъ. Всѣ непріятности жизни Пушкина, постоянныя уколы самолюбію, падождливый надзоръ и придирчивую цензуру многіе ставили на счетъ Бенкендорфа и его присныхъ. Государь оставался въ сторонѣ даже тогда, когда его непріязненность трудно было скрыть: ее приписывали постороннему вліянію.

Такое представленіе вытекало изъ неправильной характеристики личности Николая.

Николай Павловичъ, обладал сильной волей и ярко выраженной индивидуальностью, не нуждался во временщикахъ. Онъ на все и всегда имѣлъ свой собственный, «николаевскій» взглядъ. Достойный братъ Александра Павловича, скрытность и нескренность котораго могли бы войти въ пословицу, Николай еще великимъ княземъ обращалъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ холоднаго сердца и разсудка, человѣкъ злоспамятный. Декабрьское возстаніе отмѣтило мстительность его натуры, оно же породило недовѣрчивость и подозрительность къ людямъ. Установивъ разъ свой взглядъ на человѣка, Царь могъ мѣнять внѣшнее обращеніе съ нимъ, но суть отношеній оставалась та же.

Будучи создателемъ III Отдѣленія, Николай былъ и душой его. Бенкендорфъ, Орловъ, Дубельтъ et tutti quanti состояли исполнителями воли Царя. Во главѣ корпуса стоялъ талантливый руководитель — самъ Императоръ. Онъ умѣло скрывалъ свои способности и, какъ за ширмы, прятался за своихъ, менѣе одаренныхъ помощниковъ, которые всегда пѣли съ его голоса и должны были попадать въ тонъ. Бенкендорфъ въ этомъ преуспѣвалъ.

Государь былъ ловкимъ и умнымъ человѣкомъ. Таковымъ, по крайней мѣрѣ, онъ рисуется намъ въ своихъ отношеніяхъ къ Пушкину, начиная съ извѣстной бесѣды во время коронаціи въ Москвѣ до послѣдней минуты жизни поэта. Гдѣ нужно было, т.-е. гдѣ это было выгодно для Царя, онъ шелъ навстрѣчу и

легко прикрывалъ милостями и благоволеніями скрытое недоброжелательство и постоянную недовѣрчивость. Успокоивъ умирающаго поэта, одаривъ дарами и пенсіей его семью, Николай расположилъ къ себѣ общественное мнѣніе дома и заставилъ заговорить о моваршемъ великодушій дипломатическій корпусъ.

Но трогательная сказка о милостивомъ дарѣ и бѣдномъ поэтѣ не выдерживаетъ исторической критики, и голая правда о неприглядной сторонѣ характера Николая Павловича выходитъ наружу. Легендѣ о великодушій Императора нанесъ чувствительный ударъ П. Е. Щеголевъ. «Если Николай Павловичъ творилъ добро семьѣ Пушкина, то онъ дѣлалъ это отнюдь не во имя Пушкина, отнюдь не въ силу признанія за его личность и дѣятельностью національнаго и государственнаго значенія, а по инымъ соображеніямъ. Тутъ играли роль и вліяніе Жуковскаго, и хорошее отношеніе къ женѣ Пушкина, которую онъ любилъ видѣть на придворныхъ балахъ, и, наконецъ, значительную роль игралъ и расчетъ на добрую славу о его великодушій и щедрости... Государь не вѣрилъ благонадежности Пушкина... Тому, что Николай Павловичъ не вѣрилъ въ искренность Пушкина, мы имѣемъ не мало доказательствъ... Николай Павловичъ не вѣрилъ тому, что говорили о Пушкинѣ Жуковскій. Въ этомъ пунктѣ вліяніе Жуковскаго на Николая Павловича столкнулось съ вліяніемъ діаметрально противоположнымъ, рѣзко враждебнымъ: — графа А. Х. Бенкендорфа... Но, конечно, Бенкендорфъ былъ ближе къ Государю, чѣмъ воспитатель его сына, рѣчи Бенкендорфа уму и сердцу Государя были попятнѣе рѣчей Жуковскаго. Не могли забыть и Государь и Бенкендорфъ о 14-омъ декабря 1825 года, и Пушкинъ оставался для нихъ человекомъ 14-го декабря, однимъ изъ «des amis de 14»... Жуковскаго долженъ былъ мучить не тотъ верхъ, который взялъ надъ нимъ Бенкендорфъ, а то сочувствіе, которое оказалъ Бенкендорфу Государь. Для насъ же это сочувствіе является лишнимъ, ложнымъ свидѣтельствомъ истиннаго отношенія Государя къ Пушкину.» ¹¹²⁾

На нашъ взглядъ, поведеніе Николая въ это время вытекало изъ разъ установленнаго о Пушкинѣ мнѣнія, которое подкрѣпили событія январскихъ и февральскихъ дней: эспансивность толпы

по случаю смерти поэта, анонимныя письма и несомнѣнный страхъ предъ революціоннымъ броженіемъ. Императоръ не слушалъ Жуковскаго главнымъ образомъ потому, что его слова могли казаться пасторожившемуся мопарху если не подозрительными, то усыпляющими его бдительность. Не изъ сочувствія Бенкендорфу онъ принялъ рядъ мѣръ въ послѣдніе дни пребыванія Пушкина въ Петербургѣ и при похоронахъ поэта: подобнаго поведенія требовала сущность вещей. Надо было, какъ можно скорѣе, прекратить создавшуюся около праха поэта шумиху. Бенкендорфъ учитывалъ нравственное состояніе своего повелителя, дѣйствовалъ по его указкѣ и не расходился въ оцѣнкѣ переживаемаго ни на іоту.

Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что Николай Павловичъ придавалъ большое значеніе анонимнымъ письмамъ и въ нихъ, какъ и Бенкендорфъ, видѣлъ грозное memento декабрьскихъ дней. Въ числѣ бумагъ III Отдѣленія сохранилась резолюція Императора на посланную Шефомъ жандармовъ для Орлова записку ¹¹³).

«Je juge comme vous la chose digne d'attention; tâchez d'en connaître l'auteur et son procès ne sera pas long.

D'après l'écriture et la signature il sera facile de remonter à la source».

(Я считаю, какъ и вы, обстоятельство достойнымъ вниманія; постараитесь узнать автора, и его дѣло не затянется.

По почерку и подписи легко будетъ добратъся до источника.)

Таковы матеріалы, находящіеся въ архивѣ III Отдѣленія и касающіеся «Писемъ по случаю смерти Пушкина».

Въ рукахъ у насъ нѣтъ другихъ документовъ, которые бы открыли автора писемъ, а также и существенныхъ указаній, какъ велось разслѣдованіе самого дѣла. Священникъ Маловъ, видимо, остался только въ подозрѣніи.

Итогъ, дающій характеристику поэту и событіямъ по случаю его смерти, хотя кратко, по опредѣленно подведетъ въ «Отчетѣ о дѣйствіяхъ корпуса жандармовъ» за 1837 годъ.

Отчеты обычно представлялись Царю ежегодно и кратко пересказывали событія за обозрѣваемый періодъ, останавливаясь на

самомъ существенномъ и достойномъ вниманія съ точки зрѣнія высшей полиціи ¹¹⁴). О дуэли и смерти поэта говорится во второй части Отчета, озаглавленной «Обозрѣніе расположенія умовъ и нѣкоторыхъ частей Государственнаго Управленія». Взглядъ, который данъ о Пушкинѣ въ обзорѣ III Отдѣленіемъ, мы не въ состояніи отдѣлать отъ мнѣнія императора Николая, такъ какъ смерть поэта принесла много хлопотъ и тому и другому; они дѣйствовали за одно, и высказанное въ Отчетѣ было повтореніемъ передуманнаго и переговореннаго между монархомъ и заправками корпуса жандармовъ.

«Въ началѣ сего года», говорится въ «Обозрѣніи», «умеръ отъ полученной на поединкѣ раны знаменитый нашъ стихотворецъ Пушкинъ. Пушкинъ соединялъ въ себѣ два единыхъ существа: онъ былъ великій поэтъ и великій либераль, ненавистникъ всякой власти. Осыпанный благодареніями Государя, онъ однакоже до самаго конца жизни не измѣнился въ своихъ правлахъ, а только въ послѣдніе годы сталъ осторожнѣе въ изъясненіи оныхъ. Сообразно симъ двумъ свойствамъ Пушкина, образовался и кругъ его приверженцевъ. Онъ состоялъ изъ литераторовъ и изъ всѣхъ либераловъ нашего общества ¹¹⁵). И тѣ и другіе приняли живѣйшее, самое пламенное участіе въ смерти Пушкина; собраніе посѣтителей при тѣлѣ было необыкновенное; отпѣваніе намѣревались дѣлать торжественное, многіе располагали слѣдовать за гробомъ до самаго мѣста погребенія въ Псковской губерніи; наконецъ дошли слухи, что будто въ самомъ Псковѣ предполагалось выпречь лошадей и везти гробъ людьми, приготовивъ къ этому жителей Пскова. — Мудрено было рѣшнить, не относились ли всѣ эти почести болѣе къ Пушкину — либералу, нежели къ Пушкину поэту. — Въ семъ недоумѣніи и имѣя въ виду отзывы многихъ благомыслящихъ людей, что подобное какъ бы народное изъясненіе скорби о смерти Пушкина представляетъ нѣкоторымъ образомъ неприличную картину торжества либераловъ, — высшее наблюденіе признало своей обязанностью мѣрами негласными устранить всѣ почести, что и было исполнено».

Быстрыя распоряженія «высшаго наблюденія» касались не только Петербургской и Псковской администраціи. Была опасность, что литературная и интеллигентная Москва также не

останется равнодушной къ кончинѣ Пушкина и выкажетъ, какъ и сѣверная столица, «неприличную картину торжества либераловъ». Не безъ внушенія корпуса жаандармовъ министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ писалъ 1-го февраля Московскому попечителю графу С. Г. Строганову поддерживать «надлежащую умѣренность и тонъ приличія» въ статьяхъ Московскихъ изданій по случаю смерти поэта. Общимъ приказомъ III Отдѣленія объясняется неудача М. П. Погодина отслужить торжественную панихиду по умершемъ Пушкинѣ. Относительно этого въ секретномъ архивѣ сохранился доносъ цѣкаго Н. А. Кашинова, дѣятельнаго сотрудника политической полиціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, освѣдомлявшаго III Отдѣленіе о всѣхъ повостяхъ Москвы и, главнымъ образомъ, Москвы ученой и литературной ¹¹⁶).

Донесеніе, конечно, было послано «весьма секретно» и значится подъ номеромъ четвертымъ. Дата бумаги — 20 февраля 1837 года, подпись на ней отсутствуетъ.

«Какъ я слышалъ», доноситъ Н. А. Кашиновъ, «попечительному вниманію Оберъ Полиціймейстера сдѣлалось извѣстнымъ, что цѣлая толпа Литераторовъ вознамѣрилась ѣхать служить Церемониальную съ Архимандричьимъ служеніемъ Панихиду по покойномъ Авторѣ Пушкинѣ въ Симоновѣ Монастырѣ.

Заботливый Генераль Цыпскій ¹¹⁷), вѣроятно соображая многіе толки, съ нѣкоторымъ унылымъ ропотомъ въ публикѣ слышимые, что при всемъ Геніальномъ достоинствѣ Стихотворца слишкомъ много оказано вниманія, какое, какъ судятъ, слѣдуетъ только людямъ, принесшимъ великія заслуги, а что сего Поэта, какъ всѣ признаютъ, самая большая часть сочиненій вольнодумна и безривственна, а при томъ кажется Цыпскій, провѣдавъ будто кто то изъ сего Собранія намеренъ при панихидѣ говорить рѣчь — шепнулъ о семъ Викарному Архіерею Исидору ¹¹⁸», извѣстному всѣмъ своими превосходными качествами и твердою благонамѣренностью и Викарій, приглася къ себѣ Симоновскаго Архимандрита Мельхиседека, видно сказалъ ему тихонько, что если пріѣдетъ какое общество служить по Пушкинѣ панихиду, то чтобъ онъ далъ имъ чередового Іеромонаха для служенія, по никакаго неподобающаго въ память частнаго лица церемониала

не дѣлалъ и Симоновскій Архимандритъ необыкновенно былъ доволенъ смѣгъ предупрежденіемъ. А князь Сергій Михайловичъ Голицынъ¹¹⁹), на ту пору случившійся у Архіерея, какъ былъ у него Пынскій, говорилъ Архіерею, что онъ долженъ дѣлать такое благонамѣренное предупрежденіе Оберъ-Полпціймейстера. Свѣдѣнія о панихидѣ были справедливы, на другой же день явился Профессоръ (извѣстный негодяй) Погодинъ къ Симоновскому Архимандриту отъ лица многихъ, кажется до сорока человѣкъ, и просилъ его отслужить Панихиду всѣмъ Соборомъ. Архимандритъ отозвался какими то причинами, что онъ самъ не можетъ, но что для такихъ частныхъ желаній всегда Иеромонахъ готовъ къ исполненію требованій желающихъ.

Погодинъ, видно догадавшись, что тутъ скрывается особая причина отказа и что будетъ ясно, что онъ былъ просителемъ, весьма хитро слѣлалъ (чтобы самому вывернуться) оборотъ и, пріѣхавъ къ Попечителю Графу Строганову¹²⁰) (на котораго онъ имѣетъ сильное къ сожалѣнію всѣхъ руководство) объяснялъ ему, какъ слышно неувольствіе на Архимандрита въ отказѣ ему на желаніе многихъ. Но, кажется, Попечитель, переговора съ Цынскимъ, самъ остался ему благодаренъ, ибо, какъ говорятъ и графъ Строгановъ, когда хотѣли въ газетахъ напечатать о смерти Пушкина въ черныхъ рамкахъ извѣщеніе, то черные рамки нашель излишними и воспретилъ»¹²¹).

Кашиндовъ, внимательно прислушивавшійся ко всѣмъ приказаніямъ III Отдѣленія, прекрасно отображалъ ихъ въ своихъ многословныхъ донесеніяхъ и, часто въ разрѣзъ съ истиной, находилъ то, что предполагало найти высшее начальство. Съ готовностью раболѣпнаго служака Кашиндовъ всегда зналъ, какъ и въ данномъ случаѣ, что слѣдуетъ отвѣчать на предписаніе корпуса жандармовъ.

Въ своемъ донесеніи онъ напоминаетъ о вольнодумныхъ и даже безправственныхъ произведеніяхъ Пушкина, хотя не въ силахъ отказать ему въ «гениальномъ достоинствѣ стихотворца»; однимъ словомъ, своей характеристикою поэта старательный агентъ политической полиціи предваряетъ мнѣніе, высказанное Шефомъ жандармовъ въ приведенномъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ.

V.

Георгъ Дантесъ, покидая Россію, передалъ «тяжелое наслѣдство» старшему Геккерену и о себѣ оставилъ неизгладимо печальную память. Болѣе трехъ лѣтъ онъ жилъ въ Россіи, гдѣ на первыхъ порахъ ему, что называется, повезло. Благодаря лестной рекомендаціи Прусскаго принца Вильгельма, Дантесъ пользуется милостивымъ вниманіемъ императора Николая, за него хлопочутъ важныя лица Русскаго Двора и, наконецъ, его усыновляетъ Голландскій посланникъ Геккеренъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Петербургъ, ровно за три года до дуэли съ Пушкинымъ, онъ допущенъ къ экзамену и принятъ офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Дантесъ, по словамъ Данзаса, обладалъ «врожденной способностью нравиться всѣмъ съ перваго взгляда»¹²³). Это былъ видный, красивый молодой человѣкъ, не глухой по природѣ, со злымъ язычкомъ, не лишенный остроумія, находчивый и развязный. Въ Петербургѣ около имени Французскаго выхода создается легенда о высокомъ его происхожденіи, которая, какъ теперь мы знаемъ, была совершенно вздорной. Общительный, постоянно веселый, пользующійся успѣхомъ у дамъ, Дантесъ оказался вполне подходящимъ къ тому кругу, въ который онъ вошелъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ любитъ его общество, смѣется надъ его островами, пахнущими казармой каламбурами и рискованными mots. Однимъ словомъ, передъ молодымъ офицеромъ широко открылись двери салоновъ, его охотно принимаютъ въ высшемъ обществѣ¹²⁴).

Дантесъ не получилъ большого образованія, но его самоуверенность и развязность, доходившая порой до нахальства, производили впечатлѣніе на товарищей по полку: они считали его весьма развитымъ, начитаннымъ и образованнымъ человѣкомъ. Впрочемъ этого достигнуть было нетрудно. Кавалергардскіе офицеры въ значительной части комплектовались изъ пажей, которые отличались отъ другихъ офицеровъ образцовой невѣжественностью¹²⁵).

Съ поступленіемъ на Русскую службу Дантесъ приобщился къ кругу военной молодежи, дѣлившей досугъ между кордегардіей и салономъ, проникся неглубокой житейской мудростью,

безъ труда воспринялъ несложную мораль объ офицерской чести и, такъ называемаго, порядочнаго человѣка ¹²⁶). Духовные запросы и высшіе интересы были чужды молодому авантюристу.

Принятый охотно аристократіей, баронъ Дантесъ де Геккеренъ легко освоился среди нея и перезнакомился на балахъ и раутахъ съ блестящими ея представителями. Безъ труда онъ увидѣлъ, что Пушкинъ занималъ тамъ весьма скромное мѣсто и игралъ какую то, непонятную Дантесу «роль въ маленькомъ кружкѣ» великосвѣтской молодежи. Онъ случайно свелъ знакомство съ Пушкинымъ въ 1833 году, обѣдая съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ Дюме, увидѣлъ въ немъ остроумнаго человѣка, вошелъ въ домъ поэта и поддерживалъ съ нимъ знакомство, какъ съ мужемъ молодой женщины *avec une beauté romantique* ¹²⁷), въ которую и влюбился.

О поэтѣ-Пушкинѣ Дантесъ зналъ мало. Для него, пришельца, онъ значилъ немного больше, чѣмъ для того швейцара, который при разѣздѣ въкрикивалъ карету «сочинителя Пушкина». Дантесъ выходилъ на поединокъ съ легкомысленнымъ задоромъ, съ сознаниемъ задѣтой чести и съ той же долей отвѣтственности, отвѣтственности нравственной, съ какой всталъ бы противъ Данзаса, графа Солмогуба или любого изъ своихъ однополчанъ кавалергардовъ ¹²⁸). Только послѣ смерти поэта обстоятельства дали Дантесу почувствовать истинное значеніе его противника.

Дантесъ дуэли не боялся, онъ не былъ трусливымъ человекомъ ¹²⁹), законная же отвѣтственность за участіе въ поединкѣ обыкновенно сводилась къ ничтожному наказанію.

«Непріятныя послѣдствія», пишетъ С. А. Панчулидзевъ, «даже въ тѣ времена не были особенно тяжелы; не только во всѣхъ случаяхъ, когда секунданты дѣйствовали закономѣрно, но часто и въ тѣхъ, когда дѣйствія ихъ были неправильны, наказанія были весьма не тяжелы: нѣсколько мѣсяцевъ ареста на гауптвахтѣ и въ видѣ особаго исключенія нѣсколько мѣсяцевъ ареста въ крѣпости» ¹³⁰). При благополучной для Дантеса развязкѣ его имя сдѣлалось бы предметомъ разговоровъ и заманчиваго вниманія. Такъ слѣдовало ожидать при поединкѣ съ другимъ лицомъ, но этого не случилось послѣ дуэли съ Пушкинымъ. Ни Дантесъ, ни Геккеренъ, да пожалуй немногіе изъ свѣтскаго

общества и высокопоставленныхъ особъ, не исключая и самого Императора, не учли одного: въ Россіи ко дню смерти поэта оказалось налицо общественное мнѣніе и предъ его, правда, еще слабой силой пришлось склонить голову не только Дантесу.

Военно-судное дѣло о дуэли Пушкина-Дантеса опубликовано, и мы отсылаемъ къ нему тѣхъ, кто въ подробностяхъ интересуется имъ ¹³¹).

Слухъ о дуэли разнесся по Петербургу немедленно, о ней однимъ изъ первыхъ узналъ командиръ Кавалергардскаго полка генералъ Гринвальдъ, который въ тотъ же день, 27 января, подвергъ Дантеса домашнему аресту ¹³²). Черезъ день, 29 числа, дѣло о дуэли было передано суду Конной гвардіи и приказомъ по Отдѣльному Гвардейскому корпусу высказывалось пожеланіе — «дѣло сіе окончить сколь возможно поспѣшнѣе» ¹³³). Презумсъ суда 1 февраля назначался полковникъ Коннаго полка, флигель адютантъ Бревернъ ¹³⁴), и въ приказѣ стояло распоряженіе: «судить его [Дантеса] военнымъ судомъ арестованнымъ» ¹³⁵).

Судъ отнесся къ дѣлу формально. Вдова Пушкина не допрашивалась, потому что Комиссія считала «дѣло довольно яснымъ» ¹³⁶). О причинѣ дуэли и Данзасъ ¹³⁷), и Дантесъ на слѣдствіи говорили мало.

Дантесъ допрашивался 3, 6, 10 и 12 февраля. Въ существенномъ его показанія сводились къ слѣдующему: «Въ ноябрѣ м-цѣ 1836 года получилъ я словесной и безъ причинной Камергера Пушкина вызовъ на дуэль, которой мною былъ принятъ, спустя же нѣкоторое время Камергеръ Пушкинъ... вызовъ свой уничтожитъ,... съ того дня я не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній кромѣ учтивостей. Генваря 26... баронъ Геккеренъ получилъ отъ камергера Пушкина оскорбительное письмо касающееся до моей чести, которое якобы онъ не адресовалъ на мое имя единственно потому, что щитантъ меня подлецомъ и слишкомъ низкимъ. Все сіе можетъ подтвердиться письмами находящимися у его Императорскаго Величества» ¹³⁸). Послѣ ознакомленія съ письмомъ Пушкина къ Геккерену Комиссія сочла нужнымъ спросить Дантеса: «въ какихъ выраженіяхъ заключались письма писанныя Вами къ Г-ну Пушкину или его

женѣ, которыя въ письмѣ писанномъ имъ къ Нидерландскому Посланнику Барону Геккерену, называетъ дурачествомъ». Дантесъ объяснилъ: «Посылая довольно часто къ Г-же Пушкиной книги и театральныя билеты при короткихъ запискахъ, полагаю, что въ числѣ оныхъ находились пѣкоторые копѣе выразеніе могли возбудить его щекотливость какъ мужа, что и дало поводъ ему упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ къ Барону Д. Геккерену 26 числа Генваря, какъ дурачества мною писанныя»¹³⁹).

При допросѣ 12 февраля Дантесъ повторилъ, что «обращеніе мое съ нею [Н. Н. Пушкиной] заключалось въ однихъ только учтивостяхъ точно такъ какъ выше сказано и немогло дать повода къ усиленію поносительнаго для чести обоихъ слуховъ и написать 26 Генваря письмо къ Нидерландскому Посланнику»¹⁴⁰). 19 февраля дѣло о дуэли было закончено. Дантеса и Данзаса присудили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ Военно-судная комиссія объявила немедленно и для окончательнаго рѣшенія представила его «на благоусмотрѣніе Высшаго начальства».

Но не Военно-судная комиссія пугала Дантеса своей «септендіей»: гораздо страшнѣе было общественное мнѣніе, подъ влияніемъ котораго могло сложиться окончательное рѣшеніе судьбы начинавшаго свою карьеру кавалергардскаго офицера. А предзнаменованія были дурныя. Посланникъ Геккеренъ уже 2-го февраля въ письмѣ къ барону Верстолю признается: «Долгъ чести повѣлываетъ мнѣ не скрыть отъ Васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ большей силой, чѣмъ предполагали», и выражаетъ желаніе «перемѣнить резиденцію»¹⁴¹). Къ охранѣ Голландскаго посольства принимаются мѣры¹⁴²). Имя Дантеса, какъ убійцы Пушкина, становится ненавистнымъ. Вюртембергскій посолъ князь Гогенлоэ-Кирхбергъ депешей доноситъ: «Непосредственно послѣ дуэли между Пушкинымъ и молодымъ барономъ Геккереномъ большинство высказывалось въ пользу послѣдняго, но не понадобилось и 24 часовъ, чтобы Русская партія измѣнила настроеніе умовъ въ пользу Пушкина. Что же касается бароновъ Геккереновъ, то они, правда, сдѣлали все, чтобы, съ своей стороны, навлечь на себя всеобщее неудовольствіе, и многія лица, въ былыя времена отлѣчавшія посла

барона Геккерепа, припущены въ настоящее время сожалѣть объ этомъ»¹⁴³). Самоувѣренности Дантеса былъ нанесенъ чувствительный ударъ, и онъ понялъ, что преступленіе для него не пройдетъ безслѣдно.

Приговоръ въ окончательной формѣ не могъ принести ничего утѣшительнаго, и Дантесъ опасался тягостной для себя развязки. Надѣяться на чью-либо помощь было напрасно; лишлся онъ и протекціи, приходилось защищаться самому. Въ архивѣ III Отдѣленія нашлось одно письмо Дантеса къ полковнику Бреверну отъ 26 февраля, т. е. послѣ приговора Военно-судной комиссіи и до конfirmaціи доклада Генераль-Аудиторіата императоромъ Николаемъ¹⁴⁴). Въ письмѣ къ Бреверну Дантесъ, что называется, съ мѣста въ карьерѣ приступаетъ къ изложенію фактовъ, бывшихъ ранѣе дуэли и характеризующихъ Пушкина. Начало и содержаніе письма даетъ поводъ предполагать, что письмо не было одиночнымъ, или, по крайней мѣрѣ, ему предшествовали частные разговоры Дантеса съ Бреверномъ на ту же тему. «Я Вамъ пишу это письмо въ надеждѣ», говоритъ Дантесъ, «что оно можетъ быть дастъ еще нѣкоторыя объясненія на счетъ этого грязнаго дѣла». Несомнѣнно, Дантесъ дополнял письмомъ уже извѣстное Бреверну не изъ показаній обвиняемыхъ и свидѣтелей, такъ какъ въ Военно-судной комиссіи подобныя вопросы обходились молчаніемъ.

Mon colonel!

Je viens d'apprendre de ma femme que c'est devant madame Valouieff¹⁴⁵) dans le salon de sa mère qu'il a tenu le propos: «Prenez garde, vous savez que je suis méchant et que je finis toujours, quand je veux, par porter malheur». Elle vient aussi de me raconter deux particularités que je ne connaissais pas. Voilà pourquoi je vous adresse cette lettre, espérant qu'elle pourra peut être donner encore quelques indices sur cette sale affaire.

Depuis mon mariage, chaque fois qu'il voyait ma femme avec madame Pouchkine, il venait se placer à côté d'elle et sur l'observation qu'elle lui en fit un jour, il répondit: C'est pour voir comment vous êtes ensemble et quelles figures vous vous faites en vous parlant. Ceci eut lieu au bal chez l'ambassadeur de France

à la même soirée, pendant le souper. Il profita d'un moment, où je m'étais éloigné pour s'approcher de ma femme et pour lui proposer de boire à sa santé a lui! ¹⁴⁶). Sur un refus il répéta la même proposition, même réponse. Alors il s'éloigna furieux en lui disant: «Prenez garde, je vous porterai malheur!»! Ma femme, connaissant ma manière de juger cet homme, n'osa alors me répéter ce propos, craignant une histoire entre nous deux.

Du reste, il était parfaitement parvenu à se faire craindre de toutes les dames, car le 16 janvier, lendemain d'un bal que nous avons eu chez la Princesse Viasemski ¹⁴⁷), où il s'était conduit comme à jour son ordinaire envers ces deux dames. Madame Pouchkine répondit à M-r Valouieff qui lui observait, comment elle pouvait se laisser travailler par un tel homme: Je sais que j'ai tort, que je devrais le repousser, car chaque fois qu'il m'adresse la parole il me donne le frisson; ce qu'il lui disait, je n'en sais rien, car mad. Valouieff ne m'a répété que le commencement de la conversation. Je vous rends compte de tous ces détails pour que vous puissiez en faire l'usage que vous jugerez à propos et pour vous donnez une idée du rôle que cet homme jouait dans votre petit cercle. Il est vrai que toutes les personnes aux quelles je vous adresse pour puiser des renseignements, m'ont tourné les talons dès que le peuple a couru dans la maison de mon adversaire et sans aucune considération et sans vouloir séparer l'homme du talent. Ils n'ont aussi voulu voir en moi que l'étranger qui avait tué leur Poète; mais ici je fais un appel à leur loyauté et à leur conscience et je le connais trop pour ne pas être persuadé que je les retrouverai tels que je les juge.

C'est avec la plus haute considération, mon colonel, que j'ai l'honneur d'être votre très humble et obéissant serviteur.

Le B-on Georges de Heeckeren.

Pétersbourg, le 26 Févr. 1837.

Monsieur Monsieur le colonel Brevern aide de Camp de sa Majesté l'Empereur. Pétersbourg. De la part de b-on Heeckeren.

(Господинъ полковникъ!

Я только что узналъ отъ моей жены, что при madame Валуевой ¹⁴⁸) въ салонѣ ея матери онъ говорилъ слѣдующее:

«Берегитесь, Вы знаете, что я зомъ и что я кончаю всегда тѣмъ, что приношу несчастье, когда хочу». Она также только что мнѣ рассказала о двухъ подробностяхъ, которыхъ я не зналъ. Вотъ почему я Вамъ пишу это письмо въ надеждѣ, что оно, можетъ быть, дастъ еще нѣкоторыя объясненія насчетъ этого грязнаго дѣла.

Со дня моей женитьбы, каждый разъ когда онъ видѣлъ мою жену въ обществѣ madame Пушкиной, онъ садился рядомъ съ ней и на замѣчанія относительно этого, которое она ему однажды сдѣлала, отвѣтила: «это для того, чтобы видѣть, каковы вы вмѣстѣ, и каковы у васъ лица, когда вы разговариваете». Это случилось у Французскаго посланника на балу за ужиномъ въ тотъ же самый вечеръ. Онъ воспользовался, когда я отошелъ, моментомъ, чтобы подойти къ моей женѣ и предложить ей выпить за его здоровье ¹⁴⁶). Послѣ отказа онъ повторилъ то же самое предложеніе, отвѣтъ былъ тотъ же. Тогда онъ разъяренный, удалился, говоря ей: «Берегитесь, я Вамъ принесу несчастье». Моя жена, зная мое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, не посмѣла мнѣ тогда повторить разговоръ, боясь исторіи между нами обоими.

Въ концѣ концовъ онъ совершенно добился того, что его стали бояться всѣ дамы; 16 января, на слѣдующій день послѣ бала, который былъ у княгини Вяземской ¹⁴⁷), гдѣ онъ себя велъ обычно по отношенію къ обѣимъ этимъ дамамъ, madame Пушкина на замѣчаніе г. Валуева, какъ она позволяетъ обращаться съ нею такимъ образомъ подобному человѣку, отвѣтила: «Я знаю, что я виновата, я должна была бы его оттолкнуть, потому что каждый разъ, когда онъ обращается ко мнѣ, меня охватываетъ дрожь». Того, что онъ ей сказала, я не знаю, потому что m-me Валуева передала мнѣ начало разговора. Я вамъ даю отчетъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ, чтобы Вы могли ими воспользоваться, какъ вы находите нужнымъ, и чтобы Вамъ дать понятіе о той роли, которую игралъ этотъ человѣкъ въ вашемъ маленькомъ кружкѣ. Правда, всѣ тѣ лица, къ которымъ я Васъ отсылаю, чтобы почерпнуть свѣдѣнія, отъ меня отвернулись съ той поры, какъ простой народъ побѣждалъ въ домъ моего противника, безъ всякаго разсужденія и желанія отдѣлать человѣка отъ таланта. Они также хотѣли видѣть во мнѣ только

иностранца, который убилъ ихъ поэта, но здѣсь я взываю къ ихъ честности и совѣсти, и я ихъ слишкомъ хорошо знаю и убѣжденъ, что я ихъ найду такими же, какъ я о нихъ сужу.

Съ величайшимъ почтеніемъ, г. полковникъ. имѣю честь быть Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугой.

Баронъ Георгъ Геккеренъ.

Петербургъ 26 февраля 1837.

Господину полковнику Бреверну [флигель] адъютанту Его Императорскаго Величества.

Петербургъ. Отъ барона Геккерена).

Дата указываетъ, что противникъ Пушкина посылалъ письмо Бреверну не какъ презусу суда, а скорѣе, какъ близкому къ «высшему начальству» офицеру, который его пойметъ и, можетъ быть, изъ сочувствія поможетъ. На это намекаетъ и самъ Дантесъ: «Я Вамъ даю отчетъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ, чтобы Вы могли ими воспользоваться, какъ Вы находите нужнымъ»...

Дантесъ хотѣлъ на примѣрахъ подтвердить безвыходность своего положенія, но онъ ни однимъ звукомъ не обмолвился о главной причинѣ, которая привела обоимъ противниковъ къ поединку 27 января. Писать на такую щекотливую для него тему было невыгодно.

Воспоминанія и письма современниковъ знакомятъ насъ съ поведеніемъ Дантеса послѣ его женитьбы на сестрѣ m-те Пушкиной, Е. Н. Гончаровой. «Онъ не переставалъ волочиться за своей невѣсткой», вспоминаетъ Н. М. Смирновъ, «онъ откинулъ даже всякую осторожность, и казалось иногда, что насмѣхается надъ ревностью непримирившагося съ нимъ мужа. На балахъ онъ танцовалъ и любезничалъ съ Натальей Николаевной, за ужиномъ пилъ за ея здоровье, словомъ довелъ до того, что всѣ снова стали говорить про его любовь»¹⁴⁸).

Приблизительно то же самое писалъ кн. Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу послѣ смерти Пушкина: «... Новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной

силой на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе, онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали... Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности»¹⁴⁹). Однимъ словомъ, какъ выразилась одна барышня, наблюдавшая и Дантеса и Пушкину: «о любви Дантеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ»¹⁵⁰).

Поэтъ терялъ душевное равновѣсіе и доходилъ до бѣшенства. Видѣть жену на балахъ и въ гостиныхъ въ обществѣ Дантеса, не спускавшаго съ нея влюбленныхъ глазъ и щеголяющаго пошлыми острогами, было для него нестерпимо. На вечерѣ передъ новымъ годомъ — Дантесъ уже былъ женихомъ Е. Н. Гончаровой — графиня Наталья Викторовна Строганова говорила хозяйкѣ вечера, княгинѣ Вяземской: «У него [т. е. у Пушкина] такой страшный видъ, что, будь она его женой, она не рѣшилась бы вернуться съ нимъ домой»¹⁵¹).

При манерѣ непринужденнаго обращенія съ Натальей Николаевной, Дантесъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ враждебныхъ взоровъ ея мужа. Въ глубинѣ души онъ просто презиралъ Пушкина, такъ какъ французскій выскочка могъ уважать только «своихъ». Въ письмѣ къ Бреверну онъ считаетъ совершенно лишнимъ называть поэта по-имени, а вездѣ упоминаетъ о немъ въ третьемъ лицѣ. Какъ человѣка, Дантесъ рисуетъ Пушкина съ весьма неприглядной стороны. Пушкинъ, какъ можно заключить изъ письма, былъ золь, мстительнъ, нетерпимъ въ обществѣ по своей невоспитанности, придирчивъ и деспотъ своей жены, которая безмѣрно отъ него страдала. Выводъ напрашивается самъ собой. Дуэль съ подобнымъ человѣкомъ, едва ли не бретеромъ, явленіе естественное, и если кто виноватъ въ смерти поэта, то прежде всего онъ самъ¹⁵²).

Если свѣдѣнія, полученные Дантесомъ,—факты, то вѣрно ли они переданы въ письмѣ къ Бреверну и правильно ли освѣщены? Для провѣрки ихъ мы располагаемъ кое-какимъ матеріаломъ.

Пушкинъ не былъ сдержаннымъ человѣкомъ, а при разговорахъ о Дантесѣ или упоминаніи о старомъ Геккеренѣ не стѣснялся высказывать о нихъ далеко неместное мнѣніе. Жуковскому, постоянному ходатаю по дѣламъ Пушкина, не разъ приходилось уговаривать раздраженнаго поэта и упрекать въ излишней болтливости: «Вотъ что сказала княгиня», писалъ онъ Пушкину въ ноябрѣ 1836 года, «уже имѣя въ рукахъ мое письмо. «Я знаю автора анонимныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите, какъ будутъ говорить о мести, единственной въ своемъ родѣ; она будетъ полная, совершенная; она броситъ человѣка въ грязь; громкіе подвиги Раевского — дѣтская игра передъ тѣмъ, что я намѣренъ сдѣлать» и тому подобное»¹⁵³). Сказанное поэтомъ мѣсяца за два до смерти пригодилось Дантесу, когда Пушкинъ лежалъ уже въ землѣ. Можетъ быть, на этой фразѣ, достигшей слуха Дантеса, и было построено его доказательство мстительной природы поэта. Дантесъ тутъ былъ правъ. Пушкинъ, конечно, ему мстилъ и видѣлъ, не безъ основанія, въ немъ заклятаго врага. Поведеніе поэта на дуэли хорошии тому примѣръ. Владимиръ Соловьевъ въ статьѣ «Судьба Пушкина» слегка коснулся этого. Пушкинъ «зналъ, что должно дѣлать», писалъ онъ, «но все болѣе и болѣе отдавался страсти оскорбленнаго самолюбія съ ея ложнымъ стыдомъ и злобной мстительностью... Продолженіе дуэли могло быть дѣломъ только злой страсти»¹⁵⁴).

Правдоподобны и разговоры Пушкина съ Екатериной Николаевной Дантесъ. Любопытно здѣсь замѣчаніе поэта относительно самочувствія двухъ сестеръ при встрѣчѣ и выраженія ихъ лицъ во время бесѣды, замѣчаніе язвительное, которое говоритъ о наблюдательности Пушкина. Онъ старался провѣрить правильность своихъ подозрѣній и найти оправданіе клокотавшимъ въ немъ чувствамъ. «Въ концѣ концовъ онъ совершенно добился того, что его стали бояться всѣ дамы», продолжаетъ Дантесъ. И такое наблюденіе правильно, достаточно вспомнить приведенную выше фразу Строгановой. Не только дамы боялись Пушкина, старались избѣгать его общества и мужчины. Кн. А. В. Трубецкой вспоминаетъ свой разговоръ съ Пушкинымъ на балу у Португальскаго посланника незадолго до дуэли. «Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ

животныхъ... Вошелъ Пушкинъ. «Вы зачѣмъ здѣсь? Кавалергарду да еще не женатому, здѣсь не мѣсто. Вы видите», онъ указалъ на рога, «эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата». «Полноте Пушкинъ, вы и на балъ притащили свою желчь; вотъ ужъ ей здѣсь не мѣсто». Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и вся, между прочимъ Дантеса, такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцевальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Natalie»¹³⁵).

Наше вниманіе останавливается на разговорѣ П. А. Валуева съ Н. Н. Пушкиной. Всего разговора мы не знаемъ, до насъ дошло только его начало, которое даетъ понятіе о тяжеломъ положеніи Н. Н. Пушкиной въ послѣдніе мѣсяцы жизни поэта. Судя по письму Дантеса къ Бреверну, грубое обращеніе поэта съ женой переступало границы, и Natalie приходилось много переносить неприятностей отъ мужа. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но и здѣсь свѣдѣнія, полученныя Дантесомъ, не грѣшили противъ истины.

«Отношенія Пушкина къ женѣ были очень сложны», пишетъ П. Е. Щеголевъ въ своемъ изслѣдованіи¹³⁶). «Прежде всего неровны». Далѣе онъ цитируетъ, такъ называемыя, конспективныя записки Жуковского¹³⁷). «Послѣ свадьбы. Два лица. Мрачность при пей. Веселость за ее спиной... При теткѣ ласка къ женѣ, при Александринѣ и другихъ, коп могли бы рассказать, — *des brusqueries*. Дома же веселость и большое согласіе». «Въ этой замѣткѣ», продолжаетъ П. Е. Щеголевъ, «все неясно. При теткѣ Пушкинъ ласковъ къ женѣ, при другихъ, кто могъ бы рассказать, грубоватъ. Кому рассказать? Дантесу, что ли? Если Дантесу, то почему же Пушкину нужно, чтобы до Дантеса дошли свѣдѣнія не о томъ, что онъ ласковъ съ женой, а о томъ, что онъ съ ней грубъ? Послѣдняя фраза записи: «Дома же веселость и большое согласіе» какъ будто противорѣчитъ приведенной раньше записи: «Мрачность при пей. Веселость за ее спиной». Слишкомъ скудны замѣтки Жуковского, не даютъ онъ отвѣта на безчисленные вопросы, не даютъ представленія о томъ, что же было?»

Предъ нами стоятъ тѣ же вопросы, что и предъ П. Е. Щеголевымъ, и мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе.

Кому нужно было знать, что поэтъ грубъ съ женой? Почему Пушкину хотѣлось, чтобы объ его семейномъ разладѣ дошло до ушей этого неизвѣстнаго?

Конечно, онъ имѣлъ въ виду не пресловутый «свѣтъ», который, подобно свѣтлѣйшему князю Паскевичу¹⁵⁸), составилъ о поэтѣ опредѣленный взглядъ, какъ о человѣкѣ дурномъ.

Можетъ быть онъ думалъ о Екатеринѣ Дантесъ? Но она могла узнать объ этомъ непосредственно отъ Natalie. Да и зачѣмъ ей знать? Чтобы повліять на мужа, удержать его и тѣмъ сдѣлать жизнь сестры сносною? Прежде всего Екатерина Николаевна никакого вліянія на Дантеса не имѣла, онъ былъ для нея въ то время непогрѣшимъ, каковымъ остался въ ея мнѣніи и потомъ. При отъѣздѣ за границу, расставаясь съ родиной навсегда, м-ше Дантесъ высказала возмущающую насъ теперь несообразность, что «она прощаетъ Пушкину»¹⁵⁹). Въ меловый же мѣсяцъ она, какъ сомнамбула, смотрѣла на все происшедшее широко раскрытыми глазами и въ слѣпой влюбленности ничего не хотѣла примѣчать.

Не добивался ли Пушкинъ, чтобы слухи сдѣлались извѣстными Дантесу?

Но на чемъ основать такое предположеніе? Почему Пушкину важно было, чтобы Дантесъ зналъ о его пеладной семейной жизни? Дѣлаемъ по этому поводу небольшое отступленіе.

Дантесъ увлекся Наталіей Николаевной и увлекъ ее собой, тутъ была не вина, а бѣда ихъ. Пушкинъ защищалъ свою честь, какъ находилъ пужнымъ, но дуэль не состоялась, и все сошло благополучно. Дантесъ женился на сестрѣ Natalie, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой. П. Е. Щеголевъ въ числѣ мотивовъ неожиданнаго рѣшенія Дантеса «закабалить» себя выдвигаетъ мысль, что «поединокъ оторвалъ, отдалилъ бы его навсегда отъ Пушкиной, а бракъ на ея сестрѣ, наоборотъ, приблизилъ бы, облегчилъ бы возможность встрѣчъ, сближеній подъ покровомъ родственныхъ отношеній и чувствъ»¹⁶⁰). Согласимся съ нимъ и перейдемъ къ новымъ его догадкамъ. «Недалеко отъ правды предположеніе, что послѣ всего происшедшаго въ ноябрѣ Пушкинъ не считалъ искреннимъ и сколько нибудь серьезнымъ увлеченіе Дантеса Наталіей Николаевной... Въ ноябрьскомъ

столеновеніи Пушкинъ на моментъ почувствовалъ иѣкій романтизмъ въ страсти Дантеса; теперь же романтизмъ исчезъ безслѣдно, и осталась одна грубая проза житейскихъ отношеній» ¹⁶¹). Намъ думается, что Пушкинъ могъ держаться подобнаго взгляда только въ первые дни сватовства Е. Н. Гончаровой. Послѣ предложенія Дантеса онъ былъ успокоенъ сознаниемъ, что заставилъ играть своего противника «жалкую роль». Удовлетворенность скоро прошла, ее снова замѣнили волненія за жену, за свою честь. Любовь противника Пушкина не покрывалась никакимъ флѣромъ, не скрывала своего удовольствія и Natalie: ей всегда было весело съ Дантесомъ. Конечно, оба переживали дѣйствительную любовь и Пушкинъ съ его наблюдательностью, съ его гениальнымъ пропикновениемъ въ человѣческую психологію, да наконецъ со своей ревливой подозрительностью, какъ передаетъ Смирновъ. «все виѣлъ, все замѣчалъ» ¹⁶²). Обоюдное увлеченіе было несомнѣннымъ фактомъ. Январское поведеніе обоихъ, закончившееся таинственнымъ свиданіемъ у Идалии Полетикин, краснорѣчивое тому свидѣтельство ¹⁶³). Возможно, что «грубой прозой житейскихъ отношеній» грозила увѣнчаться ихъ любовь, такъ какъ и Дантесъ и Наталья Николаевна слишкомъ далеки были отъ отвлеченныхъ, «нездѣшнихъ» любовныхъ томленій, которыя наполняютъ дневники, альбомы и письма людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Послѣ выхода замужъ Е. Н. Гончаровой Пушкинъ «язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено» ¹⁶⁴). Дантесъ, наоборотъ, всячески старался соблюсти хотя бы видимость добраго знакомства и въ этомъ направленіи дѣлалъ попытки, рѣзко отклонившіяся Пушкинымъ. Когда же поэтъ замѣтилъ, что Дантесъ снова ухаживаетъ за Natalie, онъ рѣшительно повелъ дѣло къ дуэли, по инициативу вызова на этотъ разъ предоставлялъ своему врагу. Съ этой цѣлью онъ принималъ рядъ весьма рѣшительныхъ мѣръ, но это ни къ чему не вело. Дантесъ отвѣчалъ или рѣзкостями или презрительно не замѣчалъ поведенія Пушкина.

Пушкинъ, по нашему мнѣнію, вѣрилъ въ искреннюю любовь Дантеса и видѣлъ, что сердцу молодого кавалергарда Наталья

Николаевна была дороже всѣхъ, не пскючая и собственной жены. Дантесъ долженъ былъ интересоваться самочувствіемъ любимой женщины и принимать близко къ сердцу всѣ ея невзгоды.

Можетъ быть, отчаявшись, Пушкинъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, чтобы вывести Дантеса изъ терпѣнія и окончить дѣло дуэлью?

Такое предположеніе грѣшитъ большой натяжкой. Прежде всего средство ужъ не такъ сильно, чтобы поудить Дантеса на рѣшительный шагъ. Пушкинымъ примѣнялись мѣры, куда дѣйствительнѣе: отказъ отъ дома, нежеланіе быть знакомымъ, личные разговоры съ Екатериной Николаевной, угрозы чрезъ нее Дантесу, обмѣнъ рѣзкостями при встрѣчахъ съ нимъ и т. п. Кромѣ того, такой способъ дѣйствія могъ затянуться на долгое время, Пушкинъ же горячился и спѣшно первиччалъ; ему, какъ можно скорѣе, хотѣлось положить конецъ и сплетнямъ и оскорбительному поведенію Дантеса. Онъ даже рѣшился, по словамъ Н. М. Смирнова, «сдѣлать публичное оскорбленіе Дантесу, который былъ предувѣдомленъ и не пріѣхалъ на балъ»¹⁶⁵). Такимъ образомъ отпадаетъ и это предположеніе.

Остается одно лицо, которое, по нашему мнѣнію, рѣшилъ освѣдомить стороной Пушкинъ. Этимъ лицомъ былъ Николай Павловичъ.

Между поэтомъ и Царемъ стоялъ всесильный тогда Бенкендорфъ, но обращаться къ нему теперь Пушкинъ не желалъ. Одинъ разъ онъ дѣлалъ попытку и даже 21 января 1836 года писалъ Бенкендорфу: «Я вправѣ и думаю даже, что обязанъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства о случившемся въ моемъ семействѣ». Дальше идетъ краткое изложеніе ноябрьскихъ событій: полученіе анонимныхъ писемъ, вызовъ на дуэль, предложеніе Е. Н. Гончаровой, отказъ Пушкина отъ вызова. Въ концѣ письма говорится: «Я убѣдился, что анонимное письмо было отъ г. Геккерена, о чемъ считаю обязанностію довести до свѣдѣнія правительства и общества.

«Будучи единственнымъ судьей и хранителемъ моей чести и чести моей жены — почему и не требую ни правосудія, ни мщенія, не могу и не хочу представлять доказательствъ кому бы то ни было въ томъ, что я утверждаю»¹⁶⁶).

По этому поводу П. Е. Щеголевъ замѣчаетъ: «Задача этого письма — обличеніе Геккерена-старшаго, составителя анонимнаго пасквиля, и такимъ образомъ сильнѣйшая компрометація посланника европейской державы. По всей вѣроятности и по показаніямъ традиціи, письмо это осталось не посланнымъ и папъ неслышанной мести Геккерену остался неосуществленнымъ ни въ цѣломъ, ни въ части»¹⁶⁷).

Указаніе на роль Геккерена въ ноябрьскихъ событіяхъ могло угрожать посланнику большими непріятностями, если бы только Бенкендорфъ не состоялъ въ первыхъ рядахъ враговъ Пушкина. Шефъ жандармовъ зналъ все и безъ письма поэта, но онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ и не старался устранить надвигающуюся развязку семейной драмы поэта. Отчасти тѣмъ и объясняется, что Пушкинъ не послалъ ему письма въ ноябрѣ и не освѣдомлялъ его впоследствии. Въ январскіе дни у него созрѣлъ иной планъ.

Только вмѣшательство Николая могло порвать съѣтъ хитро-сплетеній, которыми враждебная часть Петербургскаго «свѣта» опутала Natalie и самого Пушкина. Только Царь въ силахъ былъ прекратить интриги разсерженнаго Геккерена и указать мѣсто зарвавшемуся Дантесу, приказавъ ему оставить Петербургъ. Проектъ выслать Дантеса на Кавказъ существовалъ. Исходилъ онъ отъ графа В. О. Адлерберга, который даже докладывалъ о немъ великому князю Михаилу Павловичу. «Мѣру, предложенную гр. Адлербергомъ, не успѣли привести въ исполненіе», потому что не желали лишать дамъ общества веселаго и красиваго кавалера¹⁶⁸).

Николай Павловичъ имѣлъ полное представленіе о ссорѣ Пушкина съ Дантесомъ и зналъ причину ихъ столкновенія. Передаютъ, что Императоръ, при встрѣчѣ съ Пушкинымъ послѣ того, какъ поэтъ считъ свой вызовъ Дантесу несуществующимъ. «взялъ съ него слово, что, если исторія возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ»¹⁶⁹). Насколько вѣрно это сообщеніе, сказать трудно, но Николай предчувствовалъ возобновленіе «исторіи» и высказалъ это потомъ, уже послѣ смерти поэта, въ письмѣ къ брату. «Давно ожидать должно было», писалъ онъ Михаилу Павловичу, «что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе»¹⁷⁰).

Когда интриги противъ Пушкина возобновились, и поведеніе обоихъ Геккереновъ стало для него невыносимо, поэтъ не считалъ нужнымъ писать Бенкендорфу и не захотѣлъ обращаться непосредственно къ Царю. Онъ рѣшилъ дѣйствовать окольнымъ путемъ.

Государь ласково относился къ женѣ Пушкина и выказывалъ ей самыя лестныя знаки вниманія. Она «участвуетъ на всѣхъ балахъ, и о ней вездѣ говорятъ», сообщаетъ мать поэта, Надежда Осиповна, своей дочери О. С. Павлицевой 26 января 1834 года. «На балѣ у Бобринскихъ Императоръ танцевалъ съ Наташей кадрили, а за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея»¹⁷¹). Наталья Николаевна, ставшая царицей Петербургскихъ баловъ и отличавшаяся не только красотой, но и кокетствомъ, не преминула, конечно, проявить свои способности и на Царѣ, чѣмъ однажды и вызвала назидательный совѣтъ мужа. «Не мѣшай мнѣ, не страшай меня», писалъ ей Пушкинъ изъ Нижегородскаго захолустья въ 1833 году, «будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы»¹⁷²). Внимательное отношеніе Царя, зависть къ успѣхамъ молодой красавицы, ея кокетство породили сплетни, о которыхъ узнавалъ и Пушкинъ. «И про тебя, душа моя, идутъ кое какіе толки, которые не въ полнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожъ видно, что ты кого то довела до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостью, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе Гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо мой Ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе Вашего пола»¹⁷³). Существовалъ слухъ, докатившійся и до насъ, что Императоръ настойчиво ухаживалъ за Пушкиной. Документальнаго подтвержденія до сихъ поръ не было, хотя о нѣкоторыхъ любовныхъ похижденіяхъ Царя, или, какъ онъ называлъ ихъ, о «васильковыхъ дурачествахъ» кое что проникло въ печать¹⁷⁴). Если Пушкину не были извѣстны подобныя сплетни о Наталіи, то онъ допускалъ возможность ихъ появленія и старался, чтобы поведеніе жены не порождало ихъ. Когда Наталья Николаевна въ 1834 году задумала добиться для сестеръ званія фрейлинъ и представленія ихъ царской фамиліи, Пушкинъ писалъ ей: «Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай

что за скверные толки пойдутъ по свинскому П. Б. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобы пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь—тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подаѣтъ отъ двора: въ немъ толку мало. Вы же не богаты» ¹⁷⁵). Есть указаніе, что Пушкинъ одно время ревновалъ жену къ Императору. М. А. Корфъ, товарищъ Пушкина по Лицею, въ запискахъ подъ 1848 годомъ, передавая свой разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ о Пушкинѣ, между прочимъ заноситъ слова Государя: «Подъ конецъ жизни Пушкина, встрѣчаясь часто въ свѣтѣ съ его женой, которую я искренно любилъ и теперь люблю, какъ очень добрую женщину, я совѣтывалъ ей быть сколько можно осторожниѣе и беречь свою репутацію и для самой себя, и для счастья мужа, при извѣстной его ревности. Она, вѣрно, рассказала это мужу, потому что, увидясь гдѣ то со мною, онъ сталъ меня благодарить за добрые совѣты его женѣ.—Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другаго?—Спросилъ я.— Не только могъ,—отвѣчалъ онъ,—но, признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніяхъ за моею женою. Это было за три дня до послѣдней его дуэли» ¹⁷⁶).

Къ запискамъ Корфа слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью ¹⁷⁷), но въ этой части онъ несомнѣнно справедливъ: приведенныя выдержки изъ писемъ поэта указываютъ, что Пушкинъ непрестанно и ревниво наблюдалъ за женой и Царемъ ¹⁷⁸).

Пушкинъ учитывалъ доброе отношеніе Николая къ Natalie. Имъ онъ и хотѣлъ воспользоваться, чтобы положить конецъ возобновленнымъ ухаживаніямъ Дантеса, свѣтскимъ пересудамъ и закулиснымъ интригамъ юркаго Геккерена. Слабостью Царя было постоянное желаніе выказывать себя строгимъ семьяниномъ и охранителемъ домашняго очага, отечески вмѣшиваться въ семейную жизнь постороннихъ людей. Могъ и на это рассчитывать Пушкинъ. Создавая своимъ обращеніемъ съ женой видимость разлада и подчеркивая его при чужихъ, поэтъ желалъ, чтобы великосвѣтскія Марья Алексѣвны не преминули посплетничать на счетъ тирана мужа, пожалѣли бѣдную Natalie и разгласили о ея размолвкѣ съ Пушкинымъ. Пушкинъ не сомнѣ-

вался, что толки дойдутъ до Николая и вызовутъ съ его стороны благопріятныя распоряженія. Но Царь на этотъ разъ остался глухъ и въ холодномъ созерданіи ожидалъ развязки «неповогаго положенія» поэта и его противника.

Таково наше объясненіе малопонятной записи Жуковскаго: «при Александринѣ и другихъ, кои могли бы разсказать — des brusqueries». Подобное предположеніе раскрываетъ смыслъ неясной фразы, которая, въ свою очередь, подтверждаетъ правдивость сообщенія Дантеса. Дантесъ въ письмѣ къ Бреверну избѣгаетъ передавать слухи. Свои свѣдѣнія онъ черпаетъ изъ устъ опредѣленныхъ лицъ: близкихъ знакомыхъ Пушкина, своей жены и Натальи Николаевны. Къ нимъ онъ отсылаетъ Бреверна, чтобы подтвердить справедливость высказаннаго имъ.

Послѣ смерти поэта этотъ справедливый nonsens — какъ иначе назвать непонятную на первый взглядъ мистификацію Пушкина?— приходилось друзьямъ опровергать обиняками. Кн. Вяземскій, напримѣръ, не безъ цѣли пишетъ и вел. кн. Михаилу Павловичу и А. Я. Булгакову, что въ періодъ ухаживанія Дантеса за Пушкиной, отношенія поэта къ жепѣ не пострадали ¹⁷⁹).

Обыкновенно о Натальѣ Николаевнѣ говорятъ, какъ косвенномъ виновникѣ смерти поэта, какъ о важномъ свидѣтелѣ, который «остался въ подозрѣніи». П. Е. Щеголевъ подробно описалъ картину семейной жизни Пушкина и нарисовалъ простенькій образъ и несложный характеръ жены поэта. «Сообщенія о Пушкиной, крайне немногочисленныя», замѣчаетъ онъ, «говорятъ только объ ея бальныхъ успѣхахъ. Во всѣхъ свидѣтельствахъ о ней — не только князя Вяземскаго, но и всѣхъ другихъ — не приведено ни одной ея фразы, не упомянуто ни объ одномъ ея дѣйствіи, поступкѣ. Точно она — лицо безъ рѣчей въ драмѣ, и вся ея роль сводится только къ блистанію и затмеванію всѣхъ своей красотой. Въ этомъ молчаніи современниковъ нѣтъ ничего загадочнаго: молчать, потому что нечего было сказать, нечего было отгѣтить» ¹⁸⁰).

Совершенно справедливо. Многого о Natalie не скажешь. Бѣдность ея внутренняго содержанія помѣшала современникамъ отнестись съ подобающей наблюдательностью къ молодой женщинѣ. Когда живъ былъ ея мужъ, друзья и недруги полагали, что ей

переживанія не могутъ быть ни серьезными, ни глубокими ¹⁸¹). А когда Пушкина убили, о Natalie думали всего меньше, взоры всѣхъ сосредоточились на великомъ поэтѣ, на долю жены пришлось плохо скрываемое недоброжелательство или затаенный упрекъ, который омрачаетъ ея память до сихъ поръ ¹⁸²).

Говоря о Natalie, забываютъ одно: при какихъ условіяхъ состоялся ея бракъ съ Пушкинымъ. Пушкинъ женился «безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія» ¹⁸³). Онъ сознавалъ, что его невѣста равнодушна къ нему. Будучи женихомъ и находясь въ разлукѣ съ ней, поэтъ часто писалъ Натальѣ Николаевнѣ и получилъ отъ нея милье, но лишеныя какого либо чувства отвѣты ¹⁸⁴). Пушкинъ надѣялся, что привычка и продолжительная совмѣстная жизнь могутъ смѣнить равнодушіе его невѣсты на болѣе теплое чувство жены. Онъ не обольщался своимъ положеніемъ и вскорѣ послѣ предложенія спрашивалъ кн. Вяземскаго: «Сказывалъ ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи — но передай мнѣ ея слова — они нужны моему сердцу, и теперь несовѣтъ щастливому» ¹⁸⁵).

Послѣ свадьбы Наталья Николаевна ничѣмъ не выдавала своего равнодушнаго отношенія къ мужу. Она очаровательно играла роль хозяйки, выказывала нѣжность къ Пушкину и впоследствии исправно его ревновала. Казалось, что поэтъ не ошибся въ предположеніи: все измѣняющее время породило привязанность, ледъ былъ пробитъ ¹⁸⁶). Такимъ образомъ семейнаго счастья началась ихъ супружеская жизнь.

Любовь къ Дантесу открыла Натальѣ Николаевнѣ возможность другой, интимной жизни, до сихъ поръ ею неизвѣданной. Въ самочувствіи молодой женщины, въ ея отношеніяхъ къ мужу должна была наступить рѣзкая перемѣна, о которой пророчески писалъ Пушкинъ къ Н. И. Гончаровой, матери своей невѣсты: «если она согласится отдать мнѣ свою руку, то я буду видѣть въ этомъ только свидѣтельство ея сердечнаго спокойствія и равнодушія. Сохранитъ ли она сердечное спокойствіе среди окружающаго ее удивленія, поклоненія, искушеній?.. Не явится ли у нея сожалѣніе? не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на прешятствіе, какъ на чловѣка, обманомъ ее захватившаго? не почувствуетъ ли она отвращенія ко мнѣ ¹⁸⁷)?»

Трудно сказать, велика ли была отчужденность Natalie отъ мужа во дни ея увлеченія Дантесомъ. Ясно одно, что самолюбие Пушкиной очень страдало, и обида на поэта за его обращеніе съ ней росла и крѣпла. Ея пассивность мѣшала протестовать противъ поведенія Пушкина, а умѣнье сдерживать себя въ обществѣ и таить истинныя чувства обманывали окружающихъ и близкихъ. Посторонній глазъ, вскользь наблюдая Наталью Николаевну, видѣлъ ее спокойной дома, оживленной на балу и приходилъ къ заключенію, что въ семьѣ Пушкиныхъ царитъ «большое согласіе».

Письмо Дантеса говоритъ о противоположномъ. Natalie была раздражена противъ мужа и въ глубинѣ души готовилась его «оттолкнуть», т. е. указать ему на оскорбительное отношеніе къ ней. Другого пониманія въ эти выраженія мы не вкладываемъ. Не намекала же она на разводъ, который въ тѣ времена былъ очень затрудненъ и влекъ за собой рядъ весьма стѣснительныхъ послѣдствій.

Не понимая, чего добивался Пушкинъ своимъ обращеніемъ съ ней, Наталья Николаевна, конечно, знала объ отношеніи поэта къ Дантесу и была свидѣтельницей ихъ рѣзкихъ стычекъ. Не разъ она подавляла въ себѣ чувство обиды, наносимой ей Пушкинымъ при людяхъ, совершенно постороннихъ, не разъ она дрожала отъ страха, что столкновеніе ея мужа съ Дантесомъ обратится въ общественный скандалъ. Самъ не замѣчая того, поэтъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдалялъ отъ себя жену. Не становилась ли она такимъ образомъ ближе къ Дантесу?

Какъ далеко зашли отношенія Дантеса и Пушкиной, осталось тайной. До сихъ поръ у насъ нѣтъ ничего непреложнаго, уличающаго Natalie въ супружеской невѣрности. Все, что имѣется въ распоряженіи изслѣдователей авторитетнаго, скорѣе опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ подобный взглядъ. Мы знаемъ одно: поэтъ былъ увѣренъ въ полной ея невинности, что неоднократно и незадолго до дуэли высказывалъ разнымъ лицамъ. Къ нему присоединяются и близкіе друзья Пушкина. Въ ихъ единодушій мы отказываемся видѣть только одну защиту чести молодой женщины. Но такова уже сплетня: она всегда имѣетъ свой осадокъ.

Къ сожалѣнію, данныя о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни поэта, его семейныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ Natalie къ Дантесу и мужу настолько сбивчивы, запутаны и, благодаря этому,

неясны, что не позволяютъ изслѣдователю высказаться категорически. Приходится и намъ ограничиться только предположеніями 188).

Было бы наивностью считать характеристику Пушкина Дантесомъ близкой къ истинѣ. Для людей, чуждыхъ поэту по духу и по интересамъ, Пушкинъ былъ недоступенъ. Имъ не дано было постигнуть необычайную красоту его душевныхъ свойствъ, сложныхъ и глубокихъ. Имъ страненъ онъ былъ, начиная со своего внѣшняго облика, кончая богатымъ содержаніемъ внутреннихъ переживаній, всегда волнующихъ и несказанно прекрасныхъ. Всякій, кто зналъ его близко, столько же цѣнилъ его за гениальныя способности, сколько и любилъ за рѣдкія качества мятущейся, неутомной души. «Я добръ, простодушенъ... но сердце мое чувствительно», опредѣляетъ себя поэтъ въ черновомъ письмѣ Геккерепу 189). Не злоба и месть, не нудная сварливость были главными качествами его, а безграничная доброта, дѣтское простодушіе и чуткое, «золотое» сердце. Несмотря на свою искренность и рѣдкую прямоту, Пушкинъ не былъ разгаданъ «толпой» и остался непонятенъ «черни». Дантесъ, конечно, принадлежалъ къ выдающимся представителямъ этой толпы, къ которой примыкало и большинство петербургскаго «свѣта». Слова Пушкина, писанныя кн. Вяземскому въ сентябрѣ 1825 года по поводу Байрона, хорошо примѣнимы и къ самому поэту, какъ отвѣтъ его хулителямъ и обвинителямъ: «Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? чортъ с ними! Слава Богу, что потеряны... Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ Геніемъ... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: Онъ и малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы—иначе!»—190). Темныя стороны характера Пушкина были недостатками всетаки гениальнаго человѣка, а не кичливой, самодовольной и пошлой бездарности. Онъ и малъ былъ по-своему.

Настроеніе Дантеса послѣ дуэли съ Пушкинымъ, если судить по его письму къ Бреверну, не было спокойнымъ. Хотя его не трогала смерть Пушкина, и не волновало сознаніе собственной

виновности — онъ, по его понятію, велъ себя, какъ «порядочный человѣкъ», который «не могъ поступить иначе» — но Дантеса сильно обижало отношеніе къ нему свѣтскаго общества. Давно ли онъ красовался здѣсь, былъ его балованнымъ и желаннымъ гостемъ, съ молчаливаго согласія и чуть ли не при единодушномъ одобреніи упрямо шелъ къ своей дѣли, раздражая и почти глумясь надъ Пушкинымъ. Съ досадою онъ взываетъ въ письмѣ къ совѣсти и честности недавнихъ друзей и пріятелей, которые «отвернулись съ той поры, какъ чернь побѣжала въ домъ его противника». Теперь онъ почувствовалъ на себѣ, кѣмъ былъ Пушкинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ грустью понималъ, что его карьера, счастливо начатая при крупнѣйшемъ европейскомъ Дворѣ, Дворѣ блестящемъ, окончена. Приходилось готовиться къ большимъ непріятностямъ, въ лучшемъ случаѣ — къ выѣзду за границу, гдѣ все ему казалось «мизернымъ и ничтожнымъ»¹⁹¹). Дантесъ получилъ основательный жизненный урокъ, о которомъ никогда не могъ забыть.

На этомъ и заканчивается настоящая работа, можетъ быть, нѣсколько неточно озаглавленная — «О смерти Пушкина». Если вамъ удалось здѣсь освѣтить нѣкоторые факты, касающіеся поэта, и дать матеріалъ для его біографа, то свою задачу мы сочли бы выполненной.

Избитымъ мѣстомъ каждаго пушкиновѣда являются сѣтованія на отсутствіе научной и, конечно, многоотомной біографіи Пушкина. Не боясь вызвать ироническую улыбку, мы еще разъ напомнимъ, что такого труда къ стыду нашему до сихъ поръ нѣтъ, и что къ нему слѣдуетъ приступать безотлагательно.

Повѣсть жизни и смерти нашего Пушкина настолько трогательна и талантлива, такъ значительна и близка намъ, что, чѣмъ подробнѣе и вѣрнѣе будетъ она написана, тѣмъ болѣе выиграетъ родная литература и самый образъ великаго поэта.

Оставляя въ сторонѣ научное значеніе такого труда, мы обращаемъ на него вниманіе, какъ на книгу глубоко поучительную, затрагивающую вопросы нравственнаго порядка и житейской мудрости¹⁹²).

ПРИМЪЧАНІЯ

1) П. Е. Щеголевъ «Дуэль и смерть Пушкина». Изслѣдованіе и матеріалы впервые напечатаны съ портретами и факсимиле въ академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники», вып. XXV—XXVII, (1916 г., XXI + 0170 + 376 стр., in 8°) и отдѣльно. Къ изданію приложеной именной указатель. Книга черезъ двѣ—три недѣли уже вышла изъ продажи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ М. В. Пирожковымъ («Литературная книжная лавка») выпущено новое изданіе: П. Е. Щеголевъ «Дуэль и смерть Пушкина». Изслѣдованіе и матеріалы. Съ 15 портретами и факсимиле. Изд. 2-е, исправленное. П. 1917 г. in 8°, 424 стр. Второе изданіе отличается отъ перваго тѣмъ, что дополненія, раньше бывшія въ концѣ книги, введены въ текстъ и переведены на русскій языкъ всѣ документы, напечатанные въ первомъ изданіи на иностранныхъ языкахъ. Къ сожалѣнію, во второмъ изданіи отсутствуетъ указатель. Здѣсь цитируется по второму изданію и сокращенно отмѣчается: «Дуэль» etc. Обширный матеріалъ, опубликованный въ изслѣдованіи П. Е. Щеголева, еще надолго займетъ вниманіе нашихъ пушкиновѣдовъ, такъ какъ требуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ дальнѣйшей разработки. Въ настоящей работѣ авторъ широко пользуется этими документами и не разъ обращается къ выводамъ П. Е. Щеголева, строя на нихъ свои. Мы уклоняемся отъ изложенія всѣхъ событій, связанныхъ съ дуэлью и смертью Пушкина, а стараемся извѣстнымъ только пояснить публикуемое новое, что неизбѣжно ведетъ къ повторенію высказаннаго другими. Напечатанная въ 1901 г. (П. 1901 г. тип. А. С. Суворина, 96 + 1 нен. стр.) работа Б. В. Никольскаго «Послѣдняя дуэль Пушкина» въ настоящее время почти потеряла всякое значеніе. Она написана на основаніи небольшого и часто спорнаго (напр. «Записки Смирновой») матеріала и грѣшитъ рискованными предположеніями. Мы рѣдко обращаемся къ ней.

2) «Дѣла III Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ» (Спб. 1906 г. 369 стр. in 8°) были напечатаны безплатнымъ приложеніемъ ко «Всемирному Вѣстнику» за 1905 г. С. Сухонинымъ весьма неряшливо, съ большимъ количествомъ ошибокъ. Рецензію на книгу г. Сухонина (изд. Балашева) см. въ «Быломъ» 1906 г., II, с. 299 — 301, гдѣ П. Щ[еголевъ] подвергаетъ ее суровой и

заслуженной критикѣ. См. также отзывы въ его книгѣ «Пушкинъ» (Спб. 1912), с. 256, прим. I и у М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы» (Спб. 1909 г. 2 изд.), с. 472, прим. I. Прошеніе М. К. Лемке «о разрѣшеніи свѣрить эту книгу съ подлинными дѣлами не получило удовлетворенія». Библиографію объ отношеніяхъ Пушкина къ III Отд. см. «Былое», 1918 г., I, с. 6 прим. 2.

3) «Дуэль» etc., с. 283. Доступъ въ архивъ III Отдѣленія, а потомъ Департамента полиціи, вообще былъ обставленъ большими затрудненіями и проникнуть туда разрѣшалось весьма немногимъ, особенно въ XIX вѣкѣ. Первая попытка принадлежить барону М. А. Корфу и относится къ 1846 г., когда онъ хотѣлъ познакомиться съ дѣломъ Сперанскаго. Разрѣшенія на это онъ не получилъ. (Секретный архивъ III Отдѣленія, картонъ I, № 34).

4) Б. Л. Модзалевскій «Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора». 1826—1830. («Былое», 1918 г., I, с. 5—59). А. А. Шилъвъ «Къ біографіи Пушкина». Секретное разсѣдованіе 1826 г. «о поступкахъ извѣстнаго стихотворца Пушкина, подозрѣваемаго въ возбужденіи крестьянъ къ вольности». (Ibidem, II, стр. 67—77). Печатаемые въ настоящей работѣ документы, бывшіе ранѣе въ архивѣ III Отдѣленія, въ настоящее время находятся въ Рукописномъ Отдѣленіи Пушкинскаго Дома, куда они были переданы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими по постановленію Россійской Академіи Наукъ. Въ самые первые дни революціи, когда архиву Департамента полиціи угрожала опасность быть уничтоженнымъ толпой, усердно направляемой переодѣтыми агентами Императорскаго правительства и уголовнымъ элементомъ, Академія Наукъ получила разрѣшеніе отъ Временнаго правительства перевезти документы въ свое помѣщеніе. Командированныя Академіей лица нашли нѣкоторыя комнаты Департамента въ большомъ беспорядкѣ. Бумаги съ денежной отчетностью въ суммахъ, выдаваемыхъ изъ секретнаго фонда, оказались сожженными, о томъ свидѣтельствовали кучи пепла на дверяхъ, вывернутыхъ изъ петель и расположенныхъ на столахъ и стульяхъ среди комнаты. О характерѣ погибшаго матеріала говорили оброненные на полъ оправдательные документы, весьма миниатюрнаго размѣра, и писанные большей частью карандашомъ. На нихъ были подписи Маркова 2-го, видныхъ черносотенцевъ, расписавшихся псевдонимами и тутъ же на запискахъ расшифрованныхъ начальникомъ Отдѣла Департамента Васильевымъ. Впечатлѣніе получалось опредѣленное: Департаментъ хотѣли поджечь въ верхнихъ этажахъ, гдѣ находилось современное секретное дѣлопроизводство. Въ первые дни толпу сдержать было невозможно. Единственно, что старались отстоять прибывшіе—это архивъ и нѣкоторыя другія комнаты съ болѣе важными документами. Погибъ уголовный отдѣлъ и находившійся съ нимъ по близости архивъ Шлиссельбургской крѣпости. Сильно пострадали бумаги о шпионажѣ заграничномъ и современномъ политическомъ. Объ этомъ позаботились тѣ, кому это было важно, работая вмѣстѣ съ толпой,

направляя ее и даже врываясь въ помѣщенія Департамента, несмотря на протесты новой администраціи. Архивъ III Отдѣленія и Департамента полиціи былъ перевезенъ въ Академію Наукъ и размѣщенъ въ ея свободныхъ комнатахъ. Судьба документовъ измѣнилась послѣ октябрьскаго переворота съ учрежденіемъ Главнаго Архива. По распоряженію Совѣтскаго правительства архивъ получилъ названіе Историко-революціоннаго, для описанія и охраны его назначенъ былъ штатъ ученыхъ и служащихъ, а документы перевезли частью въ помѣщенія бывшаго Правительствующаго Сената, частью въ Москву. О сохранности архива см. также прим. 114.

5) «Дуэль» etc., с. 8.

6) Основаніе секретному архиву было положено Управляющимъ III Отд. М. Я. фонъ-Фокомъ, смерть котораго († 27 авг. 1831 г.) Пушкинъ разсматривалъ, какъ «бѣдствіе общественное», считая его «человѣкомъ добрымъ, честнымъ и твердымъ». «Вопросъ»: записываетъ Пушкинъ, «кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса; что сдѣлаемъ съ Польшей»? («Пушкинъ» подъ ред. Венгерова, т. V, стр. 432). Преемникомъ фонъ-Фока былъ назначенъ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ (род. 5 іюня 1792 † 31 января 1869), родственникъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля. Въ 1839 году ему пришлось оставить свою должность, такъ какъ онъ навлекъ гнѣвъ Государя, разрѣшивъ напечатать портретъ декабриста и писателя А. А. Бестужева-Марлинскаго. Причина отставки А. Н. Мордвинова глубоко врѣзалась въ память дѣятелей III Отд. и не была ими забыта даже въ 1862 г. Въ дѣлѣ М. И. Михайлова (Архивъ III Отд., 1 экс. № 274) сохранилась переписка между Главнымъ Управленіемъ Цензуры и III Отд. по поводу прошенія Н. А. Серно-Соловьевича разрѣшить изданіе сочиненій Михайлова, уже осужденнаго въ каторжные работы. Къ сочиненіямъ издатель намѣревался приложить и портретъ. По этому случаю шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову была представлена 3 янв. 1862 г. «Записка для памяти»: «Предсѣдатель Главнаго Управленія Цензуры спрашиваетъ: изволяте ли Ваше Сіятельство признавать удобнымъ допустить въ настоящее время напечатаніе сочиненій Михайлова? Въ прежнее время сочиненія государственныхъ преступниковъ, находившихся въ ссылкѣ, дозволено было издавать не иначе, какъ безъ означенія ихъ имени, а Бестужевъ, состоя въ военной службѣ на Кавказѣ, издавалъ свои сочиненія подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Въ 1839 г. помѣщенъ былъ въ изданномъ тогда собраніи сочиненій А. Бестужева его портретъ. Управлявшій въ то время III Отдѣленіемъ Статсъ-Секретарь Мордвиновъ, разрѣшившій напечатаніе сего портрета, былъ за это удаленъ со службы». Послѣ такого «memento» осторожному начальству не оставалось ничего другого, какъ поставить резолюцію: «Отвѣтить, что печатаніе сочиненій Михайлова признается несвоевременнымъ». Объ отставкѣ А. Н. Мордвинова см. М. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература» 1826—1855 г.г. Спб. 1909, с. 119, гдѣ этотъ фактъ переданъ вѣсколько иначе. Біографію А. Н. Мордвинова см. въ статьѣ Б. Л. Мод-

залеваго: «Смерть Пушкина» («Пушкинъ и его современники», в. VI, с. 110—113).

7) Соллогубъ, графъ Владиміръ Александровичъ (р. 8 авг. 1813 г. † 3 июня 1882 г.), извѣстный писатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, авторъ популярнаго когда-то «Таратаса», оставилъ послѣ себя «Воспоминанія» (Спб. 1887 г., 8°, VIII + 287 + VIII стр.), въ которыхъ удѣлили нѣсколько страницъ и послѣдней дуэли Пушкина.

8) Изъ «Воспоминаній» Соллогуба намъ извѣстно только одно, что графъ, увидѣвъ впервые Н. Н. Пушкину, «безъ памяти въ нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши въ Петербургѣ, который бы тайно не вздыхалъ по Пушкиной» (с. 118). О причинѣ размолвки рассказано Соллогубомъ въ «Русск. Арх.» за 1865 г., с. 748—753 (1 изд.) «Изъ воспоминаній графа В. А. Соллогуба» и отдѣльно: «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Гоголь.—Пушкинъ.—Лермонтовъ. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина». (М. 1866 г., 8°, с. 71) ...«Я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Н. Н. Пушкиной, которая шутила надъ моею романтической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ, давно ли она замужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милого и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на Петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности певнино и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора дѣлку сплетню... («Русск. Арх.» 1865 г., с. 749). Есть указаніе на поведеніе Соллогуба и въ «Запискахъ А. О. Смирновой», источникъ, какъ извѣстно, довольно мутномъ: «Этотъ вертопрахъ... провинился противъ Natalie своими пошлыми острогами; онъ иногда такъ неучтивъ. Пушкинъ потребовалъ письменнаго извиненія. Соллогубъ поступилъ тогда, какъ слѣдуетъ»... (Ч. II, с. 8).

9) Андрей Николаевичъ Карамзинъ, старшій сынъ историка, р. 24 авг. 1814 г., убитъ 16 мая 1854 г. у Слатина. О немъ см. «Русск. Стар.» 1878 г., т. XXII, с. 193—216, Барсуковъ «Погодинъ» кн. XIII, с. 75—77, «Старина и новизна» кн. XVII, с. 232 и слѣд., гр. П. С. Шереметьевъ, «Карамзинъ въ Остафьевѣ», М. 1911 г. с. 67.

10) «Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1913 годъ», М. 1914 г., статья М. Голубдовой: «Письма гр. В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ дуэли», с. 107—115.

11) Въ воспоминаніяхъ Соллогубъ болѣе кратко: «Я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой [вины по такимъ то и такимъ то причинамъ]». «Русск. Арх.» 1865 г., с. 749.

12) Ibidem, стр. 750. Подлинникъ письма неизвѣстенъ, а въ изложеніи Соллогуба въ переписку Пушкина, конечно, оно не включено.

13) Хлюстинъ Семень Семеновичъ (р. 26 ноября 1810 † 28 марта 1845) имѣлъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1836 г. столкновеніе съ Пушкинымъ, едва не

окончившееся дуэлью. См. «Переписку Пушкина» т. III изд. Ак. Наукъ, с. 270—274 и статью Б. Л. Модзалевскаго «Пушкинъ и Е. П. Люденко», Русск. Ст. 1898 г. апр. с. 77. О немъ Пушкинъ въ июнѣ 1834 года писалъ женѣ: «Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюст., а Алекс. Ник. за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ... Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ Августъ не буду? Развѣ онъ пьянъ, былъ отъ ботвиньи съ лукомъ». («Переписка», т. III, с. 133).

14) Хронологія, по нашему мнѣнію, такова: «исторія» съ Н. Н. Пушкиной относится къ концу 1835 г. или къ самому началу 1836 г., т. е. къ святочной недѣлѣ. Первое письмо поэта къ Соллогубу послано въ срединѣ января, въ концѣ января Соллогубъ отослалъ согласіе на вызовъ Пушкина. Въ первой половинѣ февраля Пушкинъ прислалъ съ Хлюстинымъ подтвержденіе вызова. Второго письма, писаннаго въ мартѣ, Соллогубъ не посылалъ поэту, о немъ не упоминается и въ его мемуарахъ. Наше соображеніе расходится съ мнѣніемъ Н. О. Лернера (См. «Труды и дни П.», с. 352) и Ефремова («Русск. Ст.», 1880 г. VI, с. 320).

15) Вѣроятно о томъ же Козловскомъ говоритъ Л. Н. Майковъ, какъ поэтъ 30 годовъ и сотрудникъ «Библіотеки для чтенія». А. Н. Вульфъ въ «Дневникѣ» подъ 23 августа 1834 года записываетъ: «съ однимъ юношей повтомъ—княземъ Козловскимъ—твердилъ стихи Языкова; это первая встрѣча человѣка, который не знавъ Языкова, зналъ бы наизусть столько стиховъ, сколько и я ихъ знаю». См. Л. Н. Майковъ. «Пушкинъ», Спб. 1899 г. с. 209. О Козловскомъ также упоминается въ письмѣ Анны Николаевны Вульфъ къ матери П. А. Осиповой. «Пушкинъ и его современники» вып. XXI—XXII с. 323. Л. Н. Майковъ ошибается, называя Козловскаго Юной Михайловичемъ, который тогда былъ мальчикомъ (род. 1827 † 1891).

16) «Русскій Архивъ», 1865 г., с. 751 и 752.

17) Четвертка простой бумаги, перегнутой пополамъ, фабричное клеймо «Н». Мѣсто заклейки сургучной (?) печатью вырвано. Письмо послано, какъ тогда было принято, безъ конверта. Н. О. Лернеръ отмѣчаетъ прибытіе Пушкина въ Тверь подъ 30 апрѣля, тогда же, по его мнѣнію, поэтъ получилъ письмо отъ Соллогуба («Труды и дни Пушкина», с. 357). Письмо графа исправляетъ дату Н. О. Лернера.

18) Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ служилъ съ 1831 г. въ Твери директоромъ народныхъ училищъ. Тамъ же онъ написалъ и свой знаменитый «Ледяной Домъ» (М. 1835 г.). Въ 1837 г. онъ вышелъ въ отставку и покинулъ Тверь.

19) Въ письмѣ къ женѣ отъ 4 мая Пушкинъ ни слова не говоритъ о свиданіи съ Соллогубомъ. «Переписка», изд. Ак. Наукъ, т. III, с. 307 и 308.

20) «Русск. Арх.» 1865 г. с. 752. О бѣшеныхъ поѣздкахъ изъ Твери въ Москву рассказываетъ Л. Н. Толстой: «Балага былъ извѣстный

троечный ящикъ, уже лѣтъ шесть знавшій Долохова и Анатоля и служившій имъ своими тройками. Не разъ онъ, когда полкъ Анатоля стоялъ въ Твери, съ вечера увозилъ его изъ Твери, къ разсвѣту доставлялъ въ Москву и увозилъ на другой день ночью». («Война и миръ», т. II, ч. 5, гл. XVI). Между Москвою и Тверью оффиціально насчитывалось 161¼ вер. («Почтовый дорожникъ». Спб. 1829 г. 8, с. 32).

21) Въ «Трудахъ и дняхъ Пушкина» свиданіе съ Соллогубомъ отнесено къ началу мѣсяца, теперь можно обозначить точно—4 мая.

22) «Переписка», изд. Ак. Наукъ, т. III, с. 408. Черновой переводъ письма напечатанъ покойнымъ Н. А. Шляпкинымъ—«Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (Спб. 1903), с. 292—293.

23) Графъ Бенкендорфъ черезъ командира Кирасирской дивизіи генерала Апраксина отправилъ 13 февраля въ Военно-судную комиссію «найденные между бумагами покойнаго Камеръ-Юнкера А. С. Пушкина письма, записки и билетъ.... могущіе служить руководствомъ и объясненіемъ Судной Комиссіи», а 18 февраля препроводилъ въ дополненіе «записку Соллогуба». Вѣроятно, это было только что опубликованное письмо. («Дѣла III Отд.», с. 182 и 186»).

24) «Дуэль» etc., с. 226 и 227.

25) По личному приказанію Бенкендорфа записка Соллогуба, посланная 17 (а не 18?) февр. была возвращена въ III Отд. («Дѣла III Отд.», с. 187).

26) «Пушкинъ и его современники» вып. XXI—XXII с. 332. Въ февралѣ 1833 года Пушкинъ писалъ Нащокину: «Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ»... («Переписка», II, с. 8).

27) Пушкинъ въ неотсланномъ письмѣ къ Бенкендорфу писалъ: «...въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма, въ двойныхъ конвертахъ, запечатанныхъ и адресованныхъ на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какую нибудь подлость, не отослали ихъ ко мнѣ». (Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863 с. 46). Какъ видно ниже, экземпляръ анонима былъ и въ рукахъ Нессельроде. Его видѣлъ старшій Геккеренъ. Было ли письмо послано самому Нессельроде, или онъ получилъ отъ кого нибудь другого, напр. Вельгорскаго, сказать трудно. О томъ, что и Карамзины получили анонимное письмо см. «Памятныя записки» Н. М. Смирнова въ «Русск. Арх.» 1882 г., I, с. 234 прим. Вюртембергскій посолъ въ «Замѣткѣ о Пушкинѣ» говоритъ: «Нѣкоторыя изъ этихъ анонимныхъ писемъ были доставлены даже знакомыми, такъ между прочимъ В. П. («Дуэль» etc., с. 371).

28) «Дуэль» etc. с. 257. Поэтъ получилъ такія же письма отъ Е. М. Хитрово и гр. В. А. Соллогуба. Подробнѣе объ этомъ см. въ «Воспоминаніяхъ В. Соллогуба», Спб. 1887 г., с. 178.

29) Аммосовъ etc., с. 18, прим. 1.

30) «Русская Старина», 1880 г. VI, с. 330.

31) «Дуэль» etc., стр. 68.

32) «Письма А. Н. Карамзина къ своей матери» («Старина и Новизна», кн. XVII, с. 291), письмо отъ 24/12 февраля 1837 года. Объ А. Н. Карамзинъ см. примѣчаніе 9.

33) Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій (р. 31 окт. 1788 + 28 авг. 1856 г.), композиторъ, пріятель Пушкина и кн. В. О. Одоевскаго, братъ извѣстнаго виолончелиста Матвѣя Юрьевича Вельгорскаго. Въ лидейскомъ собраніи, поступившемъ въ Пушкинскій Домъ, имѣется экземпляръ диплома, неизвѣстно кому посланнаго и тожественнаго по бумагѣ и по почерку съ письмомъ III Огд.; есть небольшая разница въ орфографіи, слова: *sérénissime, ordge, châpitre, maître* писаны съ маленькой буквы и въ концѣ письма поставлено три восклицательныхъ знака—!!!

34) «Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба» Спб. 1887. с. 178. Также ошибка исправлена и на лидейскомъ экземплярѣ.

35) На письмѣ почтовый штемпель въ видѣ прямоугольника, въ которомъ оттиснуто: «Городская Почта 1836 ноя. 4. утро». Лидейскій экземпляръ не имѣетъ обложки и поэтому безъ почтоваго штемполя. Пасквиль впервые былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» за 1880 г. VI, с. 330 Ефремовымъ. Къ сожалѣнію, издатель не указалъ, изъ какого источника онъ имѣлъ оригиналъ. Для сравненія приводимъ дипломъ, напечатанный Ефремовымъ:

Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus réunis au Grand-Châpitre, sous le présidence du vénérable Grand-Maitre de l'Ordre, S. E. D. L. Nar...n, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkin coadjuteur du Grand-Maitre de l' Ordre des Cocus et historiographe de l' Ordre.

Le secrétaire perpétuel C-te V....k.

«Было прислано и второе анонимное письмо», говоритъ Ефремовъ, «дословное повтореніе предыдущаго. Оба письма имѣли одинаковый адресъ, написанный другой рукой, нежели былъ написанъ текстъ пасквили: «Александру Сергѣевичу Пушкину.»

Фамиліи Нарышкина и Борк(х)а не были напечатаны Ефремовымъ полностью, вѣроятно по цензурнымъ соображеніямъ. Д. Л. Нарышкинъ (род. 30 мая 1758 + 31 марта 1838), гофмаршалъ, мужъ знаменитой красавицы Маріи Антоновны, рожденной Четвертинской, бывшей въ связи съ императоромъ Александромъ I и имѣвшей отъ него дочь. О какомъ I. (Ж?) Борхъ говоритъ анонимъ, сказать трудно. Кромѣ упоминаемаго ниже, въ прим. 62, графа А. М. Борха, другого мы не знаемъ. Не было ли здѣсь описки? Академическое изданіе писемъ Пушкина (III, с. 398 и 399) воспроизводитъ пасквиль со статьи Ефремова, но безъ его подчеркиванія (разрядки) и дѣликомъ печатаетъ фамиліи. Писавшіе анонимъ видимо были не тверды въ надстрочныхъ знакахъ, напр.: «*sécrétaire*», «*perpétuel*» etc.

36) Въ русскомъ переводѣ дипломъ впервые напечатанъ въ Лейпцигѣ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (1875 г. in 12° с. 48), оттуда

въ книгѣ Стоюнина—«Пушкинъ», Спб. 1881, 8° (12°) с. 420 и 421. Этотъ же переводъ приведенъ и въ нашей работѣ. Недостаточно правильно пасквиль приведенъ Панчулдзевымъ въ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ» 1826—1908, с. 79 прим. 2.

37) Аммосовъ, с. 45 и 46.

38) «Русская Старица», 1880, VII, с. 518 и 520. Приводимъ выдержки въ переводѣ, французскій текстъ напечатанъ тамъ же. Въ скобкахъ—зачеркнутое и вставленное Пушкинымъ.

39) «Дуэль» etc. с. 257 и 258.

40) «Случай, весьма непріятный во всякое другое время, по счастью, вывелъ меня изъ этого положенія. Я получилъ анонимныя письма. Я увидѣлъ, что минута дѣйствовать наступила — и воспользовался ею». Аммосовъ, с. 50.

41) «Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба». М. 1866, с. 59—60. Такого же рода свѣдѣнія мы имѣемъ и въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (ч. II, Спб. 1897 г., с. 22): «Медемъ отправился въ Вѣну и написалъ Николаю [мужу Смирновой], что вѣроятно знаменитый напечатанный циркуляръ былъ сдѣланъ въ Вѣнѣ. Фикельмонтъ послалъ ему экземпляръ и кажется, что печатала ихъ вѣнская типографія. Вѣрная Элиза волнуется, отыскивая автора этой гадости, и была поражена тѣмъ, что программа одного вѣнскаго кондёрта имѣетъ тотъ же типъ. Тамъ есть даже ошибки, которыхъ въ Парижѣ не сдѣлали бы и, кромѣ того, это типъ, уже вышедшій изъ моды во Франціи».

42) П. Е. Щеголевъ посвятилъ нѣсколько страницъ своей работы («Дуэль» etc, с. 414—424) обсужденію вопроса о виновности князей И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова въ дѣлѣ Пушкина; къ изслѣдованію мы и отсылаемъ интересующихся. Тамъ приведена и вся бібліографія по этому вопросу. Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Рукописное Отдѣленіе Россійской Академіи Наукъ изъ собранія П. Я. Дашкова, нашлось одно письмо И. С. Гагарина, безъ адреса, слѣдующаго содержанія:

Парижъ, 35. Rue de Sèvres

17 іюня 1875 года.

Милостивый Государь

Николай Семеновичъ,

Вы желали имѣть свѣдѣнія о поклоненіи Святѣйшему Сердцу І. Х. Посылаю вамъ газету въ которой Вы найдете довольно объясненій.

Вамъ душевно преданный

Ив. Гагаринъ Св. от.

Письмо, конечно, послано Н. С. Лѣскову, который въ «Историч. Вѣстникѣ» (1886, VIII, с. 269—273) помѣстилъ рассказъ о своихъ бесѣдахъ съ Гагаринымъ относительно пасквилья Пушкину и участія князя

въ этомъ дѣлѣ. Внизу письма имѣется замѣтка: «Письмо іезуита князя Ивана Сергѣевича Гагарина.—Съ этимъ почеркомъ долженъ быть сличенъ «дипломъ на званіе рогоносца», присланный А. С. Пушкину.—Дипломъ этотъ долженъ быть въ Парижѣ». Сличать почеркъ 1836 года съ почеркомъ 1875 г.—занятіе совершенно бесполезное. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, наша попытка сравнить современный диплому почеркъ Гагарина не далъ бы никакого результата, такъ какъ пасквиль написанъ печатными буквами и ничего характернаго, какъ видно изъ прилагаемаго въ настоящей работѣ воспроизведенія, не представляетъ. Н. С. Лѣсковъ говорить, что Гагаринъ «былъ убѣжденъ въ существованіи болѣе сильнаго и неопровержимаго доказательства его правоты, каковое доказательство и есть во Франціи». Едва ли онъ рассчитывалъ на экспертизу диплома, которая можетъ рѣшить вопросъ. Не намекъ ли здѣсь на Дантеса?

43) «Дуэль» etc., с. 291 и 292. Гр. Нессельроде въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1837 года къ военному министру Чернышову проситъ его возвратить «два письма Пушкина, писанныя имъ къ находившемуся здѣсь нидерландскимъ посланникомъ барону Геккерену 17 ноября 1836 г. и 26 января 1837 года». Чернышовъ первого мая, отсылая ему «два письма, писанныя покойнымъ камеръ юнкеромъ Александромъ Пушкинымъ», адресатомъ письма отъ 17 ноября называетъ д'Аршіака (См. «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С. П. Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіяся къ службѣ его 1831—1837 г.г.», Спб. 1900. с. 59—60). Послѣднее обстоятельство повергаетъ издателя и редактора изданія Н. А. Гасторейнда въ недоумѣніе. Въ примѣчаніи онъ высказываетъ удивленіе, что въ «Письмахъ Пушкина» такого письма не имѣется. Этотъ же адресатъ указанъ и въ «Подлинномъ военно-судномъ дѣлѣ» на с. 119. Дѣло въ томъ, что письмо было написано гр. Солмогубу («Je vous prie Monsieur le Comte...»), но безъ адреса. Такъ оно печатается въ собраніи писемъ поэта. Факсимиле письма воспроизведено въ «Дуэли» на с. 280. См. объ этомъ Никольскій, Б. В. «Послѣдняя дуэль Пушкина», с. 51—53, а также Н. Лернеръ «Труды и дни», с. 375.

44) «Дуэль» etc., с. 318.

45) П. Е. Щеголевъ не безъ основанія утверждаетъ, что «вызовъ былъ письменный» («Дуэль» etc., с. 70), хотя этому противорѣчатъ показаніе Дантеса: «въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года получилъ я словесной и безъ причинной Камергера Пушкина вызовъ на дуэль, который мною былъ принятъ» («Дуэль Пушкина съ Дантесомъ Геккереномъ, подлинное военно-судное дѣло» 1837). Спб. 1900, с. 42). Въ письмѣ къ Жуковскому старшій Геккеренъ говоритъ: «Вы знаете, Милостивый Государь, что вызовъ г-на Пушкина былъ передать моему сыну при моемъ посредничествѣ, что я принялъ его отъ его имени...» («Дуэль» etc., с. 82).

46) Въ «Перепискѣ» Пушкина (т. III, с. 401) письмо Жуковского относится неопредѣленно къ ноябрю мѣсяду, Щеголевъ устанавливаетъ дату 10 ноября («Дуэль» etc., с. 83).

47) «Дуэль» etc., с. 70. Дантесъ далеко не былъ исправнымъ служакой.

48) Въ своей конспективной запискѣ Жуковскій подь 7 ноября отмѣчаетъ: «Молодой Геккеренъ у Вельгорскаго». Возможно, что Дантесъ видѣлъ у Вельгорскаго и анонимное письмо, которое нашлось въ архивѣ III Отдѣленія.

49) «Дуэль etc.», с. 296.

50) Ibidem, с. 294.

51) См. объ этомъ хотя бы въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ вел. кн. Михаилу Павловичу, («Дуэль» etc., с. 257). Н. М. Смирновъ въ «Памятныхъ замѣткахъ» («Русск. Арх.» 1882, I, с. 235) говоритъ: «Одно не подлежитъ сомнѣнью, это то, что Геккеренъ былъ ихъ [т. е. анонимовъ] сочинителемъ. Послѣдствія доказали, что Государь въ этомъ не сомнѣвался, и говорятъ, что полиція имѣла на то неоспоримыя доказательства».

52) Аммосовъ, с. 16.

53) «Русскій Арх.» 1865, с. 758.

54) «Русская Старина», 1880, VI, с. 331.

55) Ibidem, с. 317.

56) Ibidem, VII, с. 515.

57) Аммосовъ, с. 15 и 16.

58) «Дуэль» etc., с. 293.

59) Ibidem, с. 318.

60) Ibidem, с. 298. Графъ Г. А. Строгановъ (род. 13 сент. 1770 г. † 7 янв. 1857 г.) былъ родственникъ Гончаровыхъ. Этимъ и объясняется его близость къ Геккеренамъ. Вѣроятно на правахъ родственницы графиня Строганова была на свиданіи у арестованнаго Дантеса. «Сборникъ біографій кавалергардовъ», 1826—1908, с. 88.

61) М. Д. Нессельроде (род. 2 июня 1786 † 6 авг. 1849), супруга гр. К. В. Нессельроде (род. 2 дек. 1780 † 11 мар. 1862 г.), вице-канцлера съ 1828 г. и канцлера въ 1845 г. Обь отношеніяхъ графини къ Пушкину см. «Русск. Арх.» 1910, т. II (кн. 5) с. 128. Эпиграмма, приписываемая Пушкину, напечатана въ «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій». Дополненіе къ 6 томамъ петербургскаго изданія. 2 изд. Berlin, 1870. 8°, с. 45.

Встарь Голидынъ мудрость вѣсилъ,

Гурьевъ грабилъ весь народъ,

Аракчеевъ куралесилъ,

Царь же ѣдилъ на разводъ.

Нынѣ Ливень мудрость вѣситъ,

Царь же вѣшаетъ народъ,

Рыжій Мишка куралесить

И по прежнему разводъ.

Основаній, что эта эпиграмма принадлежитъ Пушкину, нѣтъ никакихъ. См. объ этомъ: П. А. Ефремовъ, «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ и прозѣ и

изображеніяхъ». Спб. 1903, с. 31, а также въ «Новомъ Врем.» отъ 2 и 8 авг. №№ 9845 и 9851. Покойный П. О. Морозовъ почему то приписать Пушкину другую эпиграмму (см. «Пушкинъ» подъ ред. С. А. Венгерова, IV, с. 222), напечатанную въ сборникѣ, вышедшемъ въ 100 экз., «Его гуссо, Русскій Эроть не для дамъ» (с. 72) и изданномъ безъ обозначенія года (но не раньше 1879) и мѣста (вѣроятно, заграницей). Никакого отношенія ни къ М. Д. Нессельроде, ни къ Пушкину эпиграмма не имѣетъ, такъ какъ была написана, какъ значится въ сборникѣ, «Графинѣ Лидіи Арсеньевнѣ Нессельродѣ, урож. Закревской», во второмъ бракѣ кн. Друдкой-Сokolинской, отличавшейся довольно легкой нравственностью. Эпиграмму слѣдуетъ приурочить ко времени Крымской войны; принадлежить она кажется, С. А. Соболевскому, хотя въ изданныхъ его «Эпиграммахъ и экспромтахъ» подъ ред. В. В. Каллаша (М. 1912. 8°. 146 + 3 стр.) никакихъ намековъ на нее нѣтъ. Въ сборникѣ, видимо, двѣ эпиграммы соединены въ одну; мы ихъ раздѣляемъ чертой. П. О. Морозовъ упоминаетъ только о второй.

Нынѣ вѣкъ насталъ счастливый
 Для сниманья панталонъ,
 Изъ Москвы благочестивой
 Вышелъ сущій Вавилонъ.

Вотъ смотри, дивись и ахай,
 Православный нашъ народъ;
 Такъ и лѣзетъ прямо *ка. х. и*
Ненапа Нессельродъ.
 Дочь—патріота,
 Ненаглядная отцу,
 Въ пользу арміи и флота
 Рада *даль. х. х. и* *отпереду.*

62) Мужъ Софьи Ивановны Борхъ (род. 11 мая 1809 † 3 окт. 1871), графъ Александръ Михайловичъ Борхъ (род. 7 февр. 1804 † 29 іюля 1867) впоследствии директоръ Императорскихъ театровъ, человекъ добрый, но ограниченный. Не на него ли мѣтило также анонимное письмо, полученное Пушкинымъ 4 ноября? См. прим. 35. О С. П. Борхъ см. «Остафьевскій архивъ», т. III, с. 595 и «Записки Смирновой», ч. I. с. 36, прим. 1.

63) Несомнѣнный вздоръ. Кромѣ того, что м-ме Нессельроде была посаженной матерью на свадьбѣ Дантеса («Дуэль» etc., с. 297), послѣдній приходился дальнимъ родственникомъ гр. Нессельроде. Трудно думать, что Дантесъ стоялъ далеко отъ ихъ дома.

64) «Записки Смирновой», ч. II с. 21 и 22.

65) Гр. С. А. Бобринская (р. 4 окт. 1799 † 11 ноября 1866 г. въ Парижѣ), бывшая фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, была въ супружествѣ за извѣстнымъ сельскимъ хозяиномъ и сахарозаводчикомъ

Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ [р. 6 янв. 1800 ÷ 4 окт. 1868 г.), внукомъ Екатерины II. О графинѣ С. А. Бобринской см. также «Архивъ Раевскихъ», т. I, с. 191 прим. 3.

66) «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго», т. VII, с. 223—225.

67) «Записки А. О. Смирновой» ч. II, с. 22.

68) Даниилъ Петровичъ Полозовъ, генералъ-лейтенантъ, участникъ Отечественной войны, род. 1 янв. 1794 г. ÷ 22 ноябрю 1830 г. въ Спб., поступилъ на службу въ III Отдѣленіе въ 1831 г., состоялъ по особымъ порученіямъ при Шефѣ жандармовъ. В концѣ 1830-хъ годовъ ему пришлось принимать участіе въ судьбѣ юноши—Некрасова.

69) Кромѣ Осипа и Виктора Андреевичей Тибо въ Петербургѣ жилъ въ то время еще одинъ Тибо—Людвигъ, служившій учителемъ французскаго языка въ Ларипской гимназій. См. «Мѣсяцесловъ и общій штатъ Россійской Имперіи на 1837 г. Спб. Часть первая». Судя по запискѣ Бенкендорфа, III Отд. предполагало найти автора пасквилией среди иностранцевъ французскаго происхожденія. Ходившія по Петербургу сплетни указывали на нихъ. («Записки А. О. Смирновой», II, с. 10).

70) Россетъ, Клементій Осиповичъ (1811—1866), братъ А. О. Смирновой, состоялъ въ 1837 году, въ чинѣ поручика, офицеромъ при I Отдѣленіи Департамента Генеральнаго Штаба. По словамъ Данзаса, очень спорнымъ, ноябрьскій вызовъ Дантесу былъ посланъ черезъ К. О. Россетъ, котораго Пушкинъ просилъ быть секундантомъ. См. Аммосовъ стр. 10, также «Дуэль», стр. 70.

71) Штеръ, Петръ Андреевичъ (р. 3 сент. 1802 ÷ 27 января 1847) въ то время служилъ цензоромъ Петербургскаго Почтамта. См. «Мѣсяцесловъ на 1837 г.» ч. I, стр. 737. Впослѣдствіи завѣдывалъ разсылкой подписчикамъ перваго посмертнаго изданія А. С. Пушкина. Ср. «Пушкинъ и его современники», вып. XIII, с. 133.

72) Дантесъ, пріѣхавъ въ Россію, не зналъ Русскаго языка. Гр. В. Ѳ. Адлербергъ (впослѣдствіи министръ Императорскаго Двора), котораго Николаі I спрашивалъ, знаетъ ли Дантесъ Русскій языкъ, на удачу отвѣчалъ утвердительно. Въ письмѣ къ Дантесу гр. Адлербергъ совѣтовалъ «взять учителя Русскаго языка». («Дуэль» etc., с. 24). В. В. Никольскій утверждаетъ (см. «Идеалы Пушкина», Спб. 1899, с. 124), что Дантесъ былъ освобожденъ отъ экзаменовъ по Русской словесности, уставу и военному судопроизводству, хотя по Русскому языку ему, видимо, пришлось устроить подобіе экзамена. Въ формулярѣ Дантеса въ графѣ—«Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли»—скавано: «Пороссійски, пофранцузски, понемѣдкн, Географіи и Математикѣ» («Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ», Спб. 1900, с. 35). Дантесъ не сразу поступилъ въ дѣйствующіи эскадронъ полка, а состоялъ два мѣсяца въ 7-мъ запасномъ, потому что «не зная російскаго языка, не можетъ быть переведенъ въ дѣйствующій эскадронъ» (См. «Сборникъ

биографіи кавалергардовъ», 1826—1908, с. 76, примѣчаніе 3). Русскій языкъ Дантесу остался чужимъ, и выучиться ему онъ такъ и не успѣлъ.

73) Записка указываетъ, что совѣтъ гр. Адлерберга не былъ напраснымъ. Дантесъ пробовалъ заниматься Русскимъ языкомъ. Въ числѣ петербургскихъ педагоговъ того времени Висковскаго намъ найти не удалось.

74) Неизвѣстные «доброжелатели» преслѣдовали анонимными письмами Пушкина, стараясь его осведомить о поведеніи Natalie. Такъ, напримѣръ незадолго до дуэли поэта извѣщали о состоявшемся на квартирѣ Идалии Полетики свиданіи Пушкиной съ Дантесомъ, что и было поводомъ для поэта отослать извѣстное письмо старшему Геккерену. Анонимное письмо до насъ не дошло, но о существованіи его мы знаемъ изъ разсказа дочери Натальи Николаевны, А. П. Араповой, рожд. Ланской. (См. «Новое Вр.» 1908, № 11426, 2 янв.) и изъ «Военно-суднаго дѣла». Комиссія запрашивала Дантеса: «не извѣстно ли ему кто писалъ въ Ноябрь мѣсяцъ и послѣ того къ Г. Пушкину отъ неизвѣстнаго письма»; аудиторъ Масловъ настаивалъ спросить жену Пушкина: «не извѣстно ли ей какіе именно безименныя письма получалъ покойный Мужъ ея». («Военно-судн. дѣло», с. 75 и 77).

75) Третьяго февраля 1837 года императоръ Николай I писалъ своей сестрѣ Аннѣ Павловнѣ, бывшей замужемъ за наследникомъ Нидерландскаго трона, Вильгельмомъ: «Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этихъ дняхъ пишу ему, мнѣ надо много сообщить ему объ одномъ трагическомъ событіи, которое положило конецъ жизни весьма извѣстнаго Пушкина, поэта: но это не терпитъ любопытства почты». («Дуэль» сс., с. 28:). Письмо къ Вильгельму до насъ не дошло. Безъ сомнѣнія, Императоръ въ немъ далъ отрицательную характеристику Нидерландскому посланнику, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить нежеланіе Николая писать по почтѣ. Перлюстрація корреспонденціи уже тогда примѣнялась въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Откровенно, безъ всякихъ оговорокъ, высказываетъ свое мнѣніе о Геккеренѣ Императоръ въ письмѣ къ брату, Михаилу Павловичу, въ тотъ же день, какъ и сестрѣ, т. е. 3 февраля. «Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоле Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца Геккерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop. Пушкинъ

погибъ, и слава Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тому толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться—чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ, равно какъ Давзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудеть». («Русск. Ст.», 1902, V, с. 225 и 226).

76) О томъ, какъ популяренъ былъ Пушкинъ, и какъ его встрѣчала провинція въ началѣ тридцатыхъ годовъ см. любопытныя статьи: Д. Н. Соколовъ, «Пушкинъ въ Оренбургѣ» («Пушкинъ и его современники», вып. XXIII—XXIV, II, 1916), Е. А. Бобровъ, «Пушкинъ въ Казани» (*ibidem*, вып. II, Спб. 1904); о пребываніи поэта въ Казани см. также воспоминанія А. А. Фуксъ («Казанск. Губ. Вѣд.» 1844 г. № 2) и брошюру А. С. Архангельскаго «А. С. Пушкинъ въ Казани (5—8 сентября 1833 года). Нѣсколько замѣтокъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани съ присоединеніемъ относящихся къ этому литературныхъ матеріаловъ» (Казань 1899 г.). П. Суворовъ «Пушкинъ въ Ланшевѣ» («Московск. Вѣд.» 1901 г. № 323). В. Н. Поливановъ «А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ» («Историч. Вѣстн.» 1899, августъ), Д. Лебедевъ, «А. С. Пушкинъ и симбирскіе старожилы» («Московск. Вѣд.», 1901, № 242), кн. Баюшевъ «Изъ записокъ о быломъ» («Московск. Вѣд.» 1883 г. № 335), Н. А. Державинъ, «А. С. Пушкинъ въ Симбирск. губ.» («Нива», 1913 г. № 36). М. Ф. Де-Пуле «Отецъ и сынъ», опытъ культурно-біографической хроники («Русскій Вѣстн.», 1875, августъ, с. 610). См. также прим 1—9.

77) См. извѣстное письмо В. А. Жуковскаго послѣ смерти А. С. Пушкина къ его отцу Сегію Львовичу. («Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. А. Маркса, II, 1902. т. X. с. 59 и сл.)

78) «Дуэль» etc., с. 384.

79) Подробный перечень писемъ по поводу смерти Пушкина приведенъ въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго «Смерть Пушкина» («Пушкинъ и его современники», вып. VI. Спб. 1908 г., стр. 98—100, примѣчаніе).

80) Записки нами получены отъ г-жи Ф. Шернъ чрезъ проф. Л. К. Ильинскаго, за что приносимъ имъ свою благодарность. Забѣтка помѣщена въ тетради *in folio* средъ разлпчныхъ записей — отрывковъ воспоминаній, домашнихъ рецензовъ и т. п.—и вклеенныхъ немногочисленныхъ писемъ къ А. С. Андрееву преимущественно сослуживцевъ по Училищу Правовѣдвія. Алексѣй Симоновичъ Андреевъ (р. 18 марта 1792 г.

† 8 сент. 1863 г.) былъ воспитателемъ и преподавателемъ математики съ 1835 по 1850 г., потомъ директоромъ Карточной Экспедиціи. Его характеристику см. въ воспоминаніяхъ В. В. Стасова «Училище Правовѣднія 40 лѣтъ тому назадъ въ 1836—1842 г.» («Русск. Ст.» 1880 г. декабрь, с. 1025 и 1026 и «Собраніе сочиненій», Спб. 1894 г., т. III, с. 1592, 1593, 1627 и 1628), И. А. Тютчева «Въ Училищѣ Правовѣднія 1847—1852 г.» («Русск. Ст.» 1885 г., декабрь, с. 663, 1886 г. февраль, с. 369), К. К. Арсеньева «Воспоминанія объ Училищѣ Правовѣднія 1849—1855 г.» («Русск. Ст.» 1886 г., апрѣль, с. 204). Его портретъ (силуэтъ XIV) помѣщенъ въ книгѣ М. М. Молчанова «Полвѣка назадъ. Первые годы Училища Правовѣднія. Издалъ одинъ изъ 1407 кончившихъ въ ономъ курсѣ, выпуска 1845 г. Съ рисунками». Спб. 1892 г., на с. 56. Каково было впечатлѣніе у воспитанниковъ отъ смерти Пушкина, мы узнаемъ изъ воспоминаній В. В. Стасова. «Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего поступленія въ училище Пушкинъ убитъ былъ на дуэли. Это было тогда событіе, взволновавшее весь Петербургъ и даже наше училище; разговорамъ и сожалѣніямъ не было конца... Стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало насъ... Мы волновались, приходили на кого то въ глубокое негодованіе, плакали отъ всей души, наполненной геройскимъ воодушевленіемъ, готовые, пожалуй, на что угодно... Со мной же самымъ случилось, изъ за Пушкина, очень серьезная, по тогдашнему исторія.. Сижу я читаю, какъ сейчасъ помню «Братьевъ разбойниковъ» Пушкина... Кто то вошелъ въ классъ. Я встрепенулся только отъ ласкового голоса... Что ты читаешь, Володя? Это былъ директоръ Пошманъ. Онъ подошелъ къ себѣ книгу, взглянулъ—стихи! повернулъ заглавіе—Пушкинъ!!!... Въ одно мгновеніе все между нами перемѣнилось. Куда дѣвался ласковый тихій голосъ, куда пропали любезныя слова... Не желая самъ наказывать говѣшаго въ то время Стасова, Пошманъ отправилъ его къ священнику Училища, который лишилъ его причастія, и только послѣ многихъ слезъ Стасовъ былъ прощенъ и о его «преступленіи» забыт. (См. «Русск. Ст.» 1881 г. февраль, с. 410—412); о Семенѣ Антоновичѣ Пошманѣ (р. 1788 † 29 дек. 1847)—первомъ директорѣ училища—(1835—1848)—см. въ упомянутыхъ выше работахъ.

81) И. Т. Спасскій (род. 1795 † 13 янв. 1861), профессоръ Медико-хирургической академіи, врачъ и профессоръ судебной медицины въ Училищѣ Правовѣднія съ 1835 года, членъ масонской ложи «zu dreuen Degen» в Галле, былъ домашнимъ врачомъ Пушкина, но «Пушкинъ мало имѣлъ къ нему довѣрія». (Аммосовъ, стр. 31). Послѣ смерти поэта Спасскій получилъ на память его трость съ серебрянымъ набалдашникомъ. Въ 1858 году Спасскій заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ и черезъ годъ скончался. О немъ см. В. Верекундовъ «Историческій очеркъ кафедры діагностики и общей терапіи въ И. В. Мед. Академіи». Спб. 1898 г. с. 34, 49—57, 80 и 136 и статью Н. Кульбина въ «Русск. Біограф. Слов.»; тамъ же приведена и болѣе подробная бібліографія.

82) Принцъ Петръ Георгіевичъ (Константинъ - Фридрихъ - Петръ) Ольденбургскій (р. 14 авг. 1812 г. † 2 мая 1881 г.), извѣстный благотворитель и дѣятель по народному, преимущественно женскому, образованію былъ основателемъ и первымъ попечителемъ Училища Правовѣдѣнія. По проекту Принца, выработанному совместно со Сперанскимъ, Училище было открыто 5 декабря 1835 года въ зданіи, купленномъ на личные средства Принца. О дѣятельности Принца, несомнѣнно исключительной для такого высокопоставленнаго лица (Петръ Георгіевичъ былъ сынъ Георгія Петровича Ольденбургскаго и вел. кн. Екатерины Павловны, дочери Павла I) существуютъ нѣсколько казенныхъ дивирамбовъ (библіографію см. «Русскій біографическій словарь»), гдѣ подчеркивается его дѣятельность, какъ попечителя Училища Правовѣдѣнія. Среди воспоминаній нѣкоторыхъ правовѣдовъ о Принцѣ отмѣтимъ сдержанную характеристику К. К. Арсеньева: «Послѣ выпуска изъ училища... мы пріучились цѣнить въ его высочествѣ преимущественно основателя училища, честно сослужившаго свою трудную службу» («Русск. Ст.» 1886 г., апр., с. 220) Перу Принца принадлежатъ «Баллада — Евтерпе и Терпсихора» (1863), «Воспоминанія о 30 сент. 1864 г. (1864) и переводъ на французскій языкъ «Пиковой дамы» въ 1834 году.

83) О происхожденіи Дантеса см. «Дуэль» etc. с. 13 и прим. 124. Слухъ о тяжелой ранѣ Дантеса проникъ даже въ заграничную печать. Такъ въ «Journal des Débats» 28 февраля было напечатано, что Дантесъ «а aussi été grièvement blessé».

84) Ясно, что Андреевъ не былъ на отпѣваніи тѣла Пушкина, такъ какъ оно состоялось 1 февраля. Вѣроятно, преподавателямъ училища было запрещено присутствовать, какъ и профессорамъ университета. См. «Записки и дневникъ» Никитенко, т. I, с. 382.

85) Слухъ распространенный въ то время. См. въ текстѣ на с. 36, 37 и 39 анонимныя письма къ А. Ѡ Орлову и В. А. Жуковскому.

86) Никакихъ разночтеній съ текстомъ, напечатаннымъ П. Е. Щеголевымъ въ «Дуэли» (с. 197—199), записка не представляетъ.

87) Въ этомъ отношеніи интересно «Дѣло о Надворномъ Совѣтникѣ Чижовѣ» («Архивъ III Отд.» № 81, ч. 15). Федоръ Васильевичъ, крупномъ общественномъ и промышленномъ дѣятелѣ, литераторѣ, примыкавшемъ по своимъ взглядамъ къ славянофиламъ. Отправившись вторично въ заграничное путешествіе въ 1846 году, Чижовъ неосторожно поговорилъ съ агентомъ русскаго, точнѣе варшавскаго, сыска и при возвращеніи въ 1847 году былъ на границѣ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ въ III Отдѣленіе. Здѣсь ему были предложены вопросы о его дѣятельности, связяхъ и убѣжденіяхъ. Чижовъ далъ обширное показаніе, гдѣ высказалъ горячо, но довольно туманно, свои славянофильскія чаянія и взгляды. Его горячность была найдена Императоромъ, который читалъ показанія Чижова, неумѣстной. По этому поводу Шефъ жандармовъ гр. Орловъ дѣлаетъ (л. 148) такого рода замѣтку, предназначая ее вниманію Л. В. Дубельта:

«Г. Императоръ изволилъ мнѣ приказать лично видѣться съ Г-омъ Чижовымъ, благодарить его за откровенность, доказывающую, что онъ честный человекъ, посоветовать ему не увлекаться слишкомъ выспревными идеями, происходящими однакожъ отъ хорошаго начала, и сказать ему, что по вышеозначеннымъ предначертаніямъ онъ можетъ продолжать свои литературныя занятія и позволено ему на мѣсто цензуры присылать ихъ ко мнѣ.

Развѣи эти краткія слова и привези завтра къ представленію Г. П. на утвержденіе.

Государь поставилъ мнѣ въ примѣръ Полевого, который до тѣхъ поръ какъ такое же было ему дано позволеніе, совсѣмъ перемѣнилъ направление своихъ сочиненій.

Къ этой резолюціи гр. Орлова Дубельтъ дѣлаетъ любопытную приписку: «Могу смѣло сказать, что Полевого и Надеждина я переродилъ». О своихъ мытарствахъ рассказано Чижовымъ въ «Историч. Вѣстн.» 1883, августъ, стр. 241—262.

88) См. въ текстѣ с. 46 всеподданнѣйшій докладъ Шефа жандармовъ его переписку съ Императоромъ, а также «Дуэль» etc., с. 230, 246, 247 и 253.

89) «Дуэль» etc., с. 299.

90) «Дуэль» etc., с. 323.

91) См. донесеніе саксонскаго посланника барона Лютцереде отъ 18—6 февраля 1837 года. «Дуэль» etc., с. 375.

92) Донесеніе отъ 14 февраля. «Дуэль» etc., с. 353.

93) «Дуэль» etc., с. 385. «Донесенія г-на Либермана», замѣчает П. Е. Щеголевъ «самыя характерныя въ ряду дипломатическихъ свидѣтельствъ о дѣлѣ Пушкина. Имъ нельзя отказать въ освѣдомленности, иногда довольно детальной, повидимому, съ голоса старшаго Геккерена, но они проникнуты духомъ крайней нетерпимости къ Пушкину». *Ibidem*, с. 380.

94) См. черновики этой въ высшей степени интересной записки съ предисловіемъ и замѣтками П. Е. Щеголева въ его работѣ «Дуэль» etc. с. 229—255. Въ скобкахъ поставлено зачеркнутое Жуковскимъ. Рекомендуемъ познакомиться съ содержаніемъ письма, которое несомнѣнно вышло изъ подъ пера Жуковскаго послѣ похоронъ поэта, и которое представляетъ изъ себя уничтожающую критику всѣхъ жандармскихъ мѣръ, принятыхъ Николаемъ въ Бенкендорфомъ, а также доказываетъ нелѣпость городскихъ слуховъ и явныхъ сплетенъ. Письму предшествовалъ конспектъ, сохранившійся въ собраніи А. Θ. Олѣгина и частью напечатанный П. Е. Щеголевымъ. См. «Дуэль» etc. с. 283 и прим. 157.

95) Переводъ письма напечатанъ П. Е. Щеголевымъ. «Дуэль» etc., с. 265, 266. Ранѣе письмо въ выдержкахъ было помѣщено въ «Русск. Арх.» 1879, VIII, с. 556 и сл., а полностью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1905, январь, и въ книгѣ Щеголева «Пушкинъ», Спб. 1912 г., с. 312 и сл.

96) «Дуэль» etc., с. 264.

97) Письмо Жуковскому имѣеть почтовый штемпель: «городская почта 1837, генваря 30. Утро». Заклеено письмо чернымъ сургучемъ. Писано оно на бумагѣ in 4° безъ водяныхъ знаковъ.

98) Въ оригиналѣ описка: «потрея».

99) Въ письмѣ пропущено «р»: «презѣнный».

100) Записка въ приводимомъ нами переводѣ напечатана въ «Дуэли» etc. с. 221 съ помѣткой П. Е. Щеголева: «не поздѣте 3 февраля 1837 года». Теперь есть основаніе дату установить точно: 2 февраля.

101) «Дуэль» etc., с. 221 и 222

102) Письмо написано такъ же, какъ и черновикъ, на листѣ почтовой бумагѣ большого формата зеленоватаго цвѣта со штампомъ Н. И. П. Б. Ф.

103) Первое письмо было послано Жуковскимъ 2 февраля съ приложеніемъ объявленій — одного объ изданіи сочиненій Пушкина, а другого о продолженіи изданія «Современника» на 1837 годъ. И письмо и объявленія напечатаны С. Сухонинымъ въ «Дѣлахъ III Отд.» etc., с. 173 — 176 съ резолюціей гр. Бенкендорфа по этому поводу.

104) Справка Мордвинова по дѣлу изданія сочиненій Пушкина и «Современника», отвѣтъ гр. Бенкендорфа Жуковскому и другіе документы помѣщены въ «Дѣлахъ III Отд.» etc., с. 177—сл. Записка Бенкендорфа по вѣщности не представляетъ ничего особеннаго съ другими его записками, она также покрыта лакомъ, форматъ бумага in 4°.

105) Письмо послано было въ конвертѣ; ни адреса, ни почтоваго штемпеля на немъ не имѣется. О томъ, что гр. Орловъ получилъ его по почтѣ, мы знаемъ изъ его записки Императору. См. текстъ с. 41.

106) Авторъ передаетъ распространенный тогда, но невѣрный слухъ, что Дантеса уже судили и приговорили къ разжалованію въ солдаты. См. въ текстѣ на с. 30—32 замѣтки А. С. Андреева.

107) Писана чернилами, вмѣсто подписи Бенкендорфъ поставилъ характерный для него росчеркъ.

108) Князь Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, (р. 8 октября 1786 года † 9 мая 1861 г.) сынъ гр. Ѳ. Г. Орлова и Ярославовой, до 10 лѣтъ считался «воспитанникомъ» графа, и только въ 1796 году по просьбѣ отца императрица Екатерина признала за нимъ дворянскія права, фамилію и гербъ Орловыхъ. Получивъ домашнее образованіе, онъ нѣкоторое время былъ въ пансіонѣ аббата Николая, послѣ чего въ 1801 году поступилъ на службу въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1804 году онъ юнкеръ лейб-гвардіи Гусарскаго полка, вскорѣ производится въ корнеты и, начиная съ 1805 года, принимаетъ участіе въ начавшихся войнахъ. Въ 1819 году командиръ лейбъ гвардіи Коннаго полка, а въ 1820 г. генералъ адъютантъ. Орловъ не разъ получаетъ различныя приказанія императора Николая, посылается съ дипломатическими порученіями къ различнымъ Дворами и вездѣ точно выполняетъ повелѣнія Царя. Особенно Орловъ сталъ близокъ Николаю послѣ 14 декабря, выказавъ энергію, храбрость и находчивость. Еще будучи командиромъ полка, Орловъ отличался, какъ

гонитель либеральныхъ идей, обращая особенное вниманіе на военную молодежь. За 14 декабря ему было пожаловано графское достоинство. Послѣ смерти Бенкендорфа онъ былъ назначенъ Шефомъ жандармовъ и выказалъ себя гонителемъ литературы и литераторовъ. Близкій къ Николаю I, пользовавшійся его неограниченнымъ довѣріемъ, Орловъ былъ въ большомъ почетѣ и при его преемникѣ. Александръ II назначилъ его председателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, а въ годъ коронаціи пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ. Авторъ приводимаго въ текстѣ письма несомнѣнно хорошо былъ освѣдомленъ о близости гр. Орлова къ Государю, поэтому онъ достигъ своей цѣли: его взгляды на смерть Пушкина и на положеніе Россіи сдѣлались извѣстными Николаю Павловичу. Но едва ли онъ ожидалъ, что гр. Орловъ окажется союзникомъ Бенкендорфа. Гр. А. Ѳ. Орловъ былъ роднымъ братомъ декабриста М. Ѳ. Орлова, записку котораго о тайномъ обществѣ, поданную Слѣдственной комиссіи, онъ не могъ не знать. Въ ней М. Ѳ. Орловъ откровенно говорилъ: «Для оболъщенія меня были употреблены разныя средства. 1-е закляпаніе дружбы и все, что можно только исполнить посредствомъ просьбъ и уговоровъ. 2-е самолюбіе, напоминая, что я первый въ Россіи говорилъ языкомъ свободомыслія, и что онъ безъ меня, какъ тѣло безъ души. 3-е любовь къ отечеству, говори, что Россія стоитъ на краю пропасти, что надобно всѣмъ честнымъ людямъ имѣть тѣсную связь, дабы при случаѣ раздался стечественный отголосокъ. 4-е честолюбіемъ» и т. д. (См. М. В. Довнаръ-Запольскій, «Мемуары декабристовъ» Кіевъ, 1906, с. 9). А. Ѳ. Орловъ отдаетъ должное собственной проицательности и устойчивости: онъ знаетъ, что онъ стоитъ. Ему также анонимное письмо должно было напомнить памятный день, а взгляды и тактика автора письма—друзей его брата—декабристовъ.

109) Письмо in 8° съ вензелемъ А. О.

110) Дѣло «о перевозкѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія во Псковскую губернію» находится въ Россійской Публичной Библіотекѣ (см. «Отчетъ за 1900 и 1901 г.г.» Спб. 1905 г., с. 233) и напечатано Н. О. Лернеромъ въ «Русск. Ст.» (1901 г. февраль, с. 453—457). Какъ видно изъ дѣла, всѣ распоряженія были отданы Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовымъ послѣ письма къ нему Г. А. Строганова отъ 1 февраля 1837 года. Д. Н. Блудовъ писалъ Петербургскому генералъ-губернатору, Псковскому губернатору Пешурову, а также (беръ прокурору Святѣйшаго Синода. Гр. Бенкендорфъ чрезъ А. Н. Мордвинова дѣлаетъ самостоятельное распоряженіе. А. Н. Мордвиновъ второго же числа пишетъ Пешурову, чтобы онъ, по приказанію Государя Императора, воспретилъ «всякое особенное изъявленіе, всякую встрѣчу, однимъ словомъ всякую церемонію, кромѣ того, что обыкновенно по нашему Церковному обряду исполняется при погребеніи тѣла дворянина. Къ сему неизлишнимъ считаю [присовокупить], что отпѣваніе тѣла уже здѣсь совершено». (Б. Л. Модзалевскій «Смерть Пушкина», Пушк. и его соврем., вып. VI, Спб. 1908, с. 109 и 110),

О высочайшей волѣ было сообщено и Псковскому архіепископу Нафану, который предписалъ 4 февраля также, чтобы «не было никакого особливаго изъясненія, никакой встрѣчи, никакой церемоніи», и добавилъ, что «отпѣваніе тѣла совершено уже въ С.-Петербургѣ». См. также объ этомъ: «Псковскіи Городской Листокъ» 1896, № 72; «Московскіи Листокъ», 1899 г. № 69; Игуменъ Іоаннъ, «Описаніе Святогорскаго Успенскаго Монастыря» Псковъ, 1899 г. с. 154—155. В. П. Острогорскіи, Альбомъ «Пушкинскіи уголокъ» М. 1894 г., с. 75—77. П. П. Васильевъ. «Слѣды пребыванія Пушкина въ Псковской губерніи». Спб. 1899, с. 47—49.

111) Алексѣй Ивановичъ Маловъ (р. 1787 + 31 октября 1855 г.), воспитаникъ Петербургской Духовной Академіи, магистръ богословія, извѣстный проповѣдникъ и духовный писатель, вмѣстѣ съ А. С. Пушкинымъ, П. А. Катенинымъ, М. Н. Загоскинымъ и Д. П. Языковымъ былъ избранъ по предложенію президента Россійской Академіи А. С. Шишкова въ дѣйствительные члены ея 7 января 1833 года, а по упраздненіи Россійской Академіи въ 1841 г. переименованъ почетнымъ членомъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Одно время состоялъ протоіереемъ Псакиевскаго Собора. Онъ отпѣвалъ поэта. Насколько правильны были предположенія Николая I, заподозрившаго Малова въ авторствѣ письма, сказать трудно; изъ архива III Отдѣленія этого не видно, не имѣется никакихъ бумагъ и въ секретномъ архивѣ.

112) «Дуэль» etc, с. 210 и 211; см. также интересное «Введеніе» къ письму Жуковскаго тамъ же с. 207 и сл.

113) Резолюція Императора написана карандашомъ на бумагѣ in 8° съ вытѣсеннымъ въ лѣвомъ углу фабричнымъ клеймомъ, и покрыта лакомъ. Этой запискѣ мы придаемъ большое значеніе. Изъ нея можно заключить, каковы были отношенія Николая Павловича къ поэту въ моментъ борьбы Пушкина со смертью, и что всѣ распоряженія, самыя мелочныя, въ это время исходили именно отъ Императора. Бенкендорфъ былъ ширма и исполнитель. Изъ документовъ видно, что всѣ сношенія велись по записочкамъ, которыя потомъ бережно хранились въ особо секретномъ архивѣ III Отдѣленія. Дѣлу Пушкина придавали значеніе исключительной государственной тайны. П. Е. Щеголевъ, разбирая исторію съ запиской Николая Павловича, посланной Пушкину съ Арендтомъ, находитъ ее загадочной и даже сомнѣвается въ ея существованіи. Между прочимъ онъ пишетъ: «Совершенно непонятно, почему Арендту было приказано не оставлять записки Пушкину, а только прочесть и вернуть обратно». («Дуэль» etc, с. 158). Арендтъ, по словамъ А. П. Тургенева, не получилъ позволенія Императора оставить записку, иначе она имѣла бы значеніе рескрипта, чего на самомъ дѣлѣ не было. Самый фактъ существованія записки, писанной карандашомъ, по нашему твердому убѣжденію, вполне правдоподобенъ и косвенно подтверждается манерой переписки въ это время императора Николая, графа Бенкендорфа и другихъ между собой.

114) Всеподаннѣйші отчеты писались на прекрасной бумагѣ и были вставлены въ кожаныя папки съ золотымъ тисненіемъ. Помѣщались они въ особомъ шкапу красного дерева. Дверцы шкапа имѣли по рельефному деревянному государственному гербу. По преданію шкафъ подаренъ III Отдѣленію самимъ Императоромъ. Къ сожалѣнію и шкафъ, а главное—самые отчеты подверглись порчѣ во время нападенія толпы во время февральской революціи. Впловникомъ разрушенія, по нашему мнѣнію, явился архивъ Галиційскаго митрополита Шептицкаго, находившійся рядомъ со шкапомъ въ прекрасныхъ цинковыхъ баулахъ, которые для толпы оказались подозрительными и подверглись большому разрушенію, а бумаги значительной порчѣ. Несомнѣнно, въ нихъ думали найти дѣяности матеріальнаго характера. Интересно, что дѣяности бумаги—свыше чѣмъ на полмилліона кронъ—были оставлены безъ всякаго вниманія; грабившіе не поняли ихъ стоимости. Документы, бывшіе въ той же комнатѣ—дѣла декабристовъ, секретный архивъ—мало пострадали. Шкафъ пострадалъ основательно, какъ и нѣкоторые года отчетовъ, которые были мелко искрошены шапками. Вообще архивъ III Отдѣленія оказался почти не тронутымъ, если не считать разломанныхъ шкаповъ съ карточками, служившими указателемъ къ дѣламъ Департамента полиціи и стоявшими въ архивѣ III Отдѣленія. Въ «Картотекаѣ» нападавшіе почему то обрушились на самый конедъ алфавита. О состояніи Департамента полиціи см. прим. 4.

115) Въ «отчетѣ» и донесеніи московскаго агента на одномъ звукѣ не упомянуто о стихахъ Лермонтова «Смерть поэта». Особенно странно, что ничего объ этомъ не сообщаетъ Кашинцовъ (см. прим. 116) въ донесеніи отъ 20 февраля, хотя стихи Лермонтова быстро распространились по Москвѣ въ самыхъ первыхъ числахъ февраля, а А. П. Тургеневъ уже 10 числа высылалъ ихъ изъ Петербурга въ Тригорское (П. А. Осиповой («Пушкинъ и его современники», I, с. 58).

116) Объ этомъ любопытномъ освѣдомителѣ III Отдѣленія уже пропикли нѣкоторыя свѣдѣнія въ печать, но мы позволяемъ себѣ въ настоящемъ примѣчаніи остановиться нѣсколько подробнѣе на немъ. На основаніи его грязныхъ сплетенъ и мелкихъ пересудовъ высшая цензура Россійскихъ правовъ составляла свои характеристики лучшимъ людямъ литературнаго лагеря и міра ученыхъ.

Николай Андреевичъ Кашинцовъ родился въ селѣ Юрчаковѣ Владимирской губерніи въ 1799 году, въ старой помѣщичьей семьѣ, получилъ домашнее образованіе и съ 1819—1822 г. состоялъ вольнослушателемъ Московскаго Университета. Зачисленный на службу въ 1807 году во Владимирское губернское управленіе, Кашинцовъ въ 1810 году получилъ первый классный чинъ. Въ 1832 году не безъ протекціи «неудобозабываемаго» Л. В. Дубельта, которому Кашинцовъ приходился родственникомъ, онъ былъ по высочайшему повелѣнію принятъ на службу въ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи «для наблюденія за всѣми выходящими въ Москвѣ періодическими изданіями». Объ этомъ

говорить между прочимъ П. Бартевевъ въ предисловіи къ «Письмамъ Пушкина къ П. В. Нащокину» («Деятнадцатый вѣкъ», историч. сборникъ, издаваемый П. Бартевевымъ, кн. I. М. 1872 г., с. 402): «Быль въ Москвѣ нѣкто К... родственникъ извѣстнаго Леонтія Васильевича Дубельта. Онъ получилъ чрезъ послѣдняго должность въ Москвѣ, состоящую въ томъ чтобы частнымъ образомъ слѣдить за литературой». Съ 1841 года Кашищцовъ числится чиновникомъ особыхъ порученій III Отдѣленія и находится въ дѣятельной перепискѣ съ Дубельтомъ, который тоже иногда общивается съ нимъ письмами. Такъ среди бумагъ Кашищцова, послѣ его смерти, нашлось письмо его «друга и роднаго благодѣтеля», какъ онъ называетъ постоянно Дубельта, интереснаго содержанія. Письмо написано 21 января 1841 года. «Ты увѣдомляешь меня, мой добрый другъ Николай, о болѣзненномъ положеніи и о нуждѣ, въ которой находится Н. А. Полевой; объ этомъ нашъ отецъ и командиръ докладывалъ Государю, а Царь Богатырь нашъ сейчасъ повелѣлъ послать къ Полевымъ 2000 руб. Любуйся еще однимъ твоимъ добрымъ дѣломъ. Дружески обнимаю тебѣ. Л. Дубельтъ». (И. Лядовъ, «Воспоминанія о Н. А. Кашищцовѣ». «Влад. Губ. Вѣд.» 1871 г., № 31 отъ 30 іюля). Въ 1850 году Н. А. Кашищцовъ выходитъ по болѣзни въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Скончался онъ у себя въ имѣніи, близъ Шуи, 10 января 1870 года, хотя и въ чинѣ д. с. с., но такъ и оставшись до конца своихъ дней камеръ-юнкеромъ. Это званіе имъ было получено еще въ 1832 г.

Вѣроятно выборъ на Кашищцова, какъ освѣдомителя о литературной Москвѣ, палъ потому, что онъ былъ знакомъ со многими профессорами и писателями Первопрестольной, да и самъ не чуждался литературства. Его перу принадлежатъ стихи, написанные по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ и изданные отдѣльно. Стихи на коронаваніе Императора Николая I, «Стихи на прибытіе въ Москву чрезвычайнаго Посла Персидскаго Принца Хозрева Мирзы Іюля 14 дня 1829 г.» (М. 1829 г. 4°); Стихи на прибытіе Императора Николая I въ Москву въ 1830 г. (о нихъ см. «Записки С. Н. Глинки» Спб. 1895 г. 8°, с. 353) и др. Ему же принадлежитъ брошюра «Записка о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки», изданная въ Петербургѣ III Отдѣленіемъ въ 1837 г.; на нее была весьма хвалебная рецензія въ «Библиотекѣ для чтенія» (1837, XLI). На пѣсню Кашищцова «Прощаніе съ соловьемъ», почему то приписываемую и Дельвигу, А. А. Алябевъ написалъ музыку, изданную въ 1828 г. Приводимъ ее здѣсь, какъ лучшее произведеніе Н. А. Кашищцова.

Ты прости нашъ соловей,
Голосистый соловей,
Тебя больше не слыхать,
Нашъ тебѣ ужъ не плѣнять.
Не отъ лютыя зимы,
Соловей, несешьъ ты.

Не веселый край сманилъ,
 Но злой рокъ тебя сгубилъ.
 Твоя воля отнята,
 Крѣпко клѣтка заперта,
 Ахъ! прости нашъ соловей,
 Голосистый соловей!
 Пѣсню намъ прощальну спой;
 Пусть волшебный голосъ твои
 Перелетомъ вѣтерка
 Насъ плѣнитъ издалека.

Подробнѣе объ этомъ см. въ брошюрѣ Гр. Тимофѣева «А. А. Алябьевъ» М. 1912. с. 21 и 22. Фельетонъ «Петербургскаго сторожика», «Алябьевъ и его соловей» («Новое Вр. 1882 г. № 2106,») грѣшитъ фактическими неточностями.

Источникамъ донесеній Н. А. Кашинова обыкновенно служили сплетни, толки въ различныхъ московскихъ кругахъ, наушничества добрыхъ знакомыхъ освѣдомителя, хотѣвшихъ, чтобы ихъ словесные доносы дошли до III Отдѣленія, и изрѣдка документы, которые попадали въ руки Кашинова. У насъ есть свѣдѣнія (см. упомянутое выше предисловіе П. Бартевева), какъ Н. А. Кашиновъ выпросилъ письма Пушкина у П. В. Нащокина «на одинъ день для прочтенія съ семействомъ» и задержалъ такъ долго, что Нащокинъ одно время считалъ ихъ для себя погибшими. Немногіе пользовались доброжелательностью агента политической полиціи, они тонули въ огромномъ числѣ его недруговъ, на которыхъ Кашиновъ инсинуировалъ, какъ могъ. Истинно дружески относился онъ только къ братьямъ Полевымъ. Для Н. Полевого Кашиновъ много сдѣлалъ. Если М. В. Дубельтъ «переродилъ» (см. прим. 86) Полевого, то этому перерожденію много способствовалъ и Кашиновъ. Онъ много хлопоталъ о пенсіи Н. Полевого, неустанно заботился о немъ въ послѣдствіи и являлся своеобразной протекціей въ III Отдѣленіи. Братья Полевые также дарили его своимъ расположеніемъ. Н. Полевой, описывая успѣхъ своей пьесы «Дѣдушка русскаго флота», просить брата въ письмѣ отъ 24 ноября 1838 года передать «эти новости моему доброму Льву Михайловичу Цынскому и Н. А. Кашинову—они не оставили меня въ горѣ и порадуются моей радости» («Записки К. А. Полевого, Спб. 1888. с. 447). 20 марта 1841 г. Н. А. Полевой сообщаетъ К. Полевого, что «пріѣхалъ изъ Москвы добрякъ нашъ Н. А. Кашиновъ, съ своимъ гладенькимъ паричкомъ, обширными видами на добро при маленькихъ средствахъ, съ рѣшимостью говорить смѣло и трепещущій, если Марко въ передней Леонтія Васильевича скажетъ ему: Николаій Андреечъ! не хоропо-сь!... Съ Ник. Андр. разстались мы дружески; я еще болѣе увѣрился что онъ доброе, неопытное дитя и искренно желаетъ намъ добра, но что ничего сдѣлать онъ не можетъ» (ibidem, с. 516 и 518). «Читая донесенія

Кашинцова», пишет А. А. Шиловъ («Голосъ Минушаго», 1918, № 4—6. с. 237), «трудно удержаться отъ чувства брезгливости: ничѣмъ неприкрытая лесть, скверное подхалимство передъ Дубельтомъ и подленькія заискиванія передъ нимъ, откровенные доносы съ раскапываніемъ всякихъ грязныхъ исторій, выставленія на видъ своихъ патриотическихкихъ чувствъ и ханжество, дѣлаютъ его донесенія положительно неудобочитаемыми». Такая характеристика донесеній московскаго осведомителя окажется почти снисходительною послѣ знакомства со стилемъ, а главное съ содержаніемъ ихъ. Не имѣя возможности и не считая нужнымъ приводить ихъ въ большомъ количествѣ, мы обратили вниманіе на «доклады» Кашинцова, которые попали въ «Дѣло объ Украинно-Славянскомъ Обществѣ» (Архивъ III Отд., № 81, часть 18). Открываются доносы Кашинцова отъ 28 апрѣля 1847 года отвѣтомъ Дубельту на секретное предписаніе послѣдняго собрать необходимыя свѣдѣнія. «Я уповаю Вамъ Превосходительство», пишетъ Н. А. Кашинцовъ, «что Вы изволите быть твердо увѣрены въ неизмѣнномъ пламенномъ усердіи моемъ выполнять приказанія моего Благодѣтельнаго начальства при невыразимой благодарности и довѣрїи которымъ меня изволите удастанвать. Не премину, сколько возможно, незамедлительно, докладывать Вамъ о томъ, что оказывается будетъ въ моихъ совершенно секретныхъ наблюденіяхъ, заслуживающаго вниманія Вашего» (л. 18). 10 мая Кашинцовъ снова доноситъ «родному благодѣтелю» Л. В. Дубельту и проситъ отвѣта, «ибо я столько дорожу всѣмъ тѣмъ, о чемъ удастанваете меня довѣріемъ, что нетерпѣливо желаю узнать, дойдутъ ли до Васъ мои усерднѣйшіе доклады... Содержаніе его [пакета] я, прочитавъ, запечатлѣвалъ въ моемъ сердцѣ для ревностнаго выполненія Вашихъ приказаній». Жалуясь на больные глаза, Кашинцовъ сознается, что даетъ переписывать свои доносы конторщику Ивану Кустову «рука его, какъ кажется, могу быть увѣреннымъ, не будетъ рукою предателя... Дай Боже, чтобы Вы, мой родной благодѣтель, были совершенно здоровы. Васъ отъ всей души глубоко чтущій и приверженный и т. д.» (л. 25).

Господа ученые и литераторы, испытывая на себѣ благосклонное вниманіе Н. А. Кашинцова, не пользовались его расположеніемъ. Особенно почему то доставалось М. П. Погодину. Приводимое въ текстѣ донесеніе Кашинцова о поведеніи Погодина послѣ смерти Пушкина встрѣчается не разъ въ дѣлахъ III Отдѣленія, гдѣ изслѣдователь находитъ его съ различными вариациями. Подъ 1840 годомъ въ архивѣ хранится дѣло I экспедиціи за № 82, заключающее въ себѣ доносъ на Погодина, какъ онъ, по полученіи извѣстія о смерти Пушкина, «подбивалъ Московскихъ литераторовъ служить торжественную панихиду въ Симоновскомъ монастырѣ; но архимандритъ отказался и сказалъ: что если угодно, то можетъ отслужить чередной монахъ по какомъ усопшемъ будетъ угодно». Кашинцовъ откуда то узналъ, «будто Михайлъ Погодинъ беретъ въ наставники Историю къ Его Высочеству великому князю Константину Николаевичу, и своимъ доносомъ дѣлалъ попытки помѣшать этому. Отъ этого слуха.

продолжаетъ онъ, «плодятся слѣдующіе толки: Какъ мало въ С.-Петербургѣ знаютъ людей, къ чему же послѣ этого Жандармы, когда не охраняютъ Домъ Царскій отъ входа въ него, а еще даютъ въ него входить такимъ пресмыкающимся безнравственнымъ людямъ, каковъ Погодинъ. Кто его не знаетъ? Спросите объ немъ встрѣчнаго и поперечнаго, это просто каналья безъ правилъ, безъ чести. О Погодинѣ долженъ много знать подробностей Полевой, теперь у васъ живущій. Пригласите его къ себѣ, онъ вѣрно вамъ расскажетъ, что дѣло и что не дѣло... Здѣсь приписываютъ рекомендацію Погодина Жуковскому и крѣпко бранятъ послѣдняго, выражаясь: какъ ему не стыдно для воспитанія царскихъ дѣтей подставлять такихъ людей и что онъ самъ обманывается по чистой душѣ своей дѣлаемыми ему въ Москвѣ угощеніямъ»... (л. 2). Но Жуковскій не Погодинъ, и доносъ на него не безопасенъ, поэтому Кашинцевъ убѣдительно проситъ Дубельта: «сдѣлайте милость, я вполне увѣренъ, что вы извлекли изъ сей несвязной писульки, что найдете дѣльнымъ, ее изорвете, чтобы этого какъ нибудь не зналъ Жуковскій» (л. 3). Когда послѣдовали отвѣты Литке и Философова о вздорности сообщенія Кашинцова, Бенкендорфъ приказалъ запросить московскаго освѣдомителя, откуда онъ узналъ объ этомъ. Отвѣта, повидимому, не послѣдовало, во всякомъ случаѣ при дѣлѣ его не имѣется. (См. о Кашинцовѣ также Н. Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, с. 168 — 175, кн. IV, с. 436, кн. V с. 347, 348).

Въ цитируемомъ нами выше дѣлѣ «О славянофильствѣ и украинофильствѣ» Н. А. Кашинцовъ высказывается о Погодинѣ также рѣзко: «Отецъ его много накралъ и оставилъ сыну, этотъ покупалъ дома, опять продавалъ и вновь покупалъ»... Погодинъ, «искательный съ крайнею низостью въ знаменитости всякаго рода... былъ презираемъ извѣстнымъ проф. Мерзляковымъ... Когда умеръ Пушкинъ, еще болѣе презиравшій его... Погодинъ при первомъ извѣстіи ту минуту поскакалъ въ Симоновъ монастырь (по извѣстности тамошнихъ пѣвчихъ) просить Архимандрита отслужить церемониальную панихиду для друзей Пушкина, но Архимандритъ Мельхиседекъ былъ предупрежденъ келейно и далъ Погодину отвѣтъ, что для панихиды есть всегда въ церкви іеромонахъ и причетники, пѣвчіе же поютъ панихиды, когда онъ самъ служить, а онъ не очень здоровъ... Много толковъ о Погодинѣ, и всѣ эти толки скверные и тѣмъ болѣе должны быть вѣрныя, что выходятъ отъ людей, коротко его знающихъ. Вотъ рассказъ о гадкомъ столкновеніи съ нимъ поэта Пушкина. Этотъ, какъ извѣстно, торговалъ въ журналахъ стихами. Погодинъ у него покупалъ и даже имѣлъ его въ части въ издаваемомъ имъ еще тогда журналѣ, помнится, въ Московскомъ Вѣстникѣ. Пришло время дѣлать барыши изданія, Пушкинъ ясно увидѣлъ, что и его Погодинъ обсчиталъ, что ему и высказалъ съ бранью безъ обиняковъ, но требовалъ, по крайнею мѣрѣ, чтобы онъ сдѣлалъ обѣдъ на столько то человекъ и чтобъ вина было вдоволь. Погодинъ не смѣлъ уже отъ этого отдѣлаться.

День назначенъ, обильный обѣдъ готовъ, вина въ волю. Является Пушкинъ съ буйной полулитературной толпой, ѣдятъ, пьютъ, напились, берутъ за руки Погодина, чтобы онъ не ушелъ и читаютъ ему въ глаза пасквильные сквернословные стихи, уличающіе его въ обчетѣ, потомъ его схватываютъ, кладутъ на полъ, держатъ его, растворяютъ ему ротъ и каждой (гадко вымолвить) сѣвъ... Думаю, что это знаетъ Ксенофонтъ Полевой, живущій у Васъ въ Петербургѣ, хотя тутъ этотъ скромный человекъ безъ сомнѣнія не участвовалъ. Не для прикрытія ли этого мерзкаго факта, Погодинъ хотѣлъ показать скорбь по смерти Пушкина». Любопытно, что этотъ фактъ имъ разсказанъ съ нѣкоторыми вариантами и въ 1840 г., когда Кашиицовъ опасаясь назначенія Погодина въ воспитателя къ великому князю. (См. цитируемое выше дѣло за № 82 л. 27 и сл.). Однимъ словомъ, по мнѣнію Кашиицова, за Погодина «ни въ чемъ ручаться нельзя» (л. 30). «Приходитъ въ мысль, что любопытно было бы пропикнуть въ его переписку съ Надеждинымъ», который «просто гадкихъ свойствъ» (л. 2), его «неблагонадежность печатно и ясно обозначилась журналомъ Телескопъ» (л. 3 об.). Въ донесеніи отъ 19 іюня 1847 г. Кашиицовъ пишетъ: «Отъ какихъ то пріѣзжихъ слышалъ такой разсказъ, что будто издатель журнала М. В. Д. статск. сов. Надединъ занимается тамъ дѣлами о Сектахъ, и самъ шутить этимъ дѣломъ, и будто пріятелямъ своимъ разсказываетъ, что онъ всѣхъ морочитъ. Что у него въ квартирѣ въ банкахъ въ спиртѣ выставлены.. скондовъ; и что въ его же квартирѣ вѣроятно для забавы по его требованію совершали скопцы свои обрядъ, пазываемый радѣиємъ, въ коемъ кружились пріиснопѣиш».

Для Кашиицова Давыдовъ «безнравственный человекъ» (л. 4), но «опять пораспросить бы Вамъ не худо Ксенофонта Полевого, какъ человека благонамѣреннаго, знающаго благонамѣренность Давыдова» (л. 35). Что же касается Шевырева, то «этотъ, кажется въ духѣ Православной Вѣры. Для образованія странствовалъ по Италіи съ принадлежавшей еще тогда къ православію Книгиней Зенедой Волконской и только спрысканъ ее духами» (л. 36).

Посвящая всю свою «усерднѣйшую дѣятельность при самыхъ тихихъ ни для кого незамѣтныхъ изысканіяхъ» (л. 47), Кашиицовъ передаетъ инсинуацію за инсинуаціей. Н. Ф. Павловъ — «извѣстный негодяй и прокъ», Ф. В. Чижовъ «вадулъ кого-то», и только Н. М. Снегиреву, этому «благонамѣреннѣйшему и осторожнѣйшему цензору» (л. 58), онъ поетъ днюпрямбъ. «Исходатайствованія ему или слѣдующаго (по давности времени сти перешагнута) чину или орденъ св. Анны съ короной утѣшили бы его» (л. 58 об. и 59), хотя Снегиревъ хотѣлъ бы «пять тысячъ руб. серебромъ въ ссуды на 10 лѣтъ». У Снегирева «почти на всякую книгу скорая справка, и эти отношенія ко мнѣ, сколько для меня пріятны, столько же я могу извлечь въ тайнѣ и отъ него самого полезнаго для моеи службы. Вамъ извѣстно, какъ шпіонство чуждо

душѣ мойей уже потому, что Вы его не терпите, сколько жъ тихой гласъ благородной благонамѣренности долженъ быть дѣйствіемъ» (л. 60). И хотя Кашииновъ считаетъ Снегирева далекимъ отъ себя человѣкомъ, но «почтительнѣйше повторяетъ, что вниманіе Ваше чѣмъ либо къ нему, хотя бы только въ письмѣ ко мнѣ съ какимънибудь объ немъ комплиментомъ, поддержать его ко мнѣ отношенія, чрезъ которыя я многое могу знать для докладовъ Вашихъ» (л. 61).

Свою освѣдомленность о литераторахъ Кашииновъ распространяетъ и на Петербургъ. Онъ, напримѣръ, знаетъ, «что въ С.-Петербургѣ какой-то Некрасовъ, участвующій въ журналѣ «Современникъ», есть бездѣльникъ, бывшій въ числѣ бродягъ, даже будто воровъ, писалъ фальшивые паспорта, однимъ словомъ будто отъявленный мошенникъ. Что отецъ его Ярославской богатой Дворянинъ и отдалилъ его... Кн. Одоевскій былъ вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ и братіею издателемъ журнала Мнемозина, но какъ хитрый человѣкъ избѣгнулъ всякой послѣдовавшей отвѣтственности. Этотъ князь Одоевскій говорятъ выдавалъ себя за приверженнаго Правительству, будто духа республиканскаго»... (л. 105 об. и 106). И такъ далѣе и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Приводя выдержки изъ секретной переписки III Отдѣленія, мы не собираемся давать комментарий ко всей этой лжи и опровергать ее. Несостоятельность ея видна и безъ поясненій. Намъ хотѣлось обратить вниманіе на нравственный уровень видныхъ дѣятелей того учрежденія, которое играло исключительную роль и въ жизни русскаго общества и въ судьбѣ нашего великаго поэта.

117) Цинскій Левъ Михайловичъ генераль-майоръ, Московскій оберъ-полицеймейстеръ съ 1834 по 1845 г., былъ раньше въ военной службѣ, участвовалъ въ кампаніи 1813—14 г.г. Подъ непосредственнымъ его надзоромъ находился Н. А. Полевой послѣ закрытія «Московского Телеграфа». О хорошихъ отношеніяхъ Цинскаго съ братьями Полевыми говорятъ «Записки К. Полевого» и письма Н. А. Полевого (см. пред. прим.). О Цинскомъ см. «Истор. Вѣстн.» 1887; IX, с. 505; X, с. 50; «Русск. Стар.» 1896 г., IV, с. 42 и Русск. Біогр. Словарь.

118) Исидоръ (въ мѣрѣ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій), епископъ дмитровскій, вполнѣдствіи митрополитъ Новгородскій, Петербургскій, Финляндскій и Эстляндскій, родился 1 октября 1799 г., скончался 7 сент. 1892 г. По происхожденію былъ сыномъ дьякона села Никольскаго, Каширскаго уѣзда, Тульской губ.

119) Князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ (р. 1774 + 7 февр. 1859), д. т. с., служилъ въ Измайловскомъ полку, дѣлое полстолѣтіе пробылъ на службѣ въ Москвѣ, одно время (1830 г.) исполнялъ должность попечителя учебнаго округа, состоялъ председателемъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. О немъ см. вел. кн. Николай Михайловичъ. «Русскіе портреты» XVIII и XIX столѣтія, т. II, № 177.

120) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ (род. 8 ноября 1794 + 28 марта 1882), попечитель Московскаго учебнаго округа съ 1835—1847 г.

Впослѣдствіи былъ недолго Московскимъ генераль-губернаторомъ. Постъ попечителя покинулъ изъ за несогласій принципіального характера съ министромъ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровымъ. Ближайшимъ предложеномъ было разрѣшеніе печатанія сочиненія Флетчера о Россіи. Подробную біографію и бібліографію см. «Русскій Біографическій Словарь».

121) Особенно занятъ былъ, по выраженію А. В. Никитенко («Записки и дневникъ», I, с. 381—382), «укрошеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина» министръ Народн. Просвѣщенія С. С. Уваровъ. Онъ же предписывалъ гр. С. Г. Строганову, чтобы Московская періодическая печать выказала «надлежащую умѣренность и тонъ приличія» и избѣгала «излишней похвалы Пушкину». («Шукинск. сб.», I с. 298 и II, с. 305).

122) «Пушкинъ», подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 441.

123) Аммосовъ, стр. 5.

124) Подробная біографія Дантеса помѣщена въ «Сборникѣ біографіи Кавалергардовъ» 1826—1908, с. 75—82, а также съ приложеніемъ различныхъ документовъ дана П. Е. Щеголевымъ въ его изслѣдованіи. Къ упомянутымъ трудамъ и отсылаемъ интересующихся личностью врага Пушкина. Относительно происхожденія Дантеса (см. прим. 83) ср. Б. В. Никольскій «Послѣдняя дуэль Пушкина», с. 12—24; Аммосовъ, с. 5—8; «Русск. Арх.» 1885, III, с. 202. Письмо Хомякова къ Н. М. Языкову. («Какой-то Дантесъ, побочный сынъ голландскаго короля...») и приведенныя въ текстѣ замѣтки Андреева.

125) О скудномъ образованіи Дантеса говоритъ Данзасъ (см. Аммосовъ, стр. 5), какъ и о дурно выдержанномъ экзаменѣ (*ibidem*, стр. 7). В. В. Никольскій въ своей работѣ «Идеалы Пушкина» (4 изд., П. 1899 г., с. 128) передаетъ, что Дантесъ на экзаменѣ по географіи затруднился отвѣтить, на какой рѣкѣ стоитъ г. Мадридъ. Вспомнилъ только, что въ ней поилъ когда-то свою лошадь. См. также «Сборникъ біографіи Кавалергардовъ», 1826—1908, с. 77.

126) Н. Э. Дубровинъ приводитъ такую характеристику тогдашняго воспитанія: «Прежде всего мальчику внушалась необходимость имѣть сознаніе о собственномъ достоинствѣ — *point d'honneur*, — но въ чемъ оно заключалось, никто ему не объяснял; внушали неуступчивость, сварливость, «отчего молодежь поставляетъ себѣ долгомъ и обязанностью ничего не извинять, что кажется оскорбительнымъ». Отсюда происхожденіе частыхъ дуэлей, которыя существовали въ первую половину настоящаго столѣтія, и поводы къ которымъ доходили до глупости и даже пошлости... У большинства молодежи понятія о чести, долгѣ, справедливости и обязанностяхъ перепутались; учтивость замѣнила благодравіе, расточительность изгнала умѣренность, мнимая острога ума заглушила разсудокъ. Люди, причислявшіе себя къ большому свѣту, говорили, что человѣку «данъ умъ для злословія, вкусъ — для щегольства, а сердце — для волокитства». Благовоспитанный молодой человѣкъ въ сущности былъ круглый невѣжда, не имѣвшій никакихъ основательныхъ свѣдѣній». («Русская

Ст.» 1899, мартъ, с. 543 и 544, статья «Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка»).

127) П. А. Вяземскій писалъ Пушкину 26 апрѣля 1830 года: «Я помню, что говоря со старшею сестрою сравнивалъ я Алябьеву avec une beauté classique, а невѣсту твою avec une beauté romantique». «Переписка», II, с. 139.

128) А. Ф. Онѣгинъ, знавшій Дантеса лично, въ рѣчи, сказанной имъ въ Парижѣ на вечерѣ въ память Пушкина въ 1912 году, говорилъ: «Дантесъ увѣрялъ, что не подозрѣвалъ даже, на кого онъ поднималъ руку, что, будучи вынужденъ къ поединку, онъ все же не желалъ убивать противника и дѣлилъ ему въ ноги». См. «Извѣстія книжн. магаз. т-ва М. О. Вольфъ». 1912 г., май, с. 68. О томъ, что Дантесъ «и въ помышленіи не имѣлъ погубить Пушкина», см. у Л. Павлищева въ «Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ», с. 430 и 431, работѣ, въ общемъ, мало достовѣрной.

129) Б. В. Никольскій говоритъ о Дантесѣ, какъ трусливомъ человѣкѣ, который принималъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать ноябрьской дуэли. «Дантесъ струсилъ поединка самымъ постыднымъ образомъ и прибѣгнулъ къ послѣднему средству, которое ему оставалось — сдѣлалъ предложеніе Е. Н. Гончаровой». («Послѣдняя дуэль Пушкина», с. 45 п 46). Исслѣдованіе П. Е. Щеголева краснорѣчиво опровергаетъ такое соображеніе Б. В. Никольскаго.

130) «Сборникъ біографій кавалергардовъ», 1826—1908, с. 84.

131) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военное дѣло. 1837 г. «Издано въ пользу фонда Пушкинскаго Лидейскаго Общества. Спб. 1900. 8°, IV + 160 стр. съ четырьмя факсимиле: отвѣтъ П. А. Вяземскаго отъ 8 февраля 1837 г., письмо старшаго Геккерена къ Пушкину отъ 26 января 1837 года, записка д'Аршіака на визитной карточкѣ отъ того же числа и письмо его къ Пушкину тогда же.

132) «Сборникъ біографій кавалергардовъ». 1826—1908, с. 85.

133) «Подлинное военно-судное дѣло», с. 18.

134) Бревернъ, Александръ Ивановичъ (р. 22 іюля 1801 + 14 дек. 1850). Флигель-адъютантъ съ 1835 года, въ 1839 году командиръ Финляндскаго Драгунскаго полка, съ 1843 года генералъ-майоръ.

135) «Подлинное военно-судное дѣло», с. 17. Ген. Гринвальдъ 4 февр. увѣдомляетъ Комиссію, что Дантесъ «по случаю раны имъ полученной на дуэли живетъ у себя на квартирѣ на Невскомъ пр. въ домѣ Влодека подъ № 51» (Ibidem, с. 24). По требованію Комиссіи Дантесъ былъ освидѣтельствованъ штабъ-лекаремъ 5 февраля, который далъ заключеніе: «точного срока къ выздоровленію совершенному опредѣлить нельзя». 8 числа снова по распоряженію Комиссіи Дантеса осматривалъ докторъ и нашелъ, что «Г. Порутчикъ Баронъ Геккеренъ можетъ содержаться на Гаубтвахтѣ въ особой, сухой и теплой комнатѣ» (Ibidem, с. 50). Во время ареста на свиданіе къ Дантесу допускалась ежедневно жена, а передъ отъѣздомъ онъ на квартирѣ увидѣлся съ Геккереномъ и Строгановой. (См. «Сборникъ біографій кавалергардовъ», 1826—1908, с. 88 и прим. 60).

Навѣдшій въсколькo разъ Дантеса товарищъ по полку, кн. В. П. Барятинскій, въслѣдствіи командиръ Кавалергардскаго полка, а тогда корнетъ, жаловался ему въ письмѣ отъ 19 марта, что долженъ былъ прекратить посѣщенія «въслѣдствіе строгости караульныхъ офицеровъ. Подумайте, что меня возмутительнымъ образомъ два раза отослали съ галлерей, подъ тѣмъ предлогомъ, что это не мѣсто для моихъ прогулокъ, а еще два раза я просилъ разрѣшенія увидѣться съ Вами, но мнѣ было отказано». (См. «Дуэль» etc, с. 322). Судя по письму А. П. Тургенева, Дантесъ былъ арестованъ за недѣлю до высылки и содержался въ кордегардіи при Адмиралтействѣ. («Пушкинъ и его современники», вып. I, с. 58).

136) 14 февраля аудиторъ Масловъ рапортовалъ Комиссіи, что «считалъ бы нужнымъ о поведеніи Г. Г. Геккереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиной взять отъ нея такъ же объясненіе». На это тогда же Комиссія отвѣтила постановленіемъ: «Комиссія при слушаніи вчерашняго числа дѣла имѣла оныя въ виду, нашла дѣло довольно яснымъ, то дабы безъ причины неоскорбить Г-жу Пушкину требованіемъ изложенныхъ въ рапортѣ Аудитора Маслова объясненій, опредѣлила приобщивъ помянутый рапортъ къдѣлу, привести оное къ окончанію поточнымъ словамъ опредѣленія, заключеннаго Комиссіею вчерашняго числа». («Подлинное военно-судное дѣло», с. 76—78). Командующій Отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ генераль-адъютантъ Бистромъ въ бумагѣ отъ 11 марта 1837 года отмѣчаетъ это упущеніе суда на ряду съ другими малозначущими и приходитъ къ заключенію: «хотя бы и слѣдовало возвратить означенное дѣло для изясненныхъ пополненій, но какъ главные преступленія подсудимыхъ достаточно объясняются, то дабы не замѣдлить въ дальнѣйшемъ его представленіи, я рѣшился препроводить оное въ такомъ видѣ въ какомъ есть» (Ibidem, с. 5). Но упущеніе суда настолько значительно, что, думается, такой обходъ случился не безъ желанія Императора, который полагалъ кончить дѣло «по законамъ». См. прим. 75.

137) Въ историческомъ журналѣ «Дѣла и дни» (1920, книга первая, Петербургъ) на с. 402—406 В. А. Протасьева сообщила въ выдоржкахъ «Военно-судное дѣло подполковника морской строительной части Данзаса (1837 г.)», изъ котораго мы узнаемъ, что первый допросъ былъ снятъ съ Данзаса по мѣсту службы 2 февраля.

138) «Подлинное военно-судное дѣло», с. 42 и 43. Дантесъ говоритъ о тѣхъ письмахъ, которые отослалъ Геккеренъ гр. Нессельроде 28 и 30 января. См. объ этомъ въ текстѣ с. 18 и прим. 43.

139) Ibidem, с. 61.

140) Ibidem, с. 75.

141) «Дуэль» etc, с. 299 и 300.

142) См. письмо Саксонскаго посланника барона Лютцереде отъ 6 февраля. «Дуэль» etc, с. 375.

143) Отъ 9 февраля, «Дуэль», etc. с. 365. «Знать стала навѣщать умирашаго поэта», рассказываетъ А. О. Россетъ, «только прослышавъ объ участливомъ вниманіи дая». («Русск. Арх.», 1882, I, с. 248).

144) Конфирмація доклада состоялась 18 марта. Генералъ Аудиторіатъ мотивировалъ свой приговоръ Дантесу слѣдующимъ образомъ: «Хотя подсудимый Поручикъ Геккеренъ, въ отношеніи дерзкаго обращенія съ женою Пушкина и въ намѣреніи нарушить семейственное ихъ спокойствіе, несдѣлалъ точнаго признанія, отзываясь, что обращеніе его съ женою Пушкина заключалось только въ однѣхъ свѣтскихъ вѣжливостяхъ; но такое отрицательство не заслуживаетъ уваженія, ибо... Геккеренъ сознается, что, посылая... къ женѣ Пушкина книги и театральные билеты прилагалъ при томъ свои записки, которыя заключали въ себѣ такія выраженія кои могли возбудить шекотливость Пушкина какъ мужа; сверхъ того по дѣлу обнаружено, что еще въ ноябрѣ мѣсядѣ... Пушкинъ... отменилъ вызовъ свой только по случаю женидбы Геккерена на свояченицѣ его; а наконецъ и помѣщенные въ письмѣ Пушкина къ отцу подсудимаго Министру Барону Геккерену дерзкія оскорбительныя выраженія не могли быть написаны безъ важныхъ причинъ, которыя отчасти поясняются самымъ содержаніемъ письма и объясненіями Пушкина въ присутствіи секундантовъ». («Подлинное военно-судное дѣло», с. 143 и 144). Бревенъ считъ нужнымъ письмо Дантеса переслать въ III Отдѣленіе, которое, конечно, не преминуло показать его Царю. Вообще между Шефомъ жандармовъ и Военно-судной комиссіей, судя по документамъ, путешествовавшимъ въ III Отд. и обратно, существовала близкая связь.

145) Дочь вв. Петра Андреевича и Вѣры Ѳедоровн. Вяземскихъ, Марія Петровна Валуева вышла замужъ 22 мая 1836 года и была первой супругой впоследствии извѣстнаго государственнаго дѣятеля, графа Петра Александровича Валуева (р. 22 сент. 1815 + 27 янв. 1890). Скончалась въ февралѣ 1849 года, 24 лѣтъ (р. 1813 г.). Въ 1836—7 г.г. П. А. Валуевъ служилъ младшимъ чиновникомъ въ I Отдѣл. Собствен. Е. И. В. Канцеляріи и, имѣя скромный чинъ коллежскаго регистратора, состоялъ, какъ и Пушкинъ, въ званіи камеръ-юнкера.

146) Изъ воспоминаній Н. М. Смирнова (см. текстъ с. 56) извѣстно, что Дантесъ за ужиномъ пилъ за здоровье Натальи Николаевны. И это обстоятельство раздражало Пушкина.

147) См. прим. 145.

148) «Русск. Арх.», 1882, I, с. 236.

149) «Дуэль» etc., с. 113 и 114.

150) «Русск. Ст.» 1900, VIII, с. 385.

151) «Русск. Арх.» 1888, II, с. 310.

152) Старшій Геккеренъ пишетъ г-жѣ Дантесъ, сестрѣ своего пріемнаго сына: «Иначе поступить мы не могли; Жоржу не въ чемъ себя упрекнуть; его противникомъ былъ безумецъ, вызвавшій его безъ всякаго разумнаго повода; ему просто жизнь надоѣла, и онъ рѣшился на само-

убійство, избравъ руку Жоржа орудіемъ для своего переселенія въ другой міръ». («Дуэль», etc., с. 315).

153) «Переписка», II, с. 404.

154) «Собраніе сочиненій», т. VIII, II, 1903 г., с. 46 и 47.

155) А. В. Трубедкой. «Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу». Цитирую по перепечатанному П. Е. Щеголевымъ тексту. См. «Дуэль» etc., с. 405. Тамъ же подробно разсказана исторія появленія воспоминаній, не всегда фактически точныхъ.

156) «Дуэль» etc., с. 114.

157) Среди бумагъ, касающихся А. С. Пушкина и хранящихся въ собраніи А. Ф. Овѣгина, нашлось пять записокъ В. А. Жуковского, которые и были описаны Б. Л. Модзалевскимъ («Пушкинъ и его современники», в. XII, с. 31), какъ «конспективные замѣтки на память о времени, предшествовавшемъ дуэли Пушкина и о самой дуэли». Эти замѣтки воспроизведены П. Е. Щеголевымъ полностью (см. «Дуэль» etc., с. 283—285), а послѣднія три записки, положенныя имъ къ основу изложенія исторіи дуэли, приводятся съ буквальной точностью и безъ всякихъ комментарий.

158) Фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Паскевичъ на письмо Николая Павловича, сообщавшаго ему о петербургскихъ новостяхъ и между прочимъ о смерти Пушкина, отвѣчалъ: «Жаль Пушкина, какъ литератора: въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ;—но человѣкъ онъ былъ дурной» («Изв. II Отд. Ак. Наукъ, 1896, I, с. 106).

159) А. П. Тургеневъ 24 февраля 1837 года писалъ П. А. Осиповой: «Тетка высказала ей [Екатеринѣ Николаевнѣ] все, что чувствовала она въ отвѣтъ на ея слова, что «она прощаетъ Пушкину». Отвѣтъ образумилъ и привелъ ее въ слезы». («Пушкинъ и его современники», вып. I, с. 58).

160) «Дуэль» etc., с. 77 и 78. Б. В. Никольскій объясняетъ женитьбу Дантеса совершенно по-другому. См. выше прим. 129.

161) «Дуэль» etc., с. 116.

162) «Русск. Арх.» 1882, I, с. 236.

163) Мы называемъ его таинственнымъ потому, что о немъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ переданныхъ самой Натальей Николаевной, не имѣемъ. О свиданіи разсказано въ воспоминаніяхъ дочери Пушкиной, А. П. Араповой (отъ второго брака съ П. П. Ланскимъ), въ «Новомъ Врем.» отъ 2 января 1908 г. (№ 11425). Ср. также разсказъ В. Ф. Вяземской («Русск. Арх.» 1888, II, с. 310), замѣтки П. И. Баргенева («Русск. Арх.» 1908, III, с. 295) и «Дуэль» etc., с. 119—121.

164) Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Буглакову. («Русск. Арх.» 1879, II, с. 248).

165) О рѣзкихъ выходкахъ упоминаетъ не одинъ Смирновъ. Объ этомъ говорить и Данзасъ (Аммосовъ, с. 14 и 15) и Соллогубъ и др. Л. Н. Павлицевъ, напримѣръ, пишетъ: «У господъ NN, буквальные слова матери, они грызлись, какъ собаки». («Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», с. 426).

166) Приводимъ письмо въ томъ переводѣ, какой приложенъ къ работѣ А. Аммосова на с. 45—47.

167) «Дуэль» etc., с. 107.

168) «Русск. Арх.», 1892, II, с. 489.

169) «Русск. Арх.», 1888, II, с. 308. Кн. Вяземскій передавалъ П. И. Бартевеу: Царь, «встрѣтивъ Пушкина, сказалъ: «я очень радъ, что дѣло съ Дантесомъ кончилось счастливо. Но я беру съ тебя слово, что если когда нибудь ты будешь находиться въ подобномъ положеніи, ты все скажешь мнѣ прежде, чѣмъ на что нибудь рѣшиться». Ср. Б. В. Никольскій, с. 58.

170) «Русск. Ст.» 1902, V, с. 225.

171) Л. Н. Павлицевъ. «Воспоминанія о А. С. Пушкинѣ». (М. 1890 г.) с. 335.

172) «Переписка», III, с. 52, письмо отъ 11 октября.

173) Ibidem, III, с. 309, письмо отъ 5 мая 1836 года.

174) См. статьи въ «Историч. Вѣстн». 1910, январь, июнь, и 1912, январь. Недавно на страницахъ «Былого» (1920 г., № 15) П. Е. Щеголевъ рассказалъ еще одинъ эпизодъ. Объ «амурныхъ успѣхахъ» Николая Павловича рассказано и Л. Н. Толстымъ въ его повѣстяхъ «Хаджи-Муратъ» и «Отецъ Сергій».

175) «Переписка», III, с. 127. Письмо отъ 11 июня 1834 года.

176) «Русск. Ст.» 1900, мартъ, с. 574.

177) О строгости сужденій графа Корфа о Пушкинѣ говорить Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ опубликованной имъ «Запискѣ графа Корфа» («Труды Я. К. Грота». Спб. 1901, т. III и отдѣльно: «Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899). Л. Н. Майковъ въ статьѣ «Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа». («Русск. Ст.» 1899, августъ, сентябрь) подвергаетъ воспоминанія графа критическому анализу и приведенный въ текстѣ разговоръ печатаетъ съ добавленіемъ: «Я разъ какъ-то разговорился съ нею о комержахъ, которымъ ея красота подвергаетъ ее въ обществѣ». («Русск. Ст.» 1899, августъ, с. 311). «М. А. Корфъ» заканчиваетъ свою статью Л. Н. Майковъ, ... «сдѣлалъ большую ошибку, постаравшись придать своимъ воспоминаніямъ о Пушкинѣ столь одностороннее враждебное направленіе: вслѣдствіе того они получили значеніе только какъ сводъ тѣхъ наговоровъ, которые распространялись про Пушкина еще при его жизни, но едва ли кто повѣритъ ихъ правдивости въ настоящее время, когда мы знаемъ о поэтѣ уже довольно много изъ разныхъ надежныхъ источниковъ». («Русск. Ст.», 1899, сентябрь, с. 530). Субъективность взгляда Корфа на Пушкина несомнѣнно продиктована недоброжелательностью графа къ поэту, но въ той части, которая приведена въ текстѣ, свѣдѣнія близки къ правдѣ, такъ какъ подтверждаются письмами поэта.

178) Николай Павловичъ проявлялъ свое расположеніе къ Natalie неоднократно. Когда онъ узналъ, что Е. Н. Гончарова выходитъ замужъ за Дантеса, онъ подарилъ невѣстѣ нѣкоторую сумму денегъ на свадебный

подарокъ. Деньги были препровождены Бенкендорфомъ при собственно-ручномъ его письмѣ по адресу Н. Н. Пушкиной. Конечно, здѣсь сказалося вниманіе Царя столько же къ Н. Н. Пушкиной, сколько и къ ея сестрѣ. Совершенно непонятно, почему В. Я. Брюсовъ, напечатавшій письмо («Письма Пушкина и къ Пушкину». М. 1903, с. 92), считаетъ его «отвѣтомъ на письмо Пушкина къ Бенкендорфу отъ 2¹ ноября». Симпатіей къ Пушкиной слѣдуетъ отчасти объяснять и ту отзывчивость Царя, которую онъ проявилъ къ женѣ и дѣтямъ поэта послѣ его смерти. Не думаемъ, какъ передаетъ Корфъ, что Николаи Павловичъ выказывалъ свою признанность къ Natalie только за ея «доброту».

179) Кн. Вяземскій даже утверждаетъ, что Пушкинъ «сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней». («Дуэль» etc., с. 260). Мнѣніе друга Пушкина идетъ въ разрѣзъ съ замѣтками Жуковского и сообщеніемъ Дантеса. Не надо забывать, что письма кн. Вяземскаго по поводу кончины поэта есть такая же реабилитація Пушкина предъ сильными міра сего какъ и письма (но не замѣтки) Жуковского. Объ этомъ подробнѣе см. въ «Дуэли» etc. въ отдѣлѣ «Документы и матеріалы».

180) «Дуэль» etc., с. 42.

181) Въ «Запискахъ А. О. Смирновой» портретъ Натальи Николаевны не блещетъ красками и является черезчуръ ужъ зауряднымъ. Кн. Трубецкой говоритъ о Natalie, какъ о «непрочною глупой» женщинѣ и «набитой дурѣ». («Дуэль» etc., с. 401). Такая характеристика столько же рѣзка, сколько и несправедлива. Natalie была по своему умственному и нравственному складу распространеннымъ типомъ женщины своего круга. Судьба ее поставила рядомъ съ гениальнымъ поэтомъ, благодаря чему и современники и потомки предъявляли и предъявляютъ къ ней повышенныя требованія. Немногія отнеслись къ Natalie такъ симпатично, какъ это сдѣлали, если довѣрять ея письму, кн. Е. Н. Мещерская, рожденная Карамзина, дочь историка. См. ея письмо «Труды Я. К. Грога», т. III, с. 258—262. Между прочимъ кн. Мещерская пишетъ: Natalie «никогда не измѣняла чести, но она медленно, ежеминутно терзала воспримчивую и пламенную душу Пушкина» (ibidem, с. 262). Та же участь постигла и другую, стоящую головой выше и Natalie и многихъ своихъ современницъ Русскую женщину, оказавшуюся женой гениальнаго писателя. Несмотря на всю значительность своего духовнаго склада, ей также не удалось избѣжать упрековъ, обвиненій, даже оскорбленій отъ людей, неизмѣримо ниже ея стоящихъ по интеллектуальному и нравственному развитію.

182) Типичнымъ, по нашему мнѣнію, является взглядъ извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина на событіе 29 января и на роль жены Пушкина. Въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 19 марта 1837 года онъ говоритъ: «Онъ умеръ 29 января, въ 3-мъ часу пополудни, съ удивительною твердостью: оправдывалъ свою жену, твердилъ, что она тутъ не причемъ; но кажется, немногіе вѣрятъ этому—и если она не была виновата, то была неосторожна, легкомысленна и не умѣла сберечь его. Какъ бы то ни было,

а Пушкина вѣтъ, очень жалко! Я тужилъ объ немъ какъ объ родномъ» («Русск. Ст.» 1880, октябрь, с. 289).

183) «Переписка», II, с. 283, письмо Н. И. Кривдову отъ 10го февраля 1831 г.

184) «Она мнѣ пишетъ», сообщаетъ Пушкинъ кн. Вяземскому 5 ноября 1830 года, «очень милое хотя безтемпераментное письмо». («Переписка», III, с. 187).

185) См. письмо поэта въ апрѣлѣ 1830 года къ матери невесты, Н. И. Гончаровой. («Переписка», II, с. 131). Приводимъ выдержку въ переводѣ П. Е. Щеголева («Дуэль» etc., с. 49): «Только привычка и продолжительная близость можетъ доставить мнѣ ея [Натали Николаевны] привязанность; я могу надѣяться со временемъ привязать ее къ себѣ, но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы ей нравиться».

186) «Переписка», II, с. 145.

187) *Ibidem*, с. 131.

188) Первая мысль, какая намъ пришла въ голову послѣ знакомства съ письмомъ Дантеса къ Бреверну, особенно въ той части, гдѣ передается разговоръ Natalie съ Валуевымъ, была увѣренность въ полной недостовѣрности сообщенія Дантеса. Основанія были слѣдующія: въ такомъ тонѣ Валуевъ не посмѣлъ бы говорить о поэтѣ съ Натальей Николаевной, у него не было на это никакого права; въ числѣ близкихъ Пушкина онъ не состоялъ, былъ слишкомъ молодъ, по характеру сдержанъ и скромнъ. Вмѣшиваться въ семейныя дѣла Пушкиныхъ не рѣшался и друзья поэта. Объ отношеніяхъ поэта къ женѣ и Вяземскій и Жуковскій говорятъ только на основаніи своихъ наблюденій. Поступать иначе, тѣмъ болѣе людямъ постороннимъ, было небезопасно, зная характеръ и самочувствіе поэта въ январскіе дни. Пушкинъ болѣзненно относился въ то время къ вопросамъ чести. Дѣло намъ представлялось иначе: Дантесъ, или его жена, или М. П. Валуева безсознательно, а можетъ быть и сознательно, перепутали содержаніе разговора и, что называется, валили съ больной головы, да на здоровую. Намъ казалось, что весь разговоръ Валуева съ Пушкиной имѣлъ ввиду не поэта, а Дантеса, и только его одного касался. Тогда понятенъ и вопросъ Валуева и отвѣтъ Натали Николаевны. Предостерегающій голосъ зятя друга Пушкина указывалъ на неопозволительность поведенія Дантеса; Natalie же сознавалась, что въ ухаживаніяхъ кавалергарда она виновата и сама. Но она не имѣла силъ, чтобы указать Дантесу его мѣсто. Въ ея отвѣтѣ звучало не только сознание собственной вины, но и боязнь назрѣвающаго скандала. Изъ воспоминаній современниковъ (см. «Русск. Арх.», 1888, II, с. 311) мы знаемъ, что Natalie приводилъ въ дрожь не одинъ страхъ предъ мужемъ, но и казарменные каламбуры ея обожателя. Таково было наше первое предположеніе, которое не выдерживаетъ критики послѣ знакомства съ записями Жуковскаго и внимательнаго анализа другихъ матеріаловъ.

189) «Русск. Ст.», 1888, VII, с. 520. Хорошо знавшій Пушкина Н. М. Смирновъ говорить о немъ въ своихъ замѣткахъ. «Хотя онъ былъ извѣст-

нѣйшимъ лицомъ въ Россіи, хотя знаменитость его дошла до самыхъ глухихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи, но весьма немногіе его знали коротко и могли исполнѣть оцѣнить высокія качества его ума, его сердца и души... Бывъ самаго снисходительнаго нрава, онъ легко вступалъ со всѣми на пріятельскую ногу, и эта свѣтская дружба, соединенная съ откровеннымъ обращеніемъ, позволяла многимъ думать, что они съ Пушкинымъ друзья и что они коротко знаютъ его мысли, чувства, мнѣнія и способности... Кто былъ ближе къ нему, кто пользовался его совершеннымъ довѣріемъ, кому доступны были тайныя струны его души, тѣ уважали въ Пушкинѣ человѣка столько же какъ и поэта, тѣ открывали въ немъ ежедневно сокровища, неистощимыя и недоступныя пониманію толпы, такъ называемыхъ его пріятелей». (Русск. Арх., 1882, I, с. 230).

190) «Переписка», I, с. 287.

191) «Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь Дантесъ», пишетъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ изъ Бадена, 2 (14) юня 1837 г., Императору, «и пробылъ два дня. Онь, какъ говорятъ, весьма соболѣзнуетъ о бывшемъ съ нимъ, но увѣряетъ, что со времени его свадьбы, онъ ни въ чемъ не можетъ себя обвинить касательно Пушкина и жены его, и не имѣлъ съ нею совершенно никакихъ сношеній, былъ же вынужденъ на поединокъ поведеніемъ Пушкина. Всѣмъ твердиль, что послѣ Россіи все кажется ему *petit et mesquin*». («Русск. Ст.» 1902, V, с. 230).

192) Настоящая работа печатается по старой орфографіи на основаніи постановленія II Отд. Россійской Академіи Наукъ отъ 11 августа 1921 г. (Протоколъ засѣданія Отд. Русск. Яз. и словесности, статья 116).

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Директору Пушкинскаго Дома академику Н. А. Котляревскому и Старшему ученому хранителю Дома, члену корреспонденту Академіи Наукъ Б. Л. Модзалевскому за ихъ содѣйствіе къ опубликованію моего труда. Б. Л. Модзалевскому я обязанъ также и многими указаніями для настоящей работы. Искренно благодаренъ я и Н. Г. Богдановой за нѣкоторыя ея сообщенія. Внимательное отношеніе къ моему изслѣдованію Государственнаго Издательства позволило обойти трудности современнаго печатанія, а заботы со стороны Первой Государственной Типографіи, въ лицѣ ея управляющаго И. Н. Михайлова, его помощника А. В. Штукина и метранпажа П. Ф. Герасимова дали возможность изданію скоро появиться на свѣтъ. Всѣмъ имъ я искренно признателенъ.

УКАЗАТЕЛЬ

- Адлербергъ, графъ Владимиръ Ѳе-
доровичъ 63, 84.
Александръ I, императоръ 43, 79.
Александръ II, императоръ 91.
«Альбомъ «Пушкинскій уголокъ»
В. П. Острогорскаго 92.
Алябьева, Александра Васильевна
въ замужествѣ Киреева 101.
Алябьевъ, Александръ Александро-
вичъ 94, 95.
Аммосовъ, А. 78, 80, 81, 82, 84, 87, 100,
104, 105.
Андреевъ, Алексѣй Симоновичъ 30,
86, 88, 90, 100.
Анна Павловна, великая княгиня,
принцесса Оранская 85.
Апраксинъ, графъ Степанъ Ѳедо-
ровичъ 78.
Арапова, Александра Петровна, рожд.
Ланская 85, 104.
Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ 92.
Арсеньевъ, Константинъ Констан-
тиновичъ 87, 88.
Архангельскій, Александръ Семе-
новичъ 86.
Аршіакъ де, баронъ 16, 81, 101.
Байрънъ, поэтъ 69.
Баденъ-Баденъ, 108.
Багуковъ, Николай Платоновичъ
76, 97.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ 94,
95, 104, 105.
Барятинскій, кн. Владимиръ Ива-
новичъ 102.
Баушевъ, кн. В. П. 86.
Бенкендорфъ, графъ Александръ
Христофоровичъ 5, 14, 22, 26, 28,
29, 32, 34—38, 40—45, 48, 62, 63,
78, 84, 90—92, 94, 103, 106.
Бестужевъ, Александръ Александро-
вичъ 75.
«Библиотека для чтенія», журналъ
77.
Бистромъ, Карлъ Ивановичъ 102.
Блака де, герцогъ 33.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николае-
вичъ 91.
Бобринская, графиня Софья Але-
ксандровна, рожд. графиня Са-
мойлова 24—26, 83, 84.
Бобринскіе, графы 64.
Бобринскій, графъ Алексѣй Але-
ксѣевичъ 84.
Бобровъ, Евгений Александровичъ 86.
Богданова, Надежда Григорьевна 108.
Борхъ, графъ Александръ Михайло-
вичъ 24, 79, 83.
Борхъ, графъ I (?) 13, 14, 79.
Борхъ, графиня Софія Ивановна,
рожденная графиня Лаваль 18,
24, 26, 83.
Бревертъ, Александръ Ивановичъ
51, 53—57, 59, 66, 69, 101, 103, 107.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ 106.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ
66, 104.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ
5, 23.
Бутера ди см. Вильдингъ ди Бутера.
«Былое», журналъ 73, 74, 105.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, кня-
гиня. 22.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь
22.
Валуева, Марія Петровна, рожд.
княжна Вяземская 53—55, 103, 107.
Валуевъ, Петръ Александровичъ 54,
55, 59, 103, 107.

- Васильевъ, Иванъ Ивановичъ 92.
 Васильчикова, Александра Ивановна, рожденная Архарова 12, 13.
 Венгеровъ, Семень Афанасьевичъ 75, 83, 100.
 Верекундовъ, Семень Павловичъ 87.
 Верстолькъ ванъ-Зеленъ, баронъ 21, 23, 33, 52.
 Вильгельмъ, принцъ Оранскій 85.
 Вильгельмъ, принцъ Прусскій 49.
 Вильдингъ ди Бутера и ди Радоли, кн. Георгій 33.
 Висковскій, учитель Русскаго языка 29, 85.
 Витебскъ, городъ 9.
 Виельгорскій, графъ Матвѣй Юрьевичъ 79.
 Виельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ 12, 13, 15, 20, 78, 79, 81.
 «Владимирск. Губ. Вѣд.» 94.
 Военно-судная комиссія 11, 51—53, 78, 81, 84, 85.
 «Война и миръ» Л. Н. Толстого 78.
 Волконская, княгиня Зинаида Александровна, рожд. княжна Бѣлозерская-Бѣлозерская 98.
 «Воспоминанія объ Училищѣ Правовѣдѣнія» К. К. Арсеньева 87, 88.
 «Воспоминанія о Н. А. Кашиновѣ» И. Лядова 94.
 «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ» Л. Н. Павлицева 101, 104, 105.
 «Воспоминанія» гр. В. А. Соллогуба 8, 76, 78—80.
 «Всемирный Вѣстникъ», журналъ 73.
 Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ 77.
 Вульфъ, Анна Николаевна 12.
 «Въ училищѣ Правовѣдѣнія» И. А. Тютчева 87.
 Вяземская, княгиня Вѣра Феодоровна, рожденная княжна Гагарина 7, 53—55, 57, 58, 103, 104.
 Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ 12, 14, 15, 24, 25, 35, 56, 66, 67, 69, 81, 84, 101, 103—107.
 Гагаринъ, князь Иванъ Сергѣевичъ 80, 81.
 Гастфрейндъ, Николай Андреевичъ 81.
 Геккеренъ, барон Луи 13—26, 29, 31, 33, 35, 36, 39, 49—53, 58, 61—65, 69, 78, 81, 85, 86, 89, 101, 102, 103.
 Георгіи Петровичъ, принцъ Ольденбургскій 88.
 Герасимовъ, Павелъ Феодоровичъ 108.
 Глинка, Сергѣй Николаевичъ 94.
 Гогенлоэ, Лангенбургъ-Кирхбергъ, князь Христіанъ-Людвигъ-Фридрихъ-Генрихъ 52, 78.
 Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ 48, 99.
 «Голось Мпнувшаго», журналъ 96.
 Голубдова, М. 6, 7, 76.
 Гончарова, Александра Николаевна въ замужестве бар. Фризенгофъ 59, 64—66.
 Гончарова Е. Н. см. Дантесъ, баронесса Е. Н.
 Гончарова, Наталья Ивановна, рожд. Загряжская 67, 107.
 Гречъ, Николай Ивановичъ 5.
 Гринвальдъ, Родіонъ Егоровичъ 20, 51, 101.
 Гротъ, Яковъ Карловичъ 105, 106.
 Гурьевъ, графъ Дмитріи Александровичъ 23.
 Давыдовъ, Пшавъ Пвановичъ 98.
 Данзасъ, Константинъ Карловичъ 12, 22, 49, 50, 51, 52, 84, 86, 100, 102, 104.
 Дантесъ, баронесса Nanine 103.
 Дантесъ-Геккеренъ, баронесса Екатерина Николаевна, рожденная Гончарова 10, 31, 53—58, 60—62, 64—66, 85, 86, 101, 103—105, 107.
 Дантесъ-Геккеренъ, баронъ Жоржъ 10, 13, 17—25, 28—34, 36, 39, 49, 50—66, 68—70, 81—86, 88, 90, 100—107.
 Д'Аршіакъ см. Аршіакъ де.
 Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ 80.
 Де Блака, см. Блака де.
 «Деятнадцатый вѣкъ», сборникъ 93.
 Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ 94.
 Департаментъ Полиции 5, 74, 75.
 Де-Пуле, Михаилъ Феодоровичъ 86.
 Державинъ, Николай Александровичъ 86.
 Дерптскій Университетъ 6.
 Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ 91.

- Долгоруковъ, князь Василій Андреевичъ 75.
- Долгоруковъ, князь Петръ Владимировичъ 80.
- «Документы Государств. п. С. П. Главнаго Архивовъ» 81.
- Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ 10, 34, 43, 88, 89, 93—96.
- Дубровинъ, Николай Федоровичъ 100.
- «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголева 5, 73—75, 78—86, 88—90, 92, 94, 102—107.
- «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» 51, 101—103.
- «Дѣла и дни» журналъ 102.
- «Дѣла III Отд.» 73, 78, 90.
- «Дѣло объ Украинно-Славянскомъ Обществѣ», 96, 97.
- Дюме, рестораторъ 50.
- Екатерина II, императрица 90.
- Екатерина Павловна, великая княгиня, принцесса Ольденбургская 88.
- «Egos gusse» 83.
- Ефремовъ, Петръ Александровичъ 13, 22, 77, 79, 82.
- «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова 76, 97.
- Жуковский, Василій Андреевичъ 11, 20, 25, 34, 36—40, 44, 45, 58, 59, 66, 81, 82, 86, 88—90, 92, 97, 104, 106, 107.
- «Journal de Debats» 88.
- Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ 92.
- «Замѣтки о Пушкинѣ». 78.
- «Записка гр. М. А. Корфа» 105.
- «Записки» К. А. Полевого 95, 99.
- «Записки и дневникъ» А. В. Никитенко 88, 100.
- «Записки» А. О. Смирновой 24, 26, 73, 76, 80, 83, 84.
- «Идеалы Пушкина» В. В. Никольскаго 84, 100.
- «Извѣстія Отд. Ак. Наукъ» 104.
- «Извѣстія кн. маг. М. О. Вольфа» 101.
- «Изъ записокъ о быломъ» кн. В. И. Баюшева 86.
- «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» И. А. Шляпкина 78.
- «Изъ памятныхъ замѣтокъ» Н. М. Смирнова 78, 82, 107, 108.
- Ильинскій, Леонидъ Константиновичъ 86.
- Исидоръ, епископъ 47, 48, 99.
- «Историческій Вѣстникъ» журналъ 80, 89, 99, 105.
- «Историческіи очеркъ каеодры діагностики» В. Верехундова 87.
- Іоаннъ, игуменъ 92.
- «Казанск. Губ. Вѣд.» 86.
- Казань, городъ 86.
- Калашъ, Владимръ Владимировичъ 83.
- Карамзина, Екатерина Андреевна, рожд. Кольванова 67, 79.
- «Карамзинъ въ Остафьевѣ» гр. П. С. Шереметева 76.
- Карамзинъ, Андрей Николаевичъ 6, 7, 13, 76, 79.
- Карамзинъ 12, 77.
- Каратыгинъ, Василій Андреевичъ 106.
- Карлъ X, король французскій 31.
- Катенинъ, Павелъ Александровичъ 92, 106.
- Кашинцовъ, Николай Андреевичъ 47, 93—99.
- Козловскій, князь I. (?) 9, 10, 77.
- Козловскій, князь Іона Михайловичъ 77.
- Константинъ Николаевичъ, великій князь 96, 98.
- Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ 65, 73, 105, 106.
- Котляревскій, Несторъ Александровичъ 108.
- Кривдовъ, Николай Ивановичъ 107.
- Кульбинъ, Николай Ивановичъ 87.
- Кустовъ, Иванъ 96.
- «Къ біографіи Пушкина» А. А. Шишлова 74.
- Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ 99.
- Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ 10, 77.
- Лаишевъ, городъ 86.
- Лебедевъ, Д. 86.
- Лейпцигъ, городъ 79.
- Лемке, Михаилъ Константиновичъ 74, 75.
- Ленскій, полякъ 7, 76.

- Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ 87, 93.
- Лернеръ, Николай Осиповичъ 77, 78, 81, 91.
- Либрманъ, баронъ 30, 33, 89.
- Литке, графъ Ѳеодоръ Петровичъ 97.
- Лѣсковъ, Николай Семеновичъ 80, 81.
- Лютпероде, баронъ Карлъ-Августъ 89, 102.
- Люденко, Ефимъ Петровичъ 77.
- Лядовъ, Иванъ Матвѣевичъ 94.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 77, 105.
- Маловъ, Алексѣй Ивановичъ 42, 45, 92.
- Марлинскій А. А. см. Бестужевъ А. А.
- Масловъ, аудиторъ 85, 102.
- «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1875 въ Лейпцигѣ 79.
- Мельхиседекъ, архимандритъ 47, 48, 96, 97.
- «Мемуары декабристовъ». М. В. Довнаръ—Запольскаго 91.
- Мерзляковъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ 97.
- Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина 106.
- Михайловъ, Иванъ Николаевичъ 108.
- Михайловъ, Михаилъ Платоновичъ 75.
- Михайлъ Павловичъ, великій князь 12, 14, 34, 49, 56, 63, 66, 81, 85, 108.
- «Мнемозина», альманахъ 99.
- «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ и прозѣ и изображеніяхъ» П. А. Ефремова 82, 83.
- Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 6, 74—77, 86, 91, 104, 108.
- Молчановъ, М. М. 87.
- Мординовъ, Александръ Николаевичъ 6, 27, 42, 75, 90, 91.
- Морозовъ, Петръ Осиповичъ 83.
- Москва, городъ 9, 10, 43, 46, 47, 75—78, 94, 95, 99.
- «Московскій Вѣстникъ», журналъ 97.
- «Московскій Листокъ» газета 92.
- «Московскій Телеграфъ», журналъ 99.
- Надеждинъ, Николай Ивановичъ 89, 98.
- Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. княжна Четвергинская 79.
- Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ 14, 79.
- Нащокинъ, Павелъ Вонновичъ 10, 78, 94, 95.
- Навананлъ, архіепископъ 92.
- Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ 84, 99.
- Нессельроде, графъ Карлъ Васильевичъ 7, 17—21, 23—26, 78, 81, 82, 102.
- Нессельроде, гр. Лидія Арсеньевна, рожд. Закревская, по второму мужу кн. Друцкая-Соколинская 83.
- Нессельроде, графиня Марія Дмитриевна, рожд. гр. Гурьева 18, 19, 23—26, 82, 83.
- Никитенко, Александръ Васильевичъ 88, 100.
- «Николаевскіе жандармы» М. К. Лемке 74, 75.
- Николай Михайловичъ, великій князь, 99.
- Николай I, императоръ, 11, 15, 18, 19, 26, 29, 31, 33, 35—37, 39—46, 49, 51, 53, 62—66, 75, 81, 84, 85, 88—94, 102—106, 108.
- Никольскій, Борисъ Владимировичъ 73, 81, 100, 101, 104, 105.
- Никольскій, Владимиръ Васильевичъ 84, 100, 105.
- Николя, аббатъ 90.
- «Новое Время» газета 85, 104.
- Одоевскій, князь Владиміръ Ѳеодоровичъ 79, 99.
- Ольденбургскій, принцъ, Г. П. см. Георгій Петровичъ.
- Ольденбургскій, принцъ, П. Г. см. Петръ Георгіевичъ.
- Онѣгинъ, Александръ Ѳеодоровичъ 11, 89, 101, 104.
- «Описание Святогорскаго Успенскаго Монастыря» 92.
- Оренбургъ, городъ 86.
- Орловъ, графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ 36—41, 43, 45, 88—91.
- Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ 91.
- Орловъ, графъ Ѳеодоръ Григорьевичъ 90.
- Осипова, Прасковья Александровна, рожденная Вындомская, вдова Вульфъ 12, 77, 93, 104.
- «Остафьевскій Архивъ» 83.
- Острогорскій, Викторъ Петровичъ, 92.
- «Отецъ и сынъ» М. Ѳ. Де-Пуле 86.
- «Отецъ Сергій» Л. Н. Толстого 105.

- «Отчетъ Историческаго Музея в Москвѣ за 1913 г.» 6, 76.
- «Отчетъ о дѣйствіяхъ корпуса жандармовъ за 1837 г.» 45, 46.
- «Отчетъ Публичной Библиотеки за 1900 и 1901 г.г.» 91.
- Павлищева, Ольга Сергѣевна, рожденная Пушкина 64.
- Павлищевъ, Левъ Николаевичъ 101, 104, 105.
- Павловъ, Николай Филипповичъ 98.
- Панчулдзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ 50, 80.
- Парижъ, городъ 80, 81, 101.
- Паскевичъ, свѣтлѣйшій князь Иванъ Оеодоровичъ 60, 104.
- «Переписка Пушкина», изд. Акад. Наукъ 77—79, 81, 101, 104, 105.
- Петербургъ, городъ 6, 7, 16, 24, 28—30, 34, 42, 45, 49, 51, 56, 63, 76, 88, 92, 94, 97, 98, 99, 102.
- Петръ Георгіевичъ, принцъ Ольденбургскій 30, 88.
- Пешуровъ, Алексѣй Никитичъ 42, 91.
- «Пиковая Дама», пер. на француз. принца П. Г. Ольденбургскаго. 88.
- «Письма А. Н. Карамзина къ матери» 79.
- «Письма Пушкина и къ Пушкину» В. Я. Брюсова 93.
- «Письма Пушкина къ П. В. Нащокину» 93.
- «Письма гр. В. А. Соллогуба къ Пушкину» 7—9, 76.
- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 47, 48, 76, 96—98.
- «Полѣтка назадъ» М. М. Молчанова 87.
- Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ 95, 97—99.
- Полевой, Николай Алексѣевичъ 89, 94, 95, 99.
- Полетика, Идалія Григорьевна 61, 85.
- Полпвановъ, Владимиръ Николаевичъ 86.
- «Полное собр. сочиненій» кн. П. А. Вяземскаго 84.
- «Полное собр. сочиненій» В. А. Жуковскаго 86.
- Полозовъ, Даниилъ Петровичъ 27, 84.
- «Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина» А. Аммосова 78, 80, 81, 82, 84, 87, 100, 104, 105.
- «Послѣдняя дуэль Пушкина» Б. В. Никольскаго 73, 89, 101.
- Пошманъ, Семенъ Антоновичъ 87.
- Протасьева, В. А. 102.
- «Псковскій Городской Листокъ», газета 92.
- Псковъ, городъ 42, 46, 92.
- Пушкина, Надежда Осиповна, рожд. Ганнибалъ 64.
- Пушкина Наталья Николаевна, рожд. Гончарова 6—8, 10, 12—14, 21, 23, 30—32, 44, 50—63, 76—78, 85, 86, 101—108.
- «Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора» Б. А. Модзалевскаго 74.
- «Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа» Л. Н. Майкова 105.
- «Пушкинъ въ Казани» А. С. Архангельскаго 86.
- «Пушкинъ въ Казани» Е. А. Боброва 86.
- «Пушкинъ въ Лапшевѣ» П. Суворова 86.
- «Пушкинъ въ Оренбургѣ» Д. Н. Соколова 86.
- «Пушкинъ въ Спмбирск. губ.» Н. А. Державина 86.
- «Пушкинъ въ Симбирскѣ» В. Н. Пошванова 86.
- «Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники» Я. К. Грота 105.
- «Пушкинъ и его современники», поврем. изд. Пушкин. Дома 73, 75, 77, 84, 86, 91, 93, 102, 104.
- «Пушкинъ и Люденко» Б. Л. Модзалевскаго 77.
- «Пушкинъ и симбирскіе старожилы» Д. Лебедева 86.
- «Пушкинъ» Л. Н. Майкова 77.
- «Пушкинъ», полн. собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова 75, 83, 100.
- «Пушкинъ» В. Я. Стоюнина 80.
- «Пушкинъ» П. Е. Щеголева 74, 89.
- Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 86.
- Ржевъ, городъ 6.
- Россетъ, Аркадіи Осиповичъ, 103.
- Россетъ, Клементій Осиповичъ 12, 26, 27, 84.
- «Русская жизнь в началѣ XIX в.» Н. О. Дубровина 100, 101.
- «Русская Старина», журналъ 76—80, 82, 86—88, 91, 99—101, 103, 105, 107.

- «Русскіе портреты XVIII и XIX в.» 99.
- «Русскій Архивъ», журналъ 76—78, 82, 88, 100, 103—108.
- «Русскій Біогр. Словарь» 87, 88, 99, 100.
- «Русскій Вѣстникъ», журналъ 86.
- «Русскій Эротъ не для дамъ». сборникъ 83.
- «Сборникъ біографій Кавалергардовъ» 80, 82, 84, 85, 100, 101.
- Серно-Соловьевичъ, Николай Александровичъ 75.
- Симбирскъ, городъ 86.
- Симоновъ монастырь 47, 96.
- «Слѣды пребыванія Пушкина въ Псковской губ.» П. П. Васильева 92.
- Смирнова, Александра Осиповна, рожденная Россетъ, 12, 24, 26, 73, 76, 80, 83, 84, 106.
- Смирновъ, Николай Михайловичъ 56, 61, 62, 78, 80, 81, 103, 104, 107, 108.
- «Смерть Пушкина» Б. Л. Модзалевскаго 76, 85, 91.
- Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ 98, 99.
- Соболевскій, Сергій Александровичъ 8, 83.
- «Собраніе сочиненій» Влад. С. Соловьева 104.
- «Собраніе сочиненій» В. В. Стасова 87.
- «Современникъ», журналъ 9, 10, 38, 90, 99.
- Соколовъ, Д. Н. 86.
- Соллогубъ, графъ, Владимиръ Александровичъ 6, 8—13, 15, 16, 22, 50, 76—80, 104.
- Соловьевъ, Владимиръ Сергѣевичъ 58.
- «Сочиненія Пушкина» 38.
- Спасскій, Иванъ Тимофѣевичъ 30, 32, 87.
- Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ 74, 88.
- «Старина и Новизна», сборникъ 76, 79.
- Стасовъ, Владимиръ Васильевичъ 87.
- «Стихотворенія Пушкина», не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій, Берлинъ, 1870 г. 82.
- Стоюнинъ, Владимиръ Яковлевичъ 80.
- Строганова, графиня, Наталья Викторовна, рожденная княжна Кочубей 57, 58.
- Строганова, графиня, Юлія Петровна, рожденная гр. Далмейда Огенгаузенъ 23, 82, 101.
- Строгановъ, графъ Григорій Александровичъ 23, 82, 91.
- Строгановъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ 47, 48, 99, 100.
- «Судьба Пушкина» Влад. Соловьева 58.
- Суворовъ, П. 86.
- Сухонинъ, С. 73, 90.
- Тверь, городъ 8—11, 77, 78.
- «Телескопъ», журналъ 98.
- Тибо, Викторъ Андреевичъ 27, 84.
- Тибо, Людвигъ 84.
- Тибо, Осипъ Андреевичъ 26—28, 83.
- Тимофѣевъ, Григорій 95.
- Толстой, Левъ Николаевичъ 77, 105.
- Третье Отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи 3, 6, 10, 11, 13, 14, 26, 28, 32, 34, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 53, 73—75, 82, 84, 88, 92—96, 99.
- Тригорское, село 93.
- Трубецкой, князь Александръ Васильевичъ 58, 104, 106.
- «Труды и дни Пушкина» Н. Лернера 77, 78, 81.
- «Труды Я. К. Грота» 105, 106.
- Тургеневъ, Александръ Ивановичъ 92, 93, 102, 104.
- Тютчевъ, И. А. 87.
- Убри, Алекс. Николаевичъ 77.
- Уваровъ, Сергій Семеновичъ 47, 100.
- Умань, городъ 27.
- Училище Правовѣднія 30, 87.
- Фикельмонъ, графъ 80.
- Философовъ, Алексій Илларионовичъ 97.
- Флетчеръ 100.
- Фонъ-Фогъ, Максимъ Яковлевичъ 75.
- Франшъ-Денерс, М. Г. 33.
- Фуксъ, Александра Андреевна 86.
- «Хаджи Муратъ» Л. Н. Толстого 105.
- Хитрово, Елизавета Михайловна, рожденная кн. Голенищева-Кутузова 12, 78.

- Хлюстинъ, Семень Семеновичъ 8,
76, 77.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ 100.
Цинскій, Левъ Михайловичъ 47, 48,
95, 99.
Чернышевъ, свѣтлѣйшій князь Але-
ксандръ Ивановичъ 81.
Чижовъ, Федоръ Васильевичъ 88,
89, 98.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, 98.
Шептицкій, графъ, униатскій митро-
политъ 93.
Шереметевъ, графъ П. С. 76.
Шернъ, Фанни 86.
Шиловъ, Алексѣй Алексѣевичъ 6,
74, 96.
Шипковъ, Александръ Семеновичъ
92.
Пляпкинъ, Илья Александровичъ 78.
Штеръ, Петръ Андреевичъ 27, 84.
Штукинъ, Александръ Васильевичъ
108.
Шуя, городъ 94.
Щеголевъ, Павелъ Елисеѣвичъ 5, 6,
13, 23, 44, 59, 60, 63, 66, 73, 80, 81,
88—90, 92, 101, 104, 105, 107.
«Щукинскій сборникъ» 100.
«Эпиграммы и экспромты» С. А.
Соболевскаго 83.
Языковъ, Дмитрій Ивановичъ 92.
Языковъ, Николай Михайловичъ 77,
100.
Ярославова 90.
-